

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

**РЕГИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА
В ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
УНИВЕРСАЛЬНОЕ И УНИКАЛЬНОЕ**

Сборник статей

КАЗАНЬ

2021

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус
Р32

*Издается в рамках реализации мероприятий
Государственной программы «Сохранение, изучение и развитие
государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике
Татарстан на 2014–2022 годы» по заказу ГАОУ ДПО «Институт развития
образования Республики Татарстан»
(договор оказания услуг № 622 от 15 ноября 2021 г.)*

Рецензенты:

доктор филологических наук, доцент, профессор **Л.А. Мардиева**;
доктор педагогических наук, профессор **И.Э. Ярмакеев**

Р32 **Региональная картина мира в языковой концептуализации: универсальное и уникальное:** сборник статей / под общ. ред. Е.А. Горобец. – Казань: Издательство Казанского университета, 2021. – 128 с.

ISBN 978-5-00130-544-6

В издании отражены результаты комплексного изучения специфики отражения мира в культуре и языке народов Российской Федерации и Республики Татарстан, представлены исследования, затрагивающие актуальные вопросы современной лингвистики и лингвометодики: общность мировосприятия и универсальные ценности в языковом воплощении; инокультурные ценности и вариативность русского языка; реконструкция культурных смыслов древнеславянской картины мира; преподавание русского языка в условиях этнокультурной фрагментации социума; преподавание иностранных языков в системе полилингвального образования; лингвистические исследования на стыке наук.

Для филологов и лингвометодистов, а также широкого круга специалистов, занимающихся проблемами региональных лингвокультурологических особенностей развития русского литературного языка в историческом и современном контексте.

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-00130-544-6

© Издательство Казанского университета, 2021

ИНТЕРАКТИВНЫЙ ПОДХОД ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Р.Р. Гилязова, А.Х. Ашрапова

Казанский федеральный университет

В статье рассматривается возможность использования методики интерактивного обучения в детском саду и начальной школе для изучения английского языка, обосновывается необходимость ведения и применения интерактивных тетрадей при изучении разделов грамматики, лексики, говорения. Интерактивная тетрадь, по мнению авторов статьи, способствует активации познавательной деятельности учащихся, стимулирует интерес к процессу обучения.

Ключевые слова: интерактивное обучение, интерактивная тетрадь, познавательная деятельность, самостоятельность.

Современное образование все больше нацелено на то, чтобы воспитать у школьников положительное отношение и интерес к процессу обучения. Следовательно, многие преподаватели ищут способы, позволяющие удерживать внимание детей на предмете изучения и мотивирующие на получение знаний. Мастерство современного педагога заключается в активации познавательной деятельности учащихся, стимулировании интереса к процессу обучения. Среди множества современных идей и технологий преподавания одним из действенных методов является методика интерактивного обучения. Интерактивное обучение – это способ познания, при котором учащиеся взаимодействуют друг с другом, обмениваются информацией, оценивают действия друг друга и свое собственное поведение, совместно решают проблемы, моделируют ситуации и погружаются в них [Щукин 2017: 24].

Интерактивное обучение отвечает потребностям современного мира в подготовке квалифицированных кадров, способных адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям. В этой связи в интерактивном обучении приоритет отдается двум ключевым задачам. Первая задача – научить учиться так, чтобы человек мог самостоятельно развивать свою индивидуальность и имел возможность эффективно работать с большими информационными массивами,

вычлeняя и осваивая то, что требуется для решения текущих вопросов. Вторая задача – научить применять на практике новые знания

Интерактивная тетрадь – это современная форма ведения тетради учащегося. Она помогает активно участвовать в уроке, анализировать данные, взаимодействовать с новой информацией на занятиях. Такая тетрадь предоставляет ребенку возможность в любое время рассмотреть, изучить, повторить учебный материал в занимательной форме [Райс, Карпенко 2020: 4–5].

Методика использования интерактивной тетради впервые была разработана в 70-х гг. XX в. (США, Калифорния). Идея создания красочных тетрадей, содержащих систематизированный и визуализированный учебный материал, распространилась по всей Европе. В ее основу вошли следующие положения: а) теория активного обучения; б) визуальное представление учебного материала; в) интерактивное взаимодействие; г) планирование обучения в обратном порядке; д) концепция спиральной учебной программы.

Методика преподавания с интерактивными тетрадями позволяет решить следующие задачи:

- структурирование и компактную организацию информации по изучаемой теме;
- практическое использование теоретической информации;
- детальное понимание и запоминание информации по изучаемой теме;
- многократное повторение изучаемого материала;
- закрепление материала по пройденной теме с учетом различных способов восприятия информации детьми;
- визуализация теоретического материала;
- развитие творческого мышления учащихся [Вавилова 2008: 16].

Интерактивное обучение отдает приоритет двум важным задачам современного образования: научить учащегося самостоятельно искать информацию из различных источников, собирать, обрабатывать и анализировать учебный материал; применять новые знания на практике.

Преимущества интерактивных тетрадей в практике преподавания английского языка: а) визуализируется грамматическая теория, что облегчает понимание материала; б) дети учатся систематизировать информацию, использовать материал на практике; в) развивается творческий потенциал детей, повышается мотивация к изучению предмета; г) с помощью интерактивных тетрадей обычные уроки оживляются.

Интерактивная тетрадь отвечает требованиям государственного стандарта [Аркадьев 2013], поскольку она: информативна; вариативна, т.е. возможно несколько вариантов ее использования; полифункциональна (способствует развитию творчества, воображения, мышления, внимания, логики и памяти ребенка); имеет дидактические свойства; представляет собой средство для художественно-эстетического развития учащегося; обеспечивает игровую, познавательную, творческую и исследовательскую деятельность, активность обучающихся.

Возраст, с которого дети могут начать знакомство с иностранным языком, условен, у каждого он свой, поэтому нет точного ответа на вопрос: «Со сколько лет дети могут учить английский?». Психологи, лингвисты и педагоги утверждают, что оптимальным возрастом для начала изучения иностранного языка является период от 3 до 5 лет, поскольку к этому времени у ребенка уже сформированы определенные навыки владения языком; наблюдается высокая восприимчивость к получению новой информации. Немаловажно и то, что ведущей деятельностью и основным элементом познания мира является игра. В процессе ролевой игры можно увлекательным образом научить ребенка базовой лексике иностранного языка. Для этого необходимы различные красочные книжки-раскладушки с яркими иллюстрациями членов семьи, животных, фруктов и овощей, предметов и т.д.

Иностранный язык дошкольникам 5–7 лет должен преподаваться ярко, интересно и красочно. С помощью интерактивной тетради можно с легкостью превратить урок английского языка в увлекательное занятие. В этом возрасте дети имеют достаточное представление об окружающем мире, хороший запас слов родного языка, они активно общаются со сверстниками, усваивают навыки

письма и чтения, у ребенка увеличивается объем памяти. Следовательно, в этом дошкольном возрасте дети начинают осмысленно изучать второй язык; если суметь сконцентрировать внимание ребенка и подойти творчески к преподаванию иностранного языка, то можно добиться значительных успехов.

Английский язык в начальной школе – это сложный и познавательный курс, нацеленный на изучение графической системы, лексики, грамматических форм и конструкций языка, улучшение произношения, приобретения навыков коммуникации. Иными словами, программа направлена на усвоение и развитие аудирования, чтения, письма и говорения. Перед педагогом начальных классов стоит сложная задача не только сформировать у учащихся устойчивый интерес к изучению иностранного языка, но и заложить прочные основы для дальнейшего его изучения. Сделать начальный курс английского языка эффективным и в то же время интересным и захватывающим помогают собранные в интерактивную тетрадь флэпбуки, книжечки с окошками, книжки-гармошки, карточки, которые способствуют визуализации теоретического материала, развивают моторику, творческий потенциал детей и помогают быстро усвоить материал. В этом возрасте необходимо применять относительно усложненные шаблоны со словесным содержанием, карточки, наполненные схемами и грамматическими конструкциями.

Как правило, ученики младших классов очень подвижны, энергичны и эмоциональны, поэтому задания в форме игр (ролевые игры являются неотъемлемой частью интерактивной тетради) позволяют направить энергию детей в правильное русло и сконцентрировать внимание на обучении. Применение полифункциональной интерактивной тетради способствует развитию творчества, воображения, мышления, внимания, логики и памяти ребенка.

Интерактивные тетради могут применяться в изучении следующих разделов английского языка: грамматика, лексика, говорение.

При обучении грамматике, как и при работе с другими аспектами языка, учебный процесс проходит в три этапа: ознакомление и первичное закрепление, тренировка, применение изучаемого материала с выходом в речь. Однако третий

этап при работе над грамматическими навыками в школе опускается, при этом игнорируется коммуникативный характер отработки грамматических структур [Рогова, Рабинович, Сахарова 1991: 51]. При изучении грамматики ребенок в процессе создания интерактивной тетради развивает зрительную память. Оформляя грамматическое правило или какую-нибудь конструкцию самостоятельно с помощью ярких карандашей, разноцветных бумаг, любимых наклеек, ребенок получает удовольствие. Красиво оформленное грамматическое правило запоминается лучше, чем любое правило из учебника. Кроме того, все, что создается руками, обладает особой ценностью. С помощью интерактивной тетради можно освоить такие грамматические темы, как *to be, have / has got, Plural of nouns, Prepositions, Present Simple, Past Simple, Future Simple, can / can't, like / don't like*.

Усвоение лексики с помощью флэпбуков, книжек-раскладушек, безусловно, продуктивнее традиционной формы, предполагающей «зубрежку» слов, которые быстро забудутся. Чем больше органов чувств задействовано, тем эффективнее результат. Иными словами, когда ребенок открывает интерактивную тетрадь и видит слова с соответствующими картинками, проговаривает их, он ассоциативно запоминает новую лексику. Изучение новых слов распределено по тематикам (*Family members, Food, Vegetables, Home, Travel*), тетрадь украшена красочными рисунками, ключевые слова выделены жирным цветом, чтобы при пролистывании они сразу бросались в глаза. С помощью такой интерактивной тетради выученный материал сохраняется в долговременной памяти.

Всем известно: **чтобы выучить язык, нужно, прежде всего, на нем говорить**. В школах в целях развития речи детей вынуждают заучивать готовые диалоги из учебников. Такие задания отличаются трудоемкостью и приносят скудные результаты. Дети вместо того, чтобы свободно говорить, привыкают пересказывать «вызубренный» текст. Ролевые игры, которые являются неотъемлемой частью интерактивной тетради, опять же представляют собой эффективный инструмент развития навыков говорения. Каждый ученик, проигрывая отведенную ему роль и используя подсказки в тетради, начинает строить собственные,

незаученные, уникальные диалоги, воображая себя участником реальной жизненной ситуации. Учащимся начальных классов можно предложить игры *In the shop, At the cinema, At home, McDonald's*. Каждая такая ролевая ситуация погружает ребенка в смоделированный мир, позволяя ему выражать свои мысли на изучаемом языке.

Таким образом, интерактивная тетрадь способствует развитию творчества, внимания, памяти, воображения, мышления и логики. Использование таких тетрадей на уроках вовлекает всех обучающихся в процесс усвоения и закрепления материала, позволяет сделать процесс обучения активным как для учителя, так и для учащихся.

Интерактивная тетрадь – это не просто современный метод обучения, помогающий развить познавательную, творческую активность ученика, эффективно усвоить и повторить материал на уроке, это полет фантазии, который может дать превосходные результаты.

Литература

Аркадьев А.Г., Днепров Э.Д. Государственная программа по английскому языку для общеобразовательных школ Министерства образования Российской Федерации. – М.: Издательство Дрофа, 2013. – 118 с.

Вавилова Л.Н., Панина Т.С. Современные способы активизации обучения. Учебное пособие. 4-е изд., стер. – М.: Академия, 2008. – 176 с.

Райс О.И., Карпенко Е.А. Интерактивные технологии в обучении. – М.: Интеллектуальная издательская система Ridero, 2020. – 90 с.

Рогова Г.В., Рабинович Ф.М., Сахарова Т.Е. Методика обучения английскому языку в средней школе. – М.: Просвещение, 1991. – 287 с.

Щукин А.Н. Методы и технологии обучения иностранным языкам. – М.: Икар, 2017. – 240 с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ ЧЕРЕЗ СРАВНЕНИЯ В ТЕКСТАХ АСТРАХАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ Ю. СЕЛЕНСКОГО

Л.П. Дугина

Астраханский государственный университет

В статье рассматриваются сравнения из текстов Ю. Селенского, в которых использованы наименования особенностей флоры, фауны и ландшафта астраханского региона. Сравнения-уподобления представляют собой особое средство. Выявлено, что в основе авторских сравнений лежит уподобление, а в качестве объекта сравнения выступают широко распространенные представления о воде, рыбах и птицах, что позволяет делать вывод об общности системы региональных образов.

Ключевые слова: образ, сравнение, художественный текст.

Художественные тексты Ю. Селенского представляют особый интерес для лингвистов, так как в них нашло отражение изображение реалий астраханской местности и людей, ее населяющих. Как отмечает Н.А. Тупикова, язык произведений писателя, связанного с краем биографически, не только дает представление о месте региональных языковых особенностей в системе русского языка, но и в обновленном социуме ориентирует восприятие личности на постижение образов «малой» родины как микромоделей мира с двух полноценно значимых сторон: как уникальной территории, местности, отличающейся от других земель, и как части целой страны [Тупикова 2002: 47].

Юрий Васильевич Селенский (Галишников) (1922–1983) – астраханский журналист, член Союза писателей СССР с 1966 г. Родился в Астрахани и выбрал себе чисто астраханский псевдоним. Художественные произведения и очерки, созданные им, одухотворены любовью к Астраханскому краю. Река и море у Ю. Селенского живые. Они являются героями повествования, и в этой неразрывной связи людей и природы своеобразие творческого почерка автора, которого называли «поэт Прикаспия», «дядя Гиляй Волжского Понизовья».

Тексты Ю. Селенского являются подлинными хранителями региональной (диалектной) лексики, так как в них эта лексика материально зафиксирована и употребляется автором осознанно, а не спонтанно, как это часто бывает в разговорной речи. Поэтому причинами выбора источников для репрезентации региональных образов, помимо вышеобозначенных, стали следующие:

– тексты Ю. Селенского воссоздают культурные и языковые традиции прошлого, являются актуальными для осмысления процессов, происходящих в современном русском литературном языке;

– анализируемые тексты уже стали классикой современной литературы не только в Астраханской области, но и за ее пределами;

– данные тексты служат базой для изучения идиостиля Ю. Селенского.

Материалом исследования послужили сравнения, в которых образ вербализован лексическими регионализмами. Региональные сравнения подвергались семантическому анализу. Сравнение в лингвистике рассматривается в качестве активного способа образной репрезентации информации. В сравнении, как правило, соотносятся понятия, действия, признаки, принципиально различные по своей природе; эта их отдаленность и создает яркий образ. Поэтому любое сравнение представляет собой необходимое сочетание трех составляющих: 1) *что* сравнивается (предмет, качество предмета или выполняемое им действие); 2) *с чем* сравнивается (объект для сравнения) и 3) *на основе чего* одно сравнивается с другим.

Одна из особенностей лексических наименований образов для сравнения, анализируемых в статье, – это их региональная специфика. Региональный «образ» передает такой элемент смысла, который не представлен в общеязыковых сравнениях, и несет ценную лингвокультурологическую информацию. А исторически сложившееся представление жителей региона об окружающей действительности, нашедшее воплощение в формах языка, составляют региональную языковую картину мира. При этом структура и членение национального языка не являются неизменными, а общность системы региональных образов может быть проиллюстрирована особенностями авторского выбора объекта для сравнения в узуальных компаративных оборотах [Баташева, Кайгородова 2012: 239; Кайгородова 2012: 101].

Собственной языковой спецификой обладает и астраханский вариант национального русского языка, который можно рассматривать как один из его региолектов. Региолект, в свою очередь, отличается от местного,

территориального, диалекта тем, что в нем проступают следы диалектных влияний, смешанные с городским просторечием.

Семантическое пространство произведений Ю. Селенского обусловлено авторской интенцией выбора языковых средств. Лексика, номинирующая региональную специфику, выполняет в его произведениях функцию тематической организации, функцию обеспечения связности речи, стилистическую функцию.

Особое место в текстах Юрия Васильевича занимают сравнения-уподобления. С точки зрения В.И. Огольцева, цель и назначение данного средства состоит не в выражении понятия, а в выражении восприятия, то есть признака предмета, данного нам в ощущении. Поэтому представление, будучи результатом непосредственного ощущения, значительно осложняется семантическими наслоениями тех слов-понятий, которые участвуют в его выражении, и теми семантическими взаимосвязями этих слов-понятий, которые обнаруживаются в компаративной структуре [Огольцев 1978: 44].

Для наименования главной единицы региолекта Т.А. Кадола введен термин «регионализм», под которым понимаются слова, функционирующие на определенной территории, не зафиксированные в толковых словарях литературного языка (или получающие в них пометы *обл.*, *местн.*, *прост.*, *разг.*), являющиеся частью региональной культуры. Автор считает, что изучение регионализмов позволяет лучше понять региональную культуру, проанализировать влияние других языков и культур, исследовать русский язык в аспекте регионального существования [Кадола 2011: 22].

Таким образом, регионализмы не просто функционируют на той или иной территории, то есть используются местными жителями, но и называют важные для региона реалии (природные, социальные, бытовые, культурные и др.).

Именно этим обусловлен тот факт, что данные языковые единицы являются частью региональной культуры. Кроме того, к числу регионализмов следует относить не только слова, но и устойчивые сочетания слов (для Астраханского края это такие словосочетания, как *верховая вода*, *верховой ветер*, *жаркая рыба*, *полая вода* и др.).

Произведения Ю. Селенского представляют источники, репрезентирующие региональную картину мира, в рамках которой можно выделить такие понятия, как *река, рыба, соль, птица, ловцы, степь* и др., они часто выступают в качестве предмета сравнения и отражают местные особенности флоры, фауны и ландшафта астраханского региона. То есть художественное восприятие мира обусловлено доминантными для астраханского региона природными особенностями, и связанным с ними в прошлом основным промыслом населения – ловецким.

Рассмотрим языковые единицы, функционирующие на территории Астраханского края (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Регионализмы в сравнениях Ю. Селенского

Регионализм	Сравнение в тексте Ю. Селенского	Толкование словаря
РЕЮШКА	«... Лодка (реюшка)... сшитая грубовато, но прочно, как рабочий сапог , и надежная на случай шторма...» (Ю. Селенский. Одна тревожная ночь)	РЕЮШКА. Палубное двухмачтовое судно с латинскими парусами. «Реюшка» образовано от глагола – реять.
ПОДЧАЛОК	«Никакой не наукой – только народной смекалкой создан такой подчалок . Ловко скроена и сшита малая посудинка» (Ю. Селенский. Моряна – ветер шальный)	ПОДЧАЛОК. Лодка, не поднимаемая на борт судна, а следующая за ним на привязи.
РЫБНИЦА, БУДАРКА	«Большие и малые, редко какой-нибудь пароход покажется, а то все реят морские приемные рыбницы , морские бударки , реюшки, и полет их в одном направлении – к плавзаводу.» (Ю. Селенский. Живут возле моря люди)	РЫБНИЦА. 1. Место, куда доставляют выловленную рыбу. 2. Промысловое рыболовное судно. БУДАРА. Длинная и узкая лодка, нижняя часть которой выдолблена из цельного дерева, а борта нашиты из досок.
ЗАКРОЙ	«...за ней, не дальше, чем в закрое , встала другая стойка, потом третья. Эти маленькие ловецкие посудинки с привязанными у кармы подчалками были похожи на плывущих по морю уток с утятами» (Ю. Селенский. Моряна – ветер шальный)	ЗАКРОЙ. Место стоянки, временного расположения; место зимовки рыб, перелетных птиц.

Высокую активность в создании сравнений имеют орнитонимы – наименования птиц, которые непосредственно обитают на территории Нижнего Поволжья (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Орнитонимы в сравнениях Ю. Селенского

Орнитоним	Сравнение в тексте Ю. Селенского	Толкование словаря	Анализ
КУЛИЧОК	«Главный из жюри, маленький мужичонка с носиком-шильцем, как у куличка, от возмущения слюнями весь избрызгался» (Ю. Селенский. Зови меня тетя Паша).	КУЛИК – небольшая болотная птица сем. ржанковых, с длинными ногами и длинным носом.	Кулик отличается достаточно «утонченным носом» (8–10 сантиметров). Ю. Селенский, используя эту особенность птицы, рисует перед читателем образ достаточно смешной – маленький мужичонка с длинным, заостренным носом.
МАРТЫН	«...А он смолоду, как мартын : на берег только к вечеру прилетает» (Ю. Селенский. Крутая Рамень).	МАРТЫН – народное название водоплавающей птицы семейства чаек, обитающей по берегам водоемов и питающейся рыбой	Ю. Селенский рисует перед читателем образ «свободного», не обремененного обязательствами человека.
ЧЕПУРА	«На тех местах, где ты тонул, нынче чепуры ноги моют» (Ю. Селенский. Каспийская повесть).	ЧЕПУРА – цапля	Чепура – длинноногая болотная птица большим клювом длинной шеей. Символ быстротечности жизни.

Нередко авторы Нижнего Поволжья при помощи сравнения человека с рыбой указывают на внешние черты героя, например, сходство по цвету рыбы: *Лицо-то, куда там ни шло, а шея у Прохора стала красная, как перо у той самой красноперки* (Ю. Селенский. Каспийская повесть). В данном сравнении подчеркивается невероятное смущение героя.

Таким образом, вербализация региональных образов в сравнениях художественных текстов астраханского писателя Ю. Селенского позволяет дополнить представление о концептосфере национального языка. В качестве региональной компоненты сравнений использовалась лексика, отображающая природные

особенности астраханского региона. Сравнения оказываются эффективным средством осмысления и поэтической интерпретации окружающей действительности, дают субъективные представления об окружающем мире.

Литература

Баташева Л.А., Кайгородова И.Н. Региональные номинации в сравнительных оборотах // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения языковой номинации: матер. междунар. науч.-практ. конф. (г. Кострома, 22–24 марта 2012 г.) / под науч. ред. А.М. Меллерович. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. – С. 239–240.

Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. – М.: Дом Славянской кн., 2008. – 959 с.

Кадола Т.А. Региональная лексика как проявление поликультурности // Язык и культура. – 2011. – № 2 (14). – С. 22–28.

Кайгородова И.Н. «Картина мира» Астраханского края в значениях слов // Русское слово в контексте этнокультуры XX–XXI вв.: сб. науч. тр. по итогам Междунар. заочн. науч. конф. (ноябрь 2011). – Старый Оскол: Изд-во «РОСА», 2012. – С. 97–101.

Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 160 с.

Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Толковый словарь русского языка в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова // URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/17/us3e1310.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 20.09.2021).

Толковый онлайн-словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой // URL: https://lexicography.online/explanatory/efremova/?__cf_chl_managed_tk__=pmd_PclH6kDNXVQsu9NNv25sZAAAiEgDCjtiG5DrdTzE5aA-1634125714-0_gqNtZGzNAvujcnBszQil (дата обращения: 20.09.2021).

Тупикова Н.А. Характерологическая функция именной и глагольной лексики в рассказах Е.А. Кулькина // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – Вып. 2. – 2002. – С. 47–52.

РЕГИОНАЛЬНАЯ МИКРОТОПОНИМИЯ: ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ

О.И. Еременко, В.В. Демичева, Т.В. Яковлева

*Белгородский государственный национальный исследовательский
университет*

В статье подвергается анализу микротопонимическая лексика, бытующая в речи жителей с. Шелаева Валуйского района Белгородской области. Авторами выделены принципы номинации региональной микротопонимии, а также охарактеризованы признаки, лежащие в основе микротопонимов.

Ключевые слова: топоним, микротопоним, типы микротопонимов, особенности и типы номинации.

Современные лингвистические исследования носят ярко выраженный антропоцентрический характер, в связи с чем объектом исследования часто становятся лексические единицы, отражающие действие человеческого фактора в языке. К таким единицам, несомненно, относятся топонимы, которым современная лингвистика уделяет пристальное внимание, обусловленное особой ролью топонимических названий в жизни человека. Во-первых, именуя географический объект, топонимы выполняют номинативную функцию, и «с помощью названий фиксируется вся жизнь человека» [Поспелов 2002: 7]. Во-вторых, топонимы – «зеркало нашей истории и нашей жизни» [Матвеев 1978: 56]. Сформировавшиеся на основе языковой, исторической и культурной общности народа, топонимы являются ценным источником информации об истории, культуре региона, поскольку «истоки их уходят в далекое прошлое, нередко теряясь в глубине веков. В них много поэзии, дорогих отзвуков прошлого» [Щеулина 2001: 195]. Исследуя географические названия, топонимика использует информацию из различных областей знания: лингвистики, истории и географии, этнологии.

Особое место среди топонимов занимают микротопонимы, к вопросам изучения которых в России впервые обратились А.В. Суперанская, Г.П. Смолицкая, В.А. Никонов, Е.М. Поспелов, Р.И. Блиннохватова, Ю.А. Карпенко и др. Особенно активно микротопонимия стала изучаться с последней трети XX века (Л.А. Климкова, И.К. Фролов, С.А. Попов, И.В. Жиленкова, Л.А. Климкова,

А.С. Крюкова, Т.В. Толбина и другие ученые), когда появились многочисленные описания микропонимов того или иного региона. Однако, несмотря на многочисленные исследования, статус микропонимов в современной топонимике окончательно не определен, что отражается в многочисленных дефинициях этого понятия.

А.В. Суперанская относит к микропонимам «индивидуальные названия небольших природных и искусственно созданных объектов. Обычно это первичные названия, соотносящиеся с видом или свойством называемого объекта» [Суперанская 1967: 38]. По мнению исследователя А.С. Крюковой, микропонимы – это «названия мелких объектов, известных обычно небольшому кругу местных жителей» [Крюкова 1969: 208]. Н. В. Подольской микропоним определяется как «собственное имя (чаще) природно-географического объекта, (реже) созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления: функционирующее лишь в пределах микротерритории, известное узкому кругу людей, живущих вблизи именуемого микрообъекта, в т. ч. микрогидроним, микроойконим, микроороним, микрохороним, названия урочищ, хозяйственных угодий, микросооружений (колодцев, мостов, будок, вышек, зимовий, кордонов, охотничьих домиков и т. п.)» [Подольская 1988: 86]. Определение, предлагаемое Н.В. Подольской, содержит перечисление объектов, относящихся к микропонимам, список которых в современной ономастической науке не определен окончательно, поскольку «состав микропонимии того или иного региона зависит от ее физико-географических особенностей, заселенности, особенностей хозяйственного освоения» [Поспелов 1967: 24].

На необходимость и важность изучения в современной ситуации микропонимов указывает Г.Ф. Ковалев, который отмечает, что «...Именно эта категория имен собственных наиболее уязвима. Уходят без возврата старые названия улиц, частей населенных пунктов, а ведь они многое могли бы рассказать» [Ковалев 2005: 4]. Многие лингвисты подчеркивают, что данный языковой материал в силу особенностей своего существования может бесследно исчезнуть, поэтому собрать и сохранить его чрезвычайно важно [Толбина 2003: 3 и далее].

На современном этапе развития лингвистики можно говорить о существовании различных векторов исследований микропонимии. Но несомненным является тот факт, что исследование микропонимов обязательно выводит исследователя на изучение диалектной региональной картины мира, поскольку микропонимия «репрезентирует мир таким, каким видит его сельский житель, труженик, тот мир, в котором он живет, который созерцает, ощущает, осмысливает, познает, отражает, и отображает погруженность сельского жителя в конкретные условия жизнедеятельности. Микропонимия – средство вербального кодирования того, что играет важную роль в жизни человека, является ценностным для него» [Климкова 2008: 121].

Объектом нашего внимания являются микропонимы, бытующие в речи жителей села Шелаево Валуйского района Белгородской области. Материалом для исследования послужили более ста микропонимов, выявленных в процессе работы с информантами (жителями села Шелаево, особенно старожилками), а также в процессе изучения краеведческих и архивных источников.

В процессе анализа микропонимической лексики, бытующей в речи жителей села Шелаево, в первую очередь мы обращали внимание на принципы номинации, используемые в региональной микропонимии. Под принципом номинации нами понимается то основание, по которому сельский объект получил свое название. Именно принципы номинации являются отражением приоритетов и ценностей жителей села, в них находят отражение человеческий фактор и внеязыковая действительность.

Прежде всего были выделены типы названий с. Шелаево и его окрестностей по характеру объекта. Анализ показал, что микропонимия анализируемой территории представлена следующими группами микропонимов:

– дримонимы, представляющие собой совокупность наименований лесов и садов или их частей: *лес Старый, Ближний лес, Зорянский лес, Помещичий лес, лес Обнога, Дальний лес, Новый сад, Старый сад, Колхозный сад;*

– дромонимы, включающие названия тропинок и дорог: *Лесная дорога, Развильневская дорога, Кабанья дорога, Дальняя дорога, Кошеная дорога, Тюремная дорога, Кривая дорога, Городская дорога;*

– названия объектов рельефа: *Паньков яр, Лесной овраг, Дедов овраг, Ванюшкин яр, Каменный овраг, Байбайчий яр, Лисьи норы, Три могилы (холм), Куликова горка; Антипов яр, Потапов бугор;*

– названия полей, лугов: *поле Штаны, Дальнее поле, Кривое поле, луг Яблоньки, Конопляник (поле), Штаны (поле), Гусиный луг;*

– названия улиц, частей села: *Выгон* (название центральной части села), *Армянская улица* (в строительстве улицы принимали участие армяне), *Поляна* (название части улицы Заречной), *Школьная улица* (часть улицы Центральной, где находится школа), *Партизан* (название части улицы Советской), *Садовая улица* (часть улицы Советской, которая примыкает к колхозному саду), *Уткин край* (название части улицы Светлой);

– микрогидронимы, которые представляют собой совокупность наименований мелких водных объектов. Это названия ручьев, частей рек, мест купаний на реке, прудов, небольших озер. Например, *Парня, Старый пляж, Утянский пляж, Дикий пляж* (названия мест купания на реке Оскол), *Пралья, Лягушатник* (места на реке Оскол), *Новый пруд, Старый пруд, Чижиково озеро, Дурнев пруд, Мишино озеро, Лягушевский пруд, Гусарово озеро, Боровской пруд, озеро Оскольцы.*

Многие микропонимы, бытующие в речи жителей села Шелаево, включают в свой состав географические термины: *лес, пруд, озеро, гора, дорога* и т.п., например: *Знаменская гора, Мишино озеро, Дальний лес, Кабанья дорога* и др.

Значительная часть микропонимической лексики перестала отражать подлинный характер микрообъекта. Так, название части улицы Советской – *Партизан* – объясняется тем, что раньше на территории села находилось несколько колхозов. Один из них, располагавшийся на улице Советской, назывался *Красный партизан*, по которому часть улицы и получила свое неофициальное название. Название *Колхозный сад* также не соответствует реальности, так как колхоз

перестал существовать и сад в настоящее время принадлежит частному лицу, но название сохранилось прежнее. Чтобы понять смысл названия центральной части села (*Выгон*), нужно обратиться к еще более далекому прошлому. Выгоном раньше назвали место в селе, куда крестьяне выгоняли скот (коров, овец), а от туда их уже гнал на пастбище пастух.

Анализ представленных наименований призывает, что в региональной микротопонимии самым большим количеством номинаций представлены названия оврагов, затем следуют названия лесов, единичными номинациями представлены микрогидронимы, среди которых преобладают названия прудов, и микроспелионимы. Данная классификация демонстрирует отражение в языке географических особенностей местности и в то же время – отражение человеческого фактора, так как названия эти дает человек, а он называет прежде всего то, что ему для него является важным и нужным.

В микротопонимах, бытующих в речи жителей села Шелаево, получают отражение различные физические признаки именуемых объекта, а именно:

- размер (*Большой пруд*);
- форма (*Кривая дорога, поле Штаны, лес Круглик, поле Сапог*);
- расположение (*лес Ближний, лес Дальний, Подлес* – часть улицы, расположенной около леса);
- внешние особенности (*Черная гора, Белая гора, Желтый овраг, Чернушка* (ручей), *Грязный пруд*).

Ряд микротопонимов в своих названиях закрепил такие признаки объекта, которые являются отражением географических условий села Шелаево, а именно: рельеф местности, характер почвы, растительность, животный мир: *Глинище, Орехов овраг, Кабанья тропа, Лисьи норы*.

Особый интерес представляют названия, связанные с именами людей, – антропотопонимы. Как правило, такие микротопонимы отражают имена первопоселенцев, владельцев или живущих рядом с именуемым объектом, например, *лес Макатов, Паньков яр* (рядом находился дом, хозяина которого звали дед Панько). В процессе такой номинации использовались все формы имени –

личное имя, фамилии, прозвище. Личное имя лежит в основе таких микротопонимов, как *Антонов бугор*, *Потапов бугор*, *Мишино озеро*, *Анискин колодезь*. Так, к фамилиям восходят названия – *Аркатов край* (часть улицы 25-го съезда КПСС, раньше там жил помещик Аркатов), *Уткин край* (место, где раньше находилось поместье Уткиных). К прозвищам восходят следующие микротопонимы: *Чижиково озеро* (мужика прозвали *Чижиком*), *Гусарово озеро*, *Бочкино озеро*.

Среди микротопонимов, созданных на базе антропонимов, представлены номинации, которые отражают местоположение объекта по отношению к той или иной семье, проживающей возле данного объекта: *За-Панкратовыми лес*, *За-Рагуткиными поле*, *За-Борщами поле* (*Борщ* – фамилия). При использовании этого способа номинации основой микротопонима является имя собственное (фамилия, дворовое прозвище, иногда имя) в форме множественного числа.

Значительным количеством номинаций представлены микротопонимы, отражающие характеристику объекта по его значению в хозяйственной жизни села, например: *овраг Песошное* (раньше там добывали песок), *поле Кошары* (раньше там находились помещения для овец), *овраг Глинище* (место, где добывали глину). Среди микротопонимов, соответствующих данному принципу номинации, есть и такие, которые отражают ушедший в прошлое уклад жизни, например: *Макатов лес* (земля принадлежала раньше помещику Макатову).

В микротопонимической лексике отражаются явления прошлых веков и, следовательно, широко представлены номинации, относящиеся к устаревшей лексике. Примером может служить микротопоним *Пралья* (место на реке). Полагаем, что производящая база данного микротопонима – устаревший глагол *прать*, который в «Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля толкуется следующим образом: «стирать, выминая, колотить вальком, пральником» [Даль 1994, 2: 382]. В качестве иллюстрации В.И. Даль приводит следующий пример: «*Белье стирают дома, а прут и полощут на речке*» [Даль 1994, 1: 382].

С микротопонимическими названиями довольно часто связаны различные местные легенды, которые содержат объяснение той или иной номинации.

Например, одно из мест в селе Шелаево называется *Парня*, поскольку здесь якобы любили раньше собираться парни – молодые люди. Но вероятно, что такое толкование является типичным случаем ложной народной этимологии, поскольку В. И. Далем данная лексема толкуется как «пар, паровое поле, третье или гулево поле; обычно оно служило и выгоном» [Даль 1994, 2: 21]. Такое толкование слова *парня* позволяет предположить, что в этой части Шелаева располагались земли, отводимые под пар.

Как видим, анализ микротопонимов требует привлечения данных историко-культурного развития села, его географических особенностей, что обуславливает обращение к экстралингвистическим факторам. «Микротопонимы, – как справедливо отмечает Л.А. Климкова, – выполняют функцию «аккумуляции памяти» – исторической, событийной, мировоззренческой, языковой и иной – материальной, вещной и духовной» [Климкова 2001: 231].

Таким образом, в микротопонимии с. Шелаево представлены разные топонимические классы (микрогидронимы, микрооронимы, дримонимы и т.д.), формирование и развитие которых происходило естественным путем. Анализ способов номинации, используемых в сельской микротопонимии, свидетельствует, что большинство таких названий имеет прозрачную мотивацию, сказанное позволяет определить семантические предпочтения жителей села. Многие наименования характеризуются яркой экспрессивностью и образностью, что позволяет говорить о наличии у микротопонимов эстетической функции.

В связи с компетентностным подходом в языковом образовании наряду с учеными Т.Ф. Новиковой, В.В. Демичевой, О.И. Еременко и другими мы выделяем лингворегионоведческую компетенцию: «...Лингворегионоведческая компетенция предполагает осознание связи языка с историей и культурой региона. Это система знаний о культуре, истории, обычаях и традициях «малой» родины, извлеченная из регионально маркированных языковых единиц. Становление этого вида компетенции происходит в процессе знакомства с лингвокраеведением (диалектной речью, региональной ономастикой, фольклором и т.п.). Формирование лингвокраеведческой компетенции предполагает организацию наблюдений

за языковыми особенностями региона, обогащение словаря учащихся региональной лексикой, развитие умений и навыков использования такой лексики в собственных высказываниях, в различных коммуникативных ситуациях» [Яковлева и др. 2011].

Исследование микротопонимов очень важно для методики преподавания русского языка, так как этот языковой материал несет в себе познавательную и воспитательную направленность.

Таким образом, микротопонимы Белгородчины представляют собой особый интерес, поскольку они являются результатом различных способов номинации.

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ТЕРРА, 1994. – Т. 2. – 555 с.

Климкова Л.А. Микротопонимия в региональном онимическом пространстве: аспект взаимодействия единиц // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина: сборник статей по материалам междунар. научн. конф. – Н. Новгород, 2001. – С. 230–233.

Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ: монография. – Арзамас: АГПИ, 2008. – 261 с.

Ковалев Г.Ф. Ономастическое исследование и изучение родного края // Воронежское лингвокраеведение: межвузовский сб. научн. тр. Выпуск 1. – Воронеж: ВГУ, 2005. – С. 3–21.

Крюкова А.С. Семантический и словообразовательный анализ микротопонимии Приуралья // Ономастика Поволжья. – Ульяновск, 1969. – С. 208–214.

Матвеев А.К. Тезисы о топономастике // Вопросы ономастики / отв. ред. А.К. Матвеев. – Свердловск: УрГУ, 1974. – № 7. – С. 5–18.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 187 с.

Поспелов Е.М. Географическая терминология в микротопонимии Восточных Карпат // Микротопонимия: Материалы совещания / отв. ред. О.С. Ахманова. – М.: МГУ, 1967. – С. 23–30.

Суперанская А.В. Микротопонимия, макротопонимия и их отличие от собственно топонимии // Микротопонимия: материалы совещания / отв. ред. О.С. Ахманова. – М.: МГУ, 1967. – С. 3–10.

Толбина Т.В. Микротопонимия Воронежской области: Особенности номинации: автореф. ... дис. канд. филол. наук / Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2003. – 21 с.

Щеулина Г.Л. Семантический и этнолингвистический анализ топонимики Верхнего и Среднего Подонья // Лингвистическое отечествоведение: коллективная монография. – Елец, 2001. – С. 190–205.

Яковлева Т.В., Демичева В.В., Еременко О.И. и др. Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере белгородской области): коллективная монография/ под ред. Т. Ф. Новиковой. – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – 228 с.

НАИМЕНОВАНИЕ ПЕЧЁНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ МУКИ В РУССКИХ ГОВОРАХ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

(на материале «Словаря русских говоров Башкирии»)

Ю.А. Ермолаева, Г.Г. Фефелова

Уфимский государственный нефтяной технический университет

Проанализированы лексические единицы, входящие в состав лексико-грамматической группы «печёные изделия из муки», в русских говорах Башкортостана. Отмечены различия в лексико-семантическом наполнении и структурной организации изучаемых наименований, связанные с особенностями историко-культурного развития региона. Выявлены особенности материальной культуры народов, проживающих на территории Республики Башкортостан, отраженные в лексической системе говора, из которых складывается целостное восприятие диалектной картины мира. Показаны примеры варьирования диалектного слова, осуществляемого с использованием разнообразных средств номинации. Описаны некоторые приемы освоения действительности, характерные для русских говоров вторичного образования.

Ключевые слова: русский язык, лексико-семантическая группа, диалект, диалектная картина мира, диалектная номинация.

Системное описание тематических групп лексики народных говоров на отдельных территориях позволяет всесторонне исследовать процессы, охватывающие отдельные слова и целые лексические объединения. Многочисленные исследования подтверждают, что «в разных говорах компоненты лексической группы, их взаимосвязь, а также выбор мотивирующего признака при назывании схожих реалий существенно различаются [Виноградова 2013]». Именно поэтому описание лексико-семантических групп должно осуществляться с учетом ономаσιологического, структурно-семантического и ареального анализа диалектных слов в отдельных говорах русского языка.

В настоящей статье мы рассматриваем лексику питания в русских говорах Башкирии, в частности ее подгруппу «Печёные изделия из муки». Интерес к данной группе лексем обусловлен тем, что еда и приготовление пищи остаются важным аспектом жизни человека, именно поэтому названия продуктов питания составляют значительную часть лексической системы языка. К исследованию данного вопроса обращались П.П. Виноградова, Т.В. Леонтьева, Л.В. Илюкина и другие ученые. Интерес ученых к данному пласту лексики объясняется

следующим: «...Лексика питания, в том числе названия печёных изделий из муки, принадлежит к древнейшим пластам общенационального лексического фонда, в ней отразился опыт практического и культурного освоения человеком окружающей природы» [Виноградова 2013].

Лексико-семантическая группа народных названий печёных (выпечных, хлебных) изделий, функционирующих в русских говорах на территории Республики Башкортостан, характеризуется богатством лексического состава. Анализируя и представляя системное описание данного лексического объединения, мы исходим из необходимости учета типологической и хронологической неоднородности диалектной микросистемы, сложившейся на территории Республики Башкортостан, которая свойственна всем говорам вторичного образования (подробно об этом: [Здобнова 2001, Ермолаева 2018]). Подобная система, представленная нетождественными с генетической и хронологической точек зрения лексико-семантическими единицами, характеризуется, по наблюдениям Г.М. Курбангалеевой, повышенной проницаемостью, то есть способностью «легко включать в свой состав новые элементы, пришедшие из других систем» [Курбангалеева 2016].

Комплексное исследование системной организации наименований печёных изделий из муки, представленное в настоящей статье, опирается на следующие предположения:

1. Группа названий выпечных изделий в русских говорах Башкирии является достаточно целостным образованием и характеризуется некоторыми различиями в лексико-семантическом наполнении и структурной организации изучаемых наименований, что связано с особенностями историко-культурного развития региона.

2. Наименования печёных изделий из муки в русских говорах Башкирии находятся в определенном соотношении с лексикой литературного языка, совпадая или не совпадая с ней по своим структурно-семантическим и функциональным характеристикам.

Фактический материал исследования извлечен из «Словаря русских говоров» под ред. З.П. Здобновой методом сплошной выборки [Здобнова 2008].

Самыми популярными продуктами питания названной тематической группы стали хлеб, лепешки, блины, оладьи, различные виды печёных изделий из теста. Рассмотрим их подробнее.

Хлеб – одно из частотных наименований продуктов на крестьянском столе. По данным «Словаря русских говоров Башкирии» [Здобнова 2008], в говорах Башкирии встречается слово *икмак* 'хлеб' (Бир: Бик), заимствованное из татарского и башкирского языков. Отдельного упоминания заслуживают диалектные слова, представляющие наименования хлеба из муки разного качества: *калач* 'белый пшеничный хлеб' (Белеб: Н); *оржаной* (Ал: М; Байм: Б; Стерлит: Пр) и *оржанный* (Гаф: Т), *ржанина*, *ржанинка*, 'ржаной хлеб'; *хлебушки*, мн., 'ржаные хлебцы' (Мел: Н); *ситник* 'белый хлеб' (Байм: Б); *ситный*, в знач. сущ. 'хлеб из ржаной муки' (Арх: И; Бир: Пит; Мел: В), 'хлеб из пшеничной муки' (Стерлит: Пр).

В говорах встречаются лексемы, называющие хлеб по форме, размеру: *алябыш* 'маленький каравашек, булочка, испеченная из остатков теста' (Бир: Баз, Калинин, Ос, Сим; Куш: А); *каравай* 'большой круглый хлеб из ржаной муки' (Дув: С; Мел: В); *каравашек* 'небольшой хлебец' (Арх: Л; Бир: Баз, Калинин, Пит, Сим; Карайд: Б; Куш: А; Уф: Яр), 'маленький хлебец, булочка из пшеничной муки' (Аур: Т), 'небольшой хлебец из остатков теста' (Стерлит: Пр), 'небольшой хлебец, испеченный в масле' (Дув: С); *коровашек* (Уф: П), *каралька* 'хлебное изделие в виде баранки' (Калт: К, Л); *кирпич* 'хлеб в форме кирпича' (Уф: Яр); *колоб* (Куш: А), *колобашика*, *колобок* (Стерлит: Пр) 'небольшой круглый хлебец'; *пирог* 'хлеб круглой формы, каравай' (Белеб: Н; Гаф: А; Стерлит: Пр).

Представлены диалектные слова и выражения, называющие или описывающие процесс подготовки и выпечки хлеба: *базарный калач* 'украшенный хлеб, из кислого теста делают украшения' (Мел: Н); *двухэтажный хлеб* 'хлеб, выпеченный из муки, смешанной с травой' (Куш: А); *мазанный хлеб* 'хлеб, смазанный перед выпечкой водой' (Арх: А); *поскребыш* и *поскребышек* (Бир: Петр, Пит,

Сим; Дув: С, Куш: А) 'хлебец, испеченный из остатков теста' (Белеб: Н). Интересно, на наш взгляд, сочетание *ведряный хлеб* 'хлеб, высушенный на солнце, на ветру, в ясную погоду, а не в овине' (Стерлит: Пр), которое связано с диалектизмом *ведро* 'хорошая погода'.

Исследователи отмечают, что говорам свойственна высокая экспрессивность [Фефелова 2019: 161]. Именно это свойство присуще диалектным словам со значением 'плохо выпеченный хлеб': *альябишек, алябушка* (Бир: Баз, Калин, Ос, Сим), *альябышек* (Бир: Петр), *заскребыш; алябыш, алябишка* (Куш: А), 'хлеб из неудавшегося теста' (Бир: Ос, Петр, Пит, Сим; Куш: А); *альякиш* 'плохо выпеченный хлеб; хлеб с закалом' (Бир: Пит; Куш: А); *клеклый* 'непропеченный хлеб' (Мел: Н); *перепека* 'хлеб, излишне запеченный, пересидевший в печи' (Караид: Б); *хлеб не идет* 'тесто не поднимается', *хлеб не вытронулся* 'тесто не подошло, не готово к выпечке' (Караид: Б), *хлеб сел клеком* 'о хлебе с непропеченной нижней частью' (Арх: А).

Таким образом, количество диалектизмов, называющих хлеб, указывает на важность этого продукта в рационе. Хлеб, как правило, выпекали дома, покупной белый хлеб из муки высшего сорта называли *базарский калач* (Мел: Н).

Следующее выпеченное блюдо из теста – лепешки. Его распространенность объясняется легкостью в приготовлении. Лепешки готовили из пресного и кислого теста, добавляли начинку, ср.: *колоб* 'лепешка'; *альякушки* 'плохие невкусные лепешки, блины, хлебы' (Каш: А); *ландошки*, мн. 'лепешки из пресного теста' (Байм: Б); *лужбянки* 'лепешки с конопляными выжимками', *палишка, перепечка, преснушка, приженики* (Бир: Ос) 'лепешка из кислого теста, испеченная перед пылом' (Игл: О); *ситник* 'пресная лепешка из белой муки' (Байм: Б); *сканица* 'тонко раскатанная пресная лепешка' (Белеб: Н); *сочень* (Бир: Баз, Калин, Ос, Пит; Гаф: А; Дув: С; Стерлит: Пр.) и *сочник* (Бак: К; Белеб: Н; Бир: Баз; Караид: Б) 'лепешка из пресного, тонко раскатанного теста, иногда с начинкой из каши, творога и т.п.'; *шаньга, шанежка* 'толстая лепешка квадратной или продолговатой формы, покрытая сверху творогом, картофельным пюре или

сметаной, подбитой мукой', ср. также *тварожны шаньги, картовны шаньги, налевны шаньги*.

Традиционное блюдо славян – блины, оладьи – представлены в русских говорах следующими лексемами: *блинцы*, мн., ед. не употр., 'блины' (Белеб: Н; Мел: Н); *кислые блины* 'блины из кислого теста'; *колоб* 'блин из квашеного теста, толстый, во всю сковороду, просяной или гречневый'; *лапоть* 'о толстом блине' (Белеб: Н). В некоторых говорах встречается слово *куймак*, мн. *куймаки* 'блинчики, оладьи' (Бир: Петр; Караидель), заимствованное из татарского языка (ср. тат. коймак 'оладьи').

Обширную тематическую группу составляют наименования домашней выпечки из теста: булки, сушки, печенье, пряники и т.д.: *витрушка* (Байм: Б); *витушки*, мн., 'печёные изделия из теста' и 'изделия из кислого теста типа плюшек' (Байм: Б; Бак: К; Бир: Петр; Зианч: К; Стерлит: Пр), 'сушки' (Белеб: П); *галушки*, мн., 'кушанье в виде печеных кусочков теста, сваренных затем в молоке' (Арх: А; Дув: С), 'изделие в виде печеных кусочков теста' (Ал: М; Бак: К; Бир: Калин, Пит; Дув: С; Стерлит: Пр), 'печеные кусочки теста с начинкой из конфет' (Гаф: Т); *жаворонки*, мн., (Бир: Петр, Пит; Куш: А) и *жаворонки*, мн., 'хлебцы в виде птичек, которые выпекают к прилету жаворонков' (Аур: Т); *завитульки*, мн., ед. не записано, 'хлебное изделие – хворост' (Арх: А); *калачи обварные*, мн., 'сушки из тугого кислого теста' (Мел: Н); *кокурка* 'сдобный пшеничный хлебец, булочка', 'сдобный хлебец с запеченным внутри яйцом' (Куш: А), 'сушка, баранка домашнего приготовления' (Арх: И; Благовещ: Д; Куш: А); *кралька* (Караид: Б) и *каралька* (Калт: К, Л) 'баранка'; *крендель* (Белеб: Н; Караид: Б); *начинники* 'мучные изделия, в которых есть начинка' (Стерлит: Пр); *печужки*, мн., (Уф: Яр) и *пичужки*, мн., (Куш: А) 'печенье в форме маленьких птичек'; *преснушка* 'изделие домашней выпечки из пресного теста (лепешка, сушка, печенье и т.п.)' (Арх: А; Аур: С; Бак: К; Бир: Г, Ос, Сим; Дув: С; Караид: Б; Куш: А); *розанцы*, мн., 'булочки круглой формы из пресного теста' (Зианч: К), 'мелкие кусочки пресного теста, обжаренные в масле' (Гаф: Т); *сдобнушки*, мн., 'изделия домашней выпечки

из пресного теста (печенье, булочка, пряник и т.п.)' (Арх: И; Бир: Г, Кр, Ос, Пит; Куш: А).

«Словарь русских говоров Башкирии» содержит значительное количество лексем, называющих пирожки и пироги. Приведем диалектные наименования пирожков: *косняки*, мн., 'пирожки' (Мел: В), *расстегай* 'пирожок' (Балт: К), *приженцы*, мн., 'большие пирожки' (Мел: В), *пустообманый пирожок* 'пирожок с маслом и сахаром вместо начинки' (Куш: А), *собники*, мн., 'пирожки с начинкой из свеклы и моркови, испеченные обычно по чьему-л. заказу или специально для кого-л.' (Бир: Петр), *чиненки*, мн., 'пирожки с начинкой из капусты, картошки, тыквы' (Зианч: К). Последнее наименование восходит к диалектному глаголу *чинить* 'заполнять начинкой пирог' (Зианч: К; Уф: Яр). Отметим также сочетания *картовные пирожки*, мн., 'пирожки с картофелем' (Бир: Баз), *картонная мука* (Арх: А).

Пироги в говорах называли *короваец* (Бир: Петр). Выпекали пироги без начинки и с начинкой, некоторые из них готовили к определенным праздникам. Пироги без начинки называли *пирог с молитвой*, *пирог с таким*, *пирог ни с чем*; пироги с начинкой – *балиш* 'большой круглый пирог с начинкой из сырого мяса и сырого картофеля' (Бир: З), *белиш* (Бир: Бик) и *беляш* (Бир: Г, Петр, Пит; Куш: А) 'жареное в масле изделие в виде ватрушки из кислого теста с сырым мясом и луком'. Название, как и само изделие, заимствовано из башкирского и татарского языков, где *бэлиш* – национальное блюдо, большой круглый пирог с мясом и картошкой. В говорах встречаются названия пирогов, выпеченные к особым праздникам: *постник* 'пирог с кашей, яйцами и луком, который пекли на Троицу' (Арх: И); *сыры*, мн., 'пироги, испеченные к праздничному столу' (Бир: Петр). Последнее название связано с диалектным фразеологизмом *сыры класть* 'дарить подарки на свадьбу молодым'.

Таким образом, при обзоре диалектной лексики тематической группы «печёные изделия из муки» мы видим многообразное варьирование слова как по форме, так и по содержанию, которое осуществляется с использованием разнообразных средств, номинирующих данный фрагмент человеческой

деятельности. Это свидетельствует о том, что диалектные говоры на территории Республики Башкортостан представляют собой уникальный языковой континуум, сохраняющий следы материнских говоров, вбирающий в себя элементы, вызванные влиянием соседствующих с русскими других народностей, характеризующийся внутренним развитием. Описание данного диалектного пласта лексики позволяет понять специфику восприятия ряда описываемых объектов в сознании диалектоносителя, выявить значимые компоненты материальной культуры, из которых складывается целостное представление о диалектной картине мира, присущей конкретному языковому коллективу.

Список сокращений

Ал: М – Альшеевский р-н, д. Михайловка	Бир: Сим – Бирский р-н, с. Симкино
Арх: А – Архангельский р-н, д. Асы	Благовещ: Д – Благовещенский р-н, с. Удельно-Дуваней
Арх: И – Архангельский р-н, с. Ирныкши	Гаф: А – Гафурийский р-н, д. Архангелка
Арх: Л – Архангельский р-н, д. Липовка	Гаф: Т – Гафурийский р-н, с. Табынское
Аур: С – Аургазинский р-н, д. Степановка	Дув: С – Дуванский р-н, д. Сальевка
Аур: Т – Аургазинский р-н, д. Терешковка	Зианч: К – Зианчуринский р-н, д. Калининская
Байм: Б – Баймакский р-н, с. Бекешево	Игл: О – Иглинский р-н, с. Октябрьское
Бак: К – Бакалинский р-н, д. Килеево	Калт: К – Калтасинский р-н, д. Кутерем
Балт: К – Балтачевский р-н, с. Кизганбашево	Калт: Л – Калтасинский р-н, д. Большой Лог
Белеб: Н – Белебеевский р-н, с. Надеждино	Караид – Караидель
Белеб: П – Белебеевский р-н, с. Приютово	Караид: Б – Караидельский р-н, с. Байки
Бир: Баз – Бирский р-н, с. Старо-Базаново	Куш: А – Кушнаренковский р-н, с. Ахлыстино
Бир: Бик – Бирский р-н, с. Старо-Биктимирово	Мел: В – Мелеузовский р-н, с. Воскресенское
Бир: Г – Бирский р-н, д. Гребени	Мел: Н – Мелеузовский р-н, с. Нордовка
Бир: З – Бирский р-н, с. Зуево	Стерлит: Пр – Стерлитамакский р-н, д. Преображенновка
Бир: Калин – Бирский р-н, с. Калинники	Уф: Яр – Уфимский р-н, с. Красный Яр
Бир: Кр – Бирский р-н, д. Криуши	Уф: П – Уфимский р-н, с. Подымалово
Бир: Ос – Бирский р-н, д. Осиновка	
Бир: Петр – Бирский р-н, с. Старо-Петрово	
Бир: Пит – Бирский р-н, д. Питяково	

Литература

Виноградова П.П. Лексика по теме "Печёные изделия из муки" в костромских говорах: ономазиологический, структурно-семантический и ареальный аспекты: автореф. ... канд. филол. наук. – Кострома: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2013. – 22 с. [электронный ресурс] // Библиотека диссертаций: [Dclib.net] // URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/leksika-po-teme-pechjonye-izdelija-iz-muki-v-kostromskih-govorah.html> (дата обращения: 29.09.2021).

Ермолаева Ю.А. Диалектные глаголы, характеризующие и описывающие трудовую деятельность, в русских говорах Башкирии (лексико-семантический аспект) // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филологические науки. – 2018. – Вып. 113. – № 6. – С. 57–61.

Здобнова З.П. Словарь русских говоров Башкирии. – Уфа: Гилем, 2008. – 406 с.

Здобнова З.П. Судьба русских переселенческих говоров Башкирии. – Уфа: Гилем, 2001. – 155 с.

Курбангалеева Г.М. О некоторых особенностях функционирования лексики русских говоров Башкирии [электронный ресурс] // КиберЛенинка: [cyberleninka.ru] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-osobennostyah-funktsionirovaniya-leksiki-russkih-govorov-bashkirii/viewer> (дата обращения: 15.09.2021).

Фефелова Г.Г. Концепт «смех» как культурная константа русской эмотивной лексики // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – №1 (26). – С. 161–164.

А.А. ФЕТ И И.Ф. АННЕНСКИЙ – ПЕРЕВОДЧИКИ ГОРАЦИЯ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ ОДНОЙ ОДЫ)

С.К. Константинова

Курский государственный университет

Статья посвящена сопоставительному анализу переводов оды Горация «К Астерии» выдающихся русских поэтов А. А. Фета и И. Ф. Анненского. В статье рассматриваются лексические, синтаксические и метрические особенности двух переводов в сравнении с оригинальным текстом. Сопоставляется точность и вольность переводов. Оценивается качество и художественная ценность переводов с точки зрения формы и содержания.

Ключевые слова: Гораций, А.А. Фет, И.Ф. Анненский, художественный перевод, ода.

Вопрос о самостоятельной художественной ценности перевода сложный и многоплановый. Существует множество классификаций переводов по различным критериям. Каждый тип текста предполагает соответствующие методы перевода и концепцию, которая будет лежать в основе переводного текста.

Анализ переводных текстов, ориентированных на форму, т.е. художественных поэтических текстов, представляет, на наш взгляд, наибольший интерес и вместе с тем максимальную трудность. Задача переводчика, работающего с подобными текстами, – создать перевод, эквивалентный по эстетическому воздействию оригиналу. Этому требованию подчиняются все остальные аспекты: даже допускаются изменение содержания и незначительное изменение формы (пропуск или неточный перевод деталей, использование конструкций, не свойственных языку-источнику, и т.п.). Как отмечает К. Райс, самое важное в переводе текстов, ориентированных на воздействие, – это передача соответствующего эстетического впечатления, и именно ее необходимо взять как важнейший критерий оценки качества художественного перевода [Райс 1978: 216].

Несмотря на обилие мнений, проблема ценности художественного перевода, оценки его качества остается неразрешенной, поскольку перевод можно

рассматривать и как преобразование исходного текста, и как самостоятельное произведение искусства.

С лингвистической точки зрения художественный перевод ценен сам по себе. Перевод – это феномен языкового контакта, и, хотя языковое взаимодействие происходит внутри субъекта (билингвальной языковой личности), ценность его для лингвистики от этого не снижается.

Влияние языка, с которого переводят, на язык перевода может быть обнаружено в связи с особой интерференцией, выявляемой в конкретном случае через ошибки, неточности перевода или через особенности лингвистического поведения переводчика: приверженность к окказионализмам, стремление к заимствованиям, калькированию, цитатам на иностранном языке, сохранению в переведенном тексте варваризмов.

Несколько переводов различных авторов либо несколько различных вариантов, принадлежащих перу одного переводчика, часто сравнивают по точности. Точность перевода, безусловно, важна для передачи эстетического впечатления от произведения, однако она представляет собой лишь один аспект лексического анализа переводного текста. Точный перевод вовсе не значит идеальный.

Данное проблемное поле исследовано недостаточно. Среди возможных аспектов изучения можно назвать связь уровня культуры и метода эстетического воздействия на читателя, построение параллели содержания и воплощения обоих текстов (исходного и переводного), сохранение баланса между точностью перевода и его образностью, живостью и т.п.

Поэтический перевод – дело многотрудное. Тем более – перевод поэзии глубокой, ценной, с индивидуальным стилем, который важно сохранить. Седьмая ода III книги Горация «К Астерии» неоднократно переводилась талантливыми русскими переводчиками, хотя это произведение не самый простой материал для перевода. Рассмотрим два лучших перевода оды Горация

«К Астерии», принадлежащих самобытным русским поэтам А.А. Фету и И.Ф. Анненскому.

Приведем для сопоставления тексты переводов полностью.

Таблица 1

Переводы 7-й оды III книги Горация

И.Ф. Анненский	А.А. Фет
<p><i>Астерия плачет даром – Чуть немножко потеплеет – Из Вифинии с товаром Гига море прилелеет... Амалфеи жертва бурной, В Орик Нотом уловленный, Ночи он проводит дурно, И озябший, и влюбленный. Пламя страсти – пламя злое, А хозяйский раб испытан: Как горит по гостю Хлоя, Искушая, все твердит он Мол, коварных мало ль жен-то Вроде той, что без запрета Погубить Беллерофонта Научила мужа Прета, Той ли, чьи презревши ласки, Был Пелей на шаг от смерти. Верьте сказкам или не верьте – Все ж на грех наводят сказки... Но не Гига... Гиг крепится: Скал Икара он тупее... Лишь тебе бы не влюбиться По соседству, в Энипея, – Кто коня на луговине Так уздою покоряет? В желтом Тибре кто картинней И смелей его ныряет? Но от плачущей свирели Все ж замкнись, как ночь настанет... Только б очи не смотрели, Побранит, да не достанет...</i></p>	<p><i>Чего, Астерия, оплакиваешь даром Ты Гига? С первою дохнувшею весной Вернется юноша, обогащен товаром Вифинии, к тебе, и с верною душой. Заброшен к Орику свирепыми ветрами, Враждебных бурь Козы не в силах превозмочь, На ложе холодном он горячими слезами, Бессонный, каждую там провожает ночь... Хоть тот, кого, смутясь, хозяйка подсылает О вздохах Хлоиных не устает твердить, И говоря, каким огнем она пылает, На тысячу ладов старается склонить. Он легковерного примером ставит Прета, Которого, клевет предательских полна, Беллерофонту смерть готовить в юны лета За целомудрие заставила жена. О бегстве говорит воздержного Пелея, Что Ипполитой чуть не сослан был к теням, И из истории, с улыбкою злодея, Выводит образы, учащие грехам. Напрасно. Юноша досель не пошатнулся, Как по глухой скале все речи пронеслись. Но и тебе самой не больше ль приглянулся, Чем должно, – Энипей, сосед твой? Берегись! Пускай никто другой искусней и смелее На поле Марсовом коня не соберет, И пусть никто иной свободней и быстрее Вдоль по течению реки не поплывет... Лишь ночь, запрись в дому, вдоль улицы широкой Под умоляющий звук флейты не гляди И, сколько б он тебя не называл жестокой, Храни молчание и взаперти сиди.</i></p>

Надо сказать, что это произведение сложно по самой метрической структуре: ода «К Астерии» написана четвертым асклепиадовым стихом. Подражать ритмике четвертого асклепиадова стиха на русском языке трудно: она включает в себя и односложные стопы, и стопы с двумя метрическими ударениями, а для русской силлабо-тоники сочетание в пределах одной строки стоп с разным

количеством слогов вообще не характерно. Более того, строфа у Горация представляет собой сочетание и некоторых других размеров: так, первые две строки написаны первым асклепиадовым, третья – ферекратовым, а четвертая – гликониевым стихом. Первый асклепиадов стих представляет собой шестистопный дольник с цезурой в середине строки. До цезуры и после нее – три стопы: односложная, двусложная и трехсложная, однако порядок следования у них разный. До цезуры – двусложная стопа со спондеем, трехсложная дактилическая стопа и одиночный ударный слог. После цезуры – трехсложная дактилическая, двусложная хореическая и односложная безударная стопа. Гликониев стих так же, как и ферекратов, состоит из двусложной двуиктовой, дактилической и хореической стопы, однако отличается одиночным безударным слогом в конце.

Как видим, оба поэта останавливают свой выбор на двусложном размере: И. Анненский выбрал 4-стопный хорей, А. Фет – 6-стопный ямб. Несмотря на отсутствие формального разбиения на строфы, и в переводе И.Ф. Анненского, и в переводе А.А. Фета стихи легко организуются в строфу, состоящую из 4 строк, что подтверждается как синтаксическими средствами, так и рифмой, интонацией, информативным содержанием текста.

А.А. Фет придерживается размера нестрога, однако для двусложного размера с таким количеством стоп показатель расхождения с метром не очень велик – 34%, в переводе Анненского этот показатель еще меньше – 21%. На наш взгляд, двусложный размер с *большим* количеством стоп – удачное решение: строка обладает не только размеренностью, но и гибкостью интонации.

Перевод 7-й оды III книги Горация, выполненный И.Ф. Анненским, воспринимается неоднозначно. С одной стороны, мастерское владение словом, четкая ритмика, яркие образы, с другой – неточность по сравнению с оригиналом. Перевод И.Ф. Анненского поэтичен, он выглядит более веселым и жизнерадостным из-за использования четырехстопного двусложного размера. Между тем в оде речь идет не о радостных событиях: «Астерия плачет даром...». Подбор

лексики соответствует скорее выбранному размеру, чем фактической стороне событий оды и лексике, используемой Горацием.

В первом же предложении перевода И.Ф. Анненского появляется яркий и поэтический образ, не имеющий основы в исходном тексте: *Гига море прилелеет*. В оде Горация не употреблено ни разу слово *море*. А *прилелеет*, или, если перевести более точно, *вернет* Гига “*candidi Favonii*”, т.е. ‘светлый (ясный, чистый) Фавоний’.

В пятом стихе также фиксируется расхождение с оригиналом: слово *жертва*. Фраза *Амалфеи жертва бурной* является камнем преткновения для всех переводчиков. Видимо, это связано с тем, что античный текст нуждается в комментировании. 7-я ода III книги Горация, как мы уже отмечали, весьма сложна для перевода: помимо передачи поэтики текста, переводчику необходимо уделить внимание и информативной части оды, не упуская деталей. Переводчик античных текстов вообще с неизбежностью должен быть еще и их комментатором, так как без разъяснений непонятен даже подстрочный перевод. Например, выражение “*insana Capraesidera*” означает ‘безумные светила Козерога’ и явно нуждается в комментировании: *безумные* – потому что с восхождением созвездия Козерога (Козы, Козлят) в первых числах октября устанавливалась штормовая погода на море и плавание становилось невозможным. “*Capraesidera*” означает дословно ‘созвездие Козы’, хотя каждое из этих слов имеет еще несколько значений. Последнее слово может означать, кроме вышеприведенного, ‘небесное светило, звезда’, такому переводу следует Анненский, но ведь в оригинале речь идет именно о созвездии Козы. Коза в данном случае может быть только Амальтеей (Амал[ь]феей) – кормилицей Зевса, которую глубоко чтили. Употребленное Анненским собственное имя животного является внетекстовым комментарием, вписанным в художественное полотно произведения, оно придает переводу объемность и глубину, усложняет образный ряд и внетекстовые ассоциации, вводя читателя в общекультурный временной и пространственный фон оригинального произведения. Фет в своем переводе вообще избегает лексем *звезда* и *созвездие* и употребляет выражение

враждебных бурь Козы, усиливая отрицательную коннотацию образа, уже созданную в оригинале эпитетом *безумный*.

Рассмотрим еще один пример: после обращения к Астерии в оригинале следует мысль о скором возвращении Гига – “*primo*”, что в подстрочнике переводится как ‘в самом начале весны’. Однако у Горация речь не идет о весне в прямом смысле слова: зимой Средиземное море бурно, и плавание по нему весьма небезопасно, а следовательно, *в самом начале весны* значит ‘как только представится возможность’. В переводе Фета необходимость пояснения смысла рождает поэтический образ *дохнувшей весны*, у Анненского же лексема *весна* вообще отсутствует.

Девятый стих представляет собой самовыражение поэта Анненского, своего рода размышления о превратностях жизни. Ни одно слово в строке не опирается на источник. Слишком вольным переводом латинского “*nuntius*” представляется нам лексема *раб*. Вестник (гонимец) вовсе не обязательно является рабом того, кто его послал; в тексте об этом также ничего не сказано. Коварная жена, которая в 14-м стихе научила мужа погубить Беллерофонта *без запрета*, – очевидно, Анненский использует такую словоформу в угоду рифме, рождая анаколуп (синтаксическую ошибку), поскольку это предложно-падежное сочетание трудно связать с глаголами *погубить*, *научила* и уж тем более с существительным *Беллерофонта*.

Расхождения с оригиналом наблюдаются в 17-й и 18-й строках перевода И.Ф. Анненского. Так, “*abstinens*” (‘воздержанный’) преобразуется в *презревши ласки*, а форма “*Tartaro*” (‘в Тартар’) – в *на шаг от смерти*. Обе конструкции обладают несомненными художественными достоинствами, однако они неточны.

Обращение к читателю: *Верьте сказкам иль не верьте* – новый неожиданный поворот повествования. “*Historia*” из оригинала (“*recitare docentis fallax historias movet*”) правильнее перевести как ‘история, рассказ’, а на риторический вопрос в оригинале нет и намека.

“*Scorulis surdior Icarum*” переведено у И. Ф. Анненского как ‘скалы Икара он тупее’. Компаратив переведен той же формой, однако “*surdus*” имеет значение

‘глухой; бесчувственный; неслышный’. Налицо преобразование семантики слова с присоединением отрицательной коннотации.

Кто коня на луговине Так уздою покоряет – почти точный перевод конструкции “non alius flectere equum sciens”. “Flecto” значит ‘гнуть, погибать, поворачивать; переменять; направлять; смягчать’, поскольку речь идет о коне, значение трансформируется в ‘управлять, править (лошадьми), а затем контекстуально меняется на ‘покорять, укрощать’.

В 27-м стихе встречаем строчку *В желтом Тибре кто картинней И смелей его ныряет?* Из оригинала здесь используется только лексема *Тибр*, однако и она, скорее, может рассматриваться как экстралингвистический комментарий, т.к. река называлась Тусской, или Этрусской (у Горация “Tusco”).

В последнем стихе перевода И. Ф. Анненского мы вновь встречаемся с его индивидуально-авторским поэтическим видением исходного текста: “difficilis” – ‘трудный, труднодоступный; тяжелый’ переводится как *побранит, да не достанет*.

Таким образом, по показателю точности перевода текст И.Ф. Анненского является менее близким к оригиналу. Из 104 однозначных слов, употребленных в оригинале, поэт переводит точно 27, а приблизительно – 14. Показатель точности художественного перевода – 33 %. Не переведены или неадекватно переведены 63 слова из оригинала, переведены приблизительно – 14 лексем. Кроме того, волей переводчика добавлено 35 слов. Показатель вольности перевода составляет 75,5 %. Этот перевод можно назвать вольным, или, скорее, переложением оды Горация. Вместе с тем перевод И.Ф. Анненского – цельное и завершенное произведение, отличающееся гармоничностью, четким ритмом и индивидуальным поэтическим стилем.

Проанализируем по этим же критериям перевод А.А. Фета. При первом же прочтении его создается впечатление, что именно так звучал оригинал – гладким размером, солидно и веско, с античным размахом. Как форма, так и содержание

полностью соответствуют событиям, о которых повествуется в 7-й оде III книги Горация. Подбор лексики в стилистическом отношении практически безупречен.

Лексическая составляющая перевода подтверждает профессиональное чутье переводчика и тонкую интуицию поэта. Это один из лучших переводов книги од Горация. Кроме исключительной точности, фетовский перевод обладает другими несомненными преимуществами: стройность размера, синтаксическая близость к оригиналу, точность фонетических характеристик, яркость поэтических образов.

А.А. Фет всегда стремился к максимально достоверной передаче смысла оригинального текста. В письме Я. Полонскому он замечает: «В своих переводах я постоянно смотрю на себя как на ковер, по которому в новый язык въезжает триумфальная колесница оригинала, которого я улучшать – ни-ни» [Бухштаб 1990: 42]. Однако несмотря на то, что перевод А. А. Фета является достаточно точным, немалое количество слов (25) добавлено по воле переводчика. Как правило, это объясняется необходимостью создания понятного и достоверного образа, авторской стилистической правкой, проприетарным (встроенным, являющимся частью единого целого) комментарием к античному тексту. Такой подход, на наш взгляд, вполне оправдан.

Так, *Нот*, южный ветер, трансформируется у А.А. Фета в *свирепые ветры*. Латинское “*Notus*” переводят как ‘Нот, сильный южный ветер; буря, юг’. А.А. Фет вводит индивидуально-авторскую коннотацию ‘свирепый, злой’, хотя эпитеты такой семантики чаще использовались, чтобы охарактеризовать северный ветер Борей. И в описании страданий Гига поэтом допущены некоторые вольности: появляются *хладное ложе* и *горячие* слезы – образы вполне в духе импрессионистической поэзии А.А. Фета.

Не отмечая все случаи отступления от оригинала, обратим внимание на тонкий перевод “*maturare pesem*” (в 16-м стихе оригинала) – *смерть готовить в юны лета* (15-я строка у А.А. Фета). Для сравнения семантики приведем подстрочный перевод: ‘[попытаться] ускорить смерть’. Как видим, А.А. Фет

расширяет смысл оригинала, подчеркивая молодой возраст Беллерофонта и указывая тем самым на трагичность и нелепость смерти юного героя.

К числу переводческих находок Фета можно отнести 12-й стих: *На тысячу ладов старается склонить*. “Mille... modis” переведено дословно, при этом красиво, поэтично, не нарушая ни ритмики стиха (пиррихий не в счет), ни его стилистического единства.

Можно сравнить перевод “Tartaro” у И.Ф. Анненского и А.А. Фета: *на шаг от смерти* и *к теням* соответственно. Несмотря на вольность обоих вариантов, более удачным, на наш взгляд, является перевод А.А. Фета: он ближе к оригиналу и в синтаксическом, и в семантическом отношении. *К теням* в античном миропонимании значит ‘в подземное царство, Тартар’, а выражение *на шаг от смерти* не вызывает такой стойкой ассоциации.

Фет чересчур вольно переводит латинское слово “fallax, -acis” (‘лживый, обманчивый, коварный’): *с улыбкою злодея*. Обращают на себя внимание и однородные члены предложения, которых в оригинале нет: компаративы *искусней* и *смелее* в 25-м стихе и *свободней* и *быстрее* в 27-м стихе.

Таким образом, из 104 полнозначных слов оригинала А.А. Фет переводит точно 59 единиц, а приблизительно – 21 слово. Показатель точности художественного перевода составляет 66 %. Непереведенными остаются 24 слова, 21 переведено неточно, а 25 добавлено переводчиком. Таким образом, показатель вольности перевода – 43 %. Перевод оды Горация «К Астерии» А. А. Фета является не только более точным, но и более совершенным с точки зрения художественного мастерства. Все элементы его гармонично сочетаются, сливаясь в завершенном и стилистически отточенном художественном произведении.

Очевидно, что ценность и качество перевода заключается в комплексе характеристик: точности, эквивалентном отборе лексики, соответствии ритмики, мелодики стиха, в балансе формы и содержания. Рассматривая поэтический перевод как трансформацию текста из одной культуры в другую, необходимо помнить, что настоящий высокохудожественный перевод представляет интерес не только как способ передачи содержания оригинального текста, реализованного

в определенных эстетических принципах, но и в свете собственной художественной ценности.

Литература

Бухитаб Б. Я. А.А. Фет: Очерк жизни и творчества. – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1990. – 137 с.

Райс К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Междунар. отношения, 1978. – С. 202–228.

КОНЦЕПТОСФЕРА РЕГИОНАЛЬНОГО УЧЕБНОГО ТЕКСТА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В АСПЕКТЕ АНАЛИЗА ОБЩИХ И ВАРИАНТНЫХ СМЫСЛОВ

А.В. Курьянович, Е.А. Серебренникова

Томский государственный педагогический университет

В статье моделируется концептосфера учебного текста языковедческой проблематики, адресованного иностранным обучающимся. Под концептосферой текста понимается совокупность универсальных и вариантных концептов, объединенных семантическими отношениями разных типов. Ядерным концептом выступает концепт *язык*. Интерпретация значения этого и связанного с ним метаконцептов определяется как общими представлениями о языке, свойственными лингвокультурам разных этносов, так и дискурсивно обусловленными, актуализирующимися в сфере учебного взаимодействия.

Ключевые слова: концептосфера, концепт, моделирование, учебный текст, учебный дискурс, русский язык как иностранный.

В современных лингвоконцептологических исследованиях выделяется особое направление – изучение национальной картины мира на уровне отдельных фрагментов, репрезентированных в концептосфере дискурсов разных типов. Основной составляющей дискурса выступает текст, следовательно, одну из актуальных задач когнитивно-дискурсивной лингвистики составляет рассмотрение концептосферы текстов определенного типа, функционирующих в рамках конкретного дискурса. В перечне аспектов особый интерес представляет анализ концептосферы текстов с учетом их дискурсивной обусловленности и специфики выражения универсальных и вариантных свойств.

Учебные тексты (далее – УТ) сегодня еще только начинают изучаться с позиций лингвоконцептологической проблематики и с применением методологических приемов лингвистической дискурсологии (С.А. Данилова, А.Р. Габидуллина, В.Д. Калинина, О.А. Климанова, Ю.Г. Куровская, И.В. Митрофанова, С.Я. Никитина, Е.В. Столярова, М.В. Черкунова, Л.М. Яхиббаева). Под **учебными текстами** мы понимаем совокупность аутентичных (специально созданных с обучающей целью) устных и письменных (в том числе электронных) произведений, функционирующих в учебном дискурсе. Тексты данного типа отличаются прикладным характером: трансляция предметного знания, отбор

иллюстративно-дидактического материала, а также технологических приемов подачи информации осуществляются сквозь призму восприятия представителей целевой аудитории – обучающихся определенной национально-возрастной принадлежности с учетом их психолого-педагогических особенностей и образовательных потребностей. УТ мы рассматриваем как ключевую составляющую **учебного дискурса**, в связи с чем особое внимание в процессе анализа уделяется рассмотрению способов выражения его дискурсивной обусловленности: роли социокультурного контекста как фактора текстообразования.

Наибольшей изученностью характеризуется исследование УТ разных жанров как составляющей учебно-методического сопровождения процесса обучения. Их авторы решают задачу приобщения обучающихся «к сокровищнице знаний, опыта и культуры, созданной в исторической ретроспективе различными цивилизациями» [Корчинский 2012: 19]. Подробнее об УТ с позиций методико-дидактического подхода см. в работах В.Г. Бейлинсона, В.П. Беспалько, И.Л. Бим, П.Г. Буги, Д.Д. Зуева, В.В. Краевского, Ю.Г. Куровской, И.Я. Лернера, Н.И. Тупальского, М.В. Якушева и др.

В русле концептологического подхода под УТ понимается такой тип текста, в котором в системно-структурированном и технологичном виде представлена авторская концепция относительно фрагмента специального научного знания, предназначенная для ретрансляции адресатам в обучающих целях: «Языковая коммуникация преподавателя и ученика, организационной и содержательной основой которой является учебник¹, выступает фундаментальным фактором формирования языковой картины мира обучающегося» [Куровская 2017: 4]. Нами УТ рассматривается как категориально и концептуально выстроенное смысловое пространство, структурированное совокупностью связанных концептов. Иначе говоря, в УТ эксплицируется особым образом организованное и концептуально осмысленное содержание – **концептосфера**. В числе ее

¹ В контексте проблемного поля нашего исследования не актуализируется дифференциация УТ на жанровые разновидности. С этих позиций утверждения Ю.Г. Куровской, касающиеся учебника, экстраполируются на все типы УТ.

характеристик выделяются **универсальные** (общие для картины мира разных этносов, фрагмент которой представляется в учебном дискурсе) и **вариантные** (специфичные для конкретной национальной лингвокультуры, определяющиеся своеобразием коммуникативной ситуации и социокультурного контекста взаимодействия в рамках учебного дискурса) свойства.

Концептосфера **регионального** учебно-языковедческого текста, адресованного **иностранным** обучающимся, имеет ряд специфических дискурсивно обусловленных свойств. Во-первых, УТ языковедческой проблематики в целом отличаются от УТ иной предметной ориентации: смыслообразующим в их концептосфере является лингвокультурный (а потому полисмысловой и обладающий аксиологической значимостью) концепт ЯЗЫК. Язык осмысливается в данном случае и как объект познавательной активности адресата (научный объект), и как средство ее осуществления (средство обучения). Во-вторых, содержание и способ подачи предметной информации определяется направленностью на иностранного обучающегося, владеющего русским языком на определенном уровне. Поэтому отбор информации, подвергающейся категоризации и концептуализации, также обусловлен фактором адресата: посредством знакомства с УТ по русскому языку как иностранному (далее – РКИ) иностранец – вторичная языковая личность – формирует фрагмент вторичной картины мира, связанный с осмыслением русского языка в контексте русской истории, культуры. Наконец, региональный УТ по РКИ (созданный специалистами, преподающими РКИ в региональном образовательном учреждении, и активно используемый на практике) отличается тем, что в его концептосфере присутствует концепт (или даже несколько концептов), в обобщенном виде воплощающий квант «регионального» знания.

Проиллюстрируем сказанное на анализе конкретного эмпирического материала. В качестве источников послужили УТ по РКИ (учебно-методические и учебные пособия, практикумы, учебные комплексы, электронные учебные курсы), созданные специалистами-предметниками томских вузов и изданные

в издательствах этих вузов². Томские вузы – известные в регионе и за его пределами центры предвузовской и вузовской подготовки, в том числе по РКИ. На разных образовательных ступенях иностранцы изучают русский язык в рамках общих и специальных курсов (русский язык технических и гуманитарных специальностей). Авторы анализируемых учебников ретранслируют адресатам комплекс универсальных и вариантных смыслов, образующих единство в рамках концептосферы учебно-языковедческого текста. Основой методологической базы исследования является прием **моделирования** концептосферы УТ: выделение концептов разных типов, организующих смысловое пространство УТ, и видов семантических отношений между ними.

Ядерным в концептуальной структуре текста в данном случае является концепт *язык*. В числе **универсальных**, обладающих аксиологической ценностью в картине мира разных этносов представлений о языке отметим следующие трактовки: ‘язык есть способ и средство развития цивилизации, культуры, формирования и осмысления идентичности, осуществления когнитивных и коммуникационных процессов, в том числе – межкультурного взаимодействия’. Следовательно, структуру концептосферы УТ образует совокупность универсальных (лингвокультурных) концептов *язык, коммуникация, культура, сознание, искусство, живопись, литература, мифология, фольклор* и пр., соотносимых между собой на основании смежности. Показательны в этом отношении, например, такие заголовки³ УТ: «*Русский язык как инструмент успешной коммуникации*» [электронный ресурс], «*Поговорим о русской живописи: русское искусство на уроках РКИ*» [Старикова 2017], «*Мифология. Фольклор. Литература*

² Ресурсы учебной литературы по РКИ, в частности, размещены: *Библиографические ресурсы. Научная библиотека им. А. М. Волкова Томского государственного педагогического университета*: [Электронный ресурс] // URL: <https://libserv.tspu.edu.ru/lib-tspu/lib-biblio.html> (дата обращения: 09.10.2021); *Корпоративный портал Томского политехнического университета. Учебно-методические издания*: [Электронный ресурс] // URL: <https://portal.tpu.ru/departments/kafedra/rki/metodic/books> (дата обращения: 09.10.2021); *Электронная библиотека ТГУ*: [Электронный ресурс] // URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls> (дата обращения: 09.10.2021); *Coursera. Глобальная платформа онлайн-обучения. Ресурсы по РКИ. НИ ТГУ*: [Электронный ресурс] // URL: <https://www.coursera.org/learn> (дата обращения: 09.10.2021).

³ Заголовки содержат лексемы (выделены жирным шрифтом), свидетельствующие о присутствии в УТ обозначенных концептов, а также об их взаимоотношении на основании смежности.

(XVIII век)» [Замятина, Володина, Параева 2011]. Универсальные представления о языке функционируют также в контексте таких смежных смыслов, как *мир, человек, жизнь*. При этом человек, владеющий языком, существует в динамичном мире (*развивающийся мир*), где есть *настоящее* и *будущее*: «*Развивающийся мир и человек*» [Демидова, Гриценко 2010], «*Технологии настоящего и будущего*» [Савенко, Выдрина, Цой 2012], «*Жизнь в России*» [Мухачева 2009]. Отметим, что концепты *развивающийся мир, настоящее, будущее* определяются нами как универсальные метаконцепты (концепты вторичной природы, призванные служить «строительным материалом» для ядерных концептов). В общей структуре концептосферы метаконцепты связаны с ядерными концептами отношениями семантического включения.

Вариантное содержательное наполнение концепта *язык* определяется совокупностью национально-исторических и социокультурных условий, обуславливающих интерпретацию концепта в рамках учебного дискурса. В контексте глобализационных процессов русский язык упрочил статус языка межнационального общения, в силу чего уровень востребованности его изучения в мире по-прежнему высокий. В концептосфере УТ языковедческой проблематики, адресованных обучающемуся-иностранцу, можно выделить три ядерных вариантных концепта: (1) *адресат–субъект, изучающий язык*, (2) *язык как научный объект*, (3) *язык как средство (инструмент) изучения*. Между собой вариантные ядерные концепты связаны, как и ядерные универсальные, отношениями семантической смежности. Помимо смежности, отметим также с точки зрения иерархичности отношений доминирующую позицию концепта (1): фактор ориентации на целевого адресата выступает для УТ определяющим, дискурсообразующим. В структуре концептосферы учебно-языковедческих текстов, помимо обозначенных выше трех ядерных вариантных концептов, выделяется множество вариантных метаконцептов – одиночных и парных, связанных с ядерными посредством родовидовых отношений (включения). Эти метаконцепты можно объединить в зависимости от вектора концептуализации смыслов в группы. Рассмотрим вариантные концепты подробнее.

(1) Вариантный ядерный концепт *адресат–субъект, изучающий язык*. В данном случае это студенты-иностранцы: «Пособие «Давайте знакомиться!» по русскому языку как иностранному для **начинающих** представляет собой сборник упражнений по грамматике русского языка в рамках **элементарного уровня** и рассчитано на **студентов-иностранцев**, которые приступают к изучению русского языка “с нуля” и учатся в группах “позднего заезда”» [Красман, Потураева 2010: 2]. В числе вариантных метаконцептов здесь отметим следующие: *сертификационный уровень, начальный / элементарный / продвинутый уровень, начальный / средний этап, образовательная программа, технический / лингвистический / гуманитарный профиль*.

(2) Вариантный ядерный концепт *язык как научный объект* в числе наиболее частотных средств воплощения имеет глаголы со значением процессуальности и имена существительные с семантикой объектности. Например, в приводимом фрагменте из Предисловия для учащихся, размещенного в одном из учебных пособий, такие языковые маркеры выделены жирным шрифтом: «Дорогие друзья! Перед Вами книга, которая **поможет Вам в изучении русского языка**. Чтобы **облегчить изучение русской грамматики**, мы постарались отобразить **самые необходимые и самые частые явления**. В этом пособии мы используем **различные задания**, в том числе **игровые**, с помощью которых Вы сможете **легко запомнить основную лексику и освоить необходимые грамматические правила**. Языковой материал пособия включает в себя тот минимум, который **позволит решить основные коммуникативные задачи**, возникающие у студентов-иностранцев в первые недели обучения» [Красман, Потураева 2010: 4].

В числе наиболее заметных групп вариантных метаконцептов в данном случае выделим: (2.1) концепты *текст, речь, синтаксис, грамматика, надежды, фонетика, идиоматика, озвончение, редукция* и пр.; (2.2) парные концепты *литературный* и *внелитературный*, а также родовидовые *национальный – русский; внелитературный – разговорно-просторечный, жаргонный, диалектный* и пр.; (2.3) парные концепты *узуальный язык* и *язык специальности*; (2.4) концепты,

эксплицирующие региональный фрагмент концептосферы УТ. На краткой характеристике последних необходимо остановиться.

Региональный компонент присутствует во всех структурных компонентах УТ (заголовке, предисловии, учебном, в том числе дидактическом, материале), а также на всех уровнях УТ – языковом, семантическом, концептуальном. Так, целый ряд электронных учебных курсов по РКИ имеет ярко выраженную региональную направленность. Об этом свидетельствуют их заголовки: «Зарисовки о Сибири. Город Томск: курс русского языка для иностранцев» [электронный ресурс], «Томские этюды: изучаем русский язык на текстах о Сибири» [Нестерова и др. 2016] и др. В Предисловии раскрываются цели авторского коллектива: *«Курс «Зарисовки о Сибири. Город Томск: курс русского языка для иностранцев» ответит на вопросы, которые часто задают иностранцы о Сибири: Чем она богата? Каковы ее природные и климатические условия? Что за люди здесь живут, чем они занимаются? Как устроен сибирский город, сибирская деревня? Какие народности проживают на территории Томска и Томской области? Как поддерживаются национальные традиции? Как сохраняется деревянная архитектура? Кто из томских студентов принимал участие в Олимпийских играх?»* [Зарисовки о Сибири. Город Томск: курс русского языка для иностранцев: электронный ресурс].

В содержании заданий также присутствует ориентация на региональный компонент. Например: *«Задание 10. Прочитайте текст и ответьте на вопросы после текста: Это го́род То́мск. Проспе́кт Ле́нина - це́нтра́льная у́лица го́рода. Здесь есть магази́ны. Вот «Гости́ный двор». Здесь мо́жно купи́ть о́бувь, оде́жду, космо́тику, зо́лото и серебро́, сувени́ры. Да́льше магази́н «999» («Три де́вятки»). Здесь есть пальто́, пла́тья, брю́ки, руба́шки, часы́, очки́, ди́ски и спорто́ва́ры. Напро́тив нахо́дится магази́н «Дом о́буви». Недалеко́ – апте́ка. Она́ называ́ется «Жива́я апте́ка». Там мо́жно купи́ть лека́рства и витами́ны. Еще здесь есть кафе́, где мо́жно купи́ть ко́фе, чай, сок, сала́т, бутербро́д и т.д. Вопросы: 1. Как называ́ется це́нтра́льная у́лица го́рода? 2. Какие магази́ны тут есть? 3. Что мо́жно купи́ть в магази́не «Гости́ный двор»? 4. Что мо́жно купи́ть*

в магазине «999»? 5. Что можно купить в магазине «Дом обуви»? 6. Что можно купить в кафе? 7. Аптека находится далеко? 8. Что там можно купить? Задание 11. Напишите свой текст «Магазины на улице Усова» [Красман, Потураева 2010: 59].

С учетом сказанного можно отметить наличие в концептосфере регионального УТ таких метаконцептов, как *Сибирь, Томск, сибирский город, сибирская деревня* и пр.

(3) Вариантный ядерный концепт *язык как средство (инструмент) изучения* с точки зрения своего выделения и обоснования определяется необходимостью технологизации процесса обучения в целях достижения его максимальной эффективности. В родо-видовые отношения с ядерным концептом (3) вступают такие метаконцепты, репрезентируемые, в первую очередь, одноименными лексемами, как *методика, преподавание, обучение, аудирование, чтение, письмо, научный проект, практикум с тренинговыми заданиями, настольная языковая игра*. В случае работы с электронным УТ в интерпретационное поле обучающегося попадают смыслы, отражающие тенденцию к цифровизации образовательной среды. В структуре концептосферы УТ эти смыслы являются самыми новейшими по времени возникновения метаконцептами: *подкаст, видеосюжет* и пр.

Подчеркнем, что перечни групп метаконцептов, представленные выше, не являются конечными и подлежат дальнейшему изучению. Не до конца проясненным пока остается также вопрос о характере связей и отношений между концептами в структуре концептосферы УТ. Предположим, что все концепты, образующие концептосферу текста, связаны отношениями взаимодополнения: каждый концепт – «сгусток» смысла, составляющий интерпретационный контекст для толкования других «сгустков» смысла в мозаичной структуре концептосферы. Отношения «по горизонтали», основанные на семантической смежности, связывают равноправные между собой концепты – разновидности ядерных – между собой или разновидности метаконцептов между собой. Ядерные концепты более семантически емкие, поэтому соотносятся с метаконцептами по родовидовому

принципу – семантического включения, представляя собой тип отношений «по вертикали».

Вопросы дальнейшего изучения концептосферы учебно-языковедческих текстов требуют пристального внимания ученых как в плане углубления представления о ее свойствах (смысловой многоплановости, аксиологической значимости и дискурсивной обусловленности), так и с точки зрения анализа эмпирического материала (учебно-языковедческих текстов разных жанров, адресованных разным категориям обучающихся, по-разному актуализирующих свой методический и дидактический ресурс) и обобщения результатов этого анализа.

Литература

Демидова Т.А., Гриценко Л.М. Развивающийся мир и человек: учебное пособие. – Томск: Изд-во ТПУ, 2010. – 83 с.

Замятина Е.В., Володина Д.Н., Параева А.Е. Мифология. Фольклор. Литература (XVIII век): учебное пособие: [электронный ресурс]. – Томск: Изд-во ТПУ, 2011. – 103 с. // URL: <http://www.lib.tpu.ru/fulltext2/m/2011/m435.pdf> (дата обращения: 09.10.2021).

Зарисовки о Сибири. Город Томск: курс русского языка для иностранцев: [электронный ресурс] // URL: <https://www.coursera.org/learn/zarisovki-o-sibiri?action=enroll> (дата обращения: 10.10.2021).

Корчинский А.А. Теоретические и организационно-педагогические основы управления учебным книгоизданием на рынке образовательных услуг: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М.: Московский гос. гуманитар. ун-т им. М. А. Шолохова, 2012. – 48 с.

Красман В.А., Потураева Е.А. Давайте знакомиться! Русский язык как иностранный. Начальный этап: учебное пособие. – Томск: Изд-во ТПУ, 2010. – 69 с.

Куровская Ю.Г. Языковая картина мира в современном учебнике: когнитивно-лингвистический подход к изучению: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М.: Институт стратегии развития образования Российской академии образования, 2017. – 49 с.

Мухачева А.М. Жизнь в России: учебное пособие [Электронный ресурс]. – Томск: Изд-во ТПУ, 2009 // URL: <http://www.lib.tpu.ru/fulltext2/m/2009/m161.pdf> (дата обращения: 09.10.2021).

Русский язык как инструмент успешной коммуникации: [Электронный ресурс] // URL: https://www.coursera.org/learn/russian#about_ (дата обращения: 09.10.2021).

Савенко А.С., Выдрина В.В., Цой Е.В. Технологии настоящего и будущего: учебное пособие. – Томск: Изд-во ТПУ, 2012. – 208 с.

Старикова Г. Н. Поговорим о русской живописи: русское искусство на уроках РКИ: учебное пособие по развитию речи в рамках направления подготовки «Русский как иностранный»: [для среднего и продвинутого этапов обучения иностранных учащихся]: [Электронный ресурс]. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017 // URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000619402> (дата обращения: 09.10.2021).

Томские этюды: изучаем русский язык на текстах о Сибири: учебное пособие / Н.Г. Нестерова, М.В. Грекова, С.В. Фащанова, В.В. Шилина; под ред. Н.Г. Нестеровой. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016 // URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000537573> (дата обращения: 10.10.2021).

ТУВИНСКИЕ СКАЗКИ КАК СПОСОБ ПОГРУЖЕНИЯ В КОНЦЕПТОСФЕРУ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ НА ПРОДВИНУТОМ УРОВНЕ

С.В. Лопаткина

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

В статье на примере изучения текстов тувинских сказок на занятиях по русскому языку в иностранной аудитории показано, что сказки являются оптимальным способом погружения обучающихся в национальную культуру региона, средством формирования коммуникативной и лингвокультурной компетенции иностранных студентов. Лингвокультурологический подход к сказкам позволяет выявить многообразие этнической специфики, отраженной в номинативных единицах фольклора, понять сущность культуры тувинцев, традиции, обычаи, систему его ценностей.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лингвокультурологический подход, тувинские сказки.

В современной методике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) одним из приоритетных подходов является лингвокультурологический, позволяющий изучать язык как средство межкультурной коммуникации через объекты культуры того или иного народа и учитывать региональный компонент (см. работы В.В. Воробьева, Е.И. Зиновьевой, В.И. Карасика, В.В. Красных, В.А. Масловой, Е.В. Анопченко, А.В. Гончаровой, Н.А. Киндря и других ученых).

По справедливому утверждению А.С. Мамонтова «именно культурная специфика должна рассматриваться в качестве важнейшего звена для процесса межкультурной коммуникации, равно как и обучения ей, но вместе с языком, который данную специфику выражает» [Мамонтов 2019: 146]. В.А. Маслова подчеркивает: «...Язык помогает нам хоть что-нибудь понять в ментальности, которая загадочна и имплицитна по своей сути. Язык определяет не только наши мысли, но и способ видения мира, особенности его членения носителями определенной культуры, т.е. языковую картину мира» [Маслова 2019: 185–186].

На занятиях РКИ объектом изучения является не только язык как система, но и культура народа-носителя языка, его ментальность. Фольклорные тексты

формируют лингвокультурологическую компетенцию, знакомят иностранных студентов с культурной жизнью изучаемого народа, его бытом, мировоззрением и социальным опытом. Изучению сказки как инструменту обучения РКИ посвящены работы В.Э. Матвеевко, О.М. Барсуковой-Сергеевой, Н.А. Никитиной и других ученых. Сказка представляет собой ценный языковой материал с точки зрения отражения в ней этнических особенностей народа, ее создавшего, а также наличия в ней фоновой информации. Кроме того, сказка способствует развитию толерантного отношения к представителям другой нации.

Тувинские народные сказки представляют несомненный интерес как один из способов погружения в концептосферу региональной культуры Республики Тыва. Изучение тувинских сказок (в переводе на русский язык) рекомендуется начинать со студентами на продвинутом уровне, когда учащиеся уже хорошо понимают русскую речь, знакомы со спецификой тувинской культуры, могут различать значения многозначных слов, а также смысловые оттенки тех или иных языковых единиц.

Одной из древнейших групп народов России является тюркская группа, к которой относятся такие народности, как татары, башкиры, тувинцы, хакасы, буряты, якуты и др. Одним из немногочисленных народов являются тувинцы. Общая их численность составляет около 264 тысяч человек. Именно в сказках формировалось мировоззрение тувинского народа, которое носит интуитивно-материалистический характер.

Тувинские народные сказки – это устные повествования. Несмотря на идейно-художественное и жанровое многообразие, тувинские сказки в народе называются общим термином «тоолдар» [Самдан 2013: 35]. Первые записи тувинских сказок были сделаны в XIX в. учеными и путешественниками Г.Н. Потаниным, В.В. Радловым, Н.Ф. Катановым, Ф.Я. Коном. Началом изучения тувинской сказки можно считать предисловие С.А. Сарыг-оола к сборнику сказок, изданному в 1947 г. Общая характеристика сказок, их сюжеты, образы и поэтика исследованы И.А. Вчерашней, Д.С. Кууларом, Э. Таубе [Самдан 2013: 36]. С 1947 по 1990 гг. на тувинском языке вышло двенадцать сборников сказок, на

русском – четыре. На языке оригинала к 1990 г. опубликовано 132 сказки. Во второй половине XX в. начинает издаваться многотомная двуязычная академическая серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» под руководством Института филологии СО РАН (подробнее см.: [Памятники...: электронный ресурс]).

В каждом жанре тувинской народной сказки есть свои особенности.

Богатырская сказка соединяет в себе черты сказочного и героического эпоса, где богатыри сражаются между собой и с иноземными захватчиками, защищают родную землю и утверждают превосходство человека над фантастическими обитателями неведомых мест.

В волшебных сказках героям помогают различные волшебные предметы: шапка-невидимка, идики-сороходы, обломки точильного камня, гребня, деревянная колотушка, шелковые разноцветные кадаки (платки) и т.д.

Новеллистические и бытовые сказки в народе называют «кара тоолдар» (простые сказки) – это короткие рассказы о жизни людей из народа: о пастухе, землепашце. Действие разворачивается в реальном мире на фоне бытового конфликта с баем, ханом. Интересна одна особенность тувинских бытовых сказок: носителями положительных качеств в них обычно являются юноши («Оскюс-оол», «Балдыр-Бээжек») или старики («Старик Ак-Сал и дужумет»). Они не наделены большой силой, но находчивость, смелость, смекалка помогают им побеждать сильных врагов – ханов и богачей («Коолу-Сандак»). В бытовых сказках воспеваются нравственная чистота, честность, дружба и осуждаются трусость, измена, жадность, обжорство («Шесть братьев»).

Жанр сказки о животных «дириг амытаннар дугайында тоолдар» обусловлен охотничьим и скотоводческим образом жизни тувинцев: «Дилгижек-оол» («Лис»), «Дилги биле адыг» («Лиса и медведь»), «Хунажык» («Козлик»), «Аштаан бөрү биле сергезигеш» («Голодный волк и козлик») и др.

Кумулятивные или формульные сказки «дистинчек тоолдар» построены на многочисленных повторах эпизодов («Шиижегей-кушкаш» – «Птичка-чиж»). Такие сказки рассказываются преимущественно детям и воспринимаются как

развлекательные. В основу некоторых сказок положены древние обряды, например, сказка «Арганың ак коданы» («Лесной заяц-беляк») связана с календарным обрядом встречи весны.

Малочисленную группу тувинских сказок составляют сказки-небылицы и сказки-загадки, построенные на сознательных алогизмах, они отражают особенности народного юмора и смекалки («Сүттеп ижер Сүмелдей» – «Сумелдей, ходивший за молоком»); сказки-прибаутки («Төппене-кадай» – «Старуха Теппене»); сказки-пословицы («Арзылаң биле кымыскаяк» – «Лев и муравей») и т.д. [Самдан 2013: 39].

Сказка позволяет иностранным обучающимся погрузиться в национальную картину мира страны изучаемого языка, поскольку именно в сказке лучше всего реализованы нравственные идеалы и национальные формы поведения людей. Сказки отражают отношение народа к тому или иному явлению, в них репрезентирован менталитет народа, его система стереотипов и ценностей [Тамонова 2019: 272–273].

Анализ сказок на занятиях по РКИ, по мнению Н. Ю. Арзамасцевой, «необходимо проводить с помощью специальных заданий и упражнений, например, объяснить главную черту сказки – фантастичность, а также указать на различия между волшебными, героическими, бытовыми и сказками о животных» [Арзамасцева 2019: 176].

Приступая к изучению тувинских сказок, следует дать объяснение непонятным словам, словосочетаниям. Приведем примеры лексем по теме «Национальная еда и продукты» из тувинских народных сказок.

1. *Хойтпак* (тюркское название «айран») – вид заквашенного молока; его пьют, из него гонят молочную водку «арага»; из творожистых остатков делают кислый, высушенный на солнце творог «ааржы», а также пресный сладковатый сыр «быштак». *Борзак* – род печенья из маленьких шариков сладкого теста, жаренного в масле. *Хан* – кровяная колбаса. *Арака*, или *арага*, – это молочная водка, национальный напиток тувинцев; для ее приготовления используют самогонный аппарат, называемый *шууруун*. *Курут* – кисломолочный продукт,

сушеный молодой сыр. *Быштак* – национальный вид молочного продукта, предназначенный для непосредственного употребления в свежем виде; вырабатывается из свежего молока жирностью 3,5–4,5 %.

Задание: В процессе работы с текстами сказок составить словник по теме «Национальная еда и продукты» (аналогично по темам «Национальная одежда», «Национальная посуда, утварь» и т.д.).

Следующим заданием может быть соотнесение сказочного персонажа с его именем, например, добрым героем тувинских народных сказок является *Оскюс-оол*.

Задание: Сравните Оскюс-оола и подобного же сказочного героя в родной культуре. В чем заключаются сходства и различия характеров героев?

Приведем примеры типовых подготовительных заданий, используемых при работе с текстом сказки «Рыбак Оскюс-оол». Цель заданий – знакомство с бытом и образом жизни тувинцев.

1. Выпишите из сказки слова и выражения, относящиеся к теме «Названия местностей».

2. Выпишите из текста однокоренные слова к имени существительному *рыба*. Объясните различия в их значении.

3. Какие особенности разговорной речи представлены во фрагментах диалога:

— *Очень хорошо, очень хорошо! Слушайте: сегодня ночью я буду совершать тайную священную молитву. Никто не должен меня видеть во время этой молитвы. Не входите в мою юрту, даже если услышите крики и стоны: это я буду разговаривать с бурганом. Вы поняли меня? — спросил лама.*

— *Поняли, башки, — ответили послушники.*

4. Найдите и подчеркните в тексте сказки слова, которые обозначают предметы тувинского быта. Сгруппируйте эти слова по тематическим группам (одежда, дом, посуда-утварь, еда, основные занятия), выпишите их из текста.

5. Выпишите слова и выражения религиозного характера, которые знакомят с основными религиями тувинцев – шаманизмом и буддизмом.

Преподаватель РКИ при изучении сказок должен обратить внимание иностранных студентов на следующее:

1. В тувинских сказках присутствуют животные, они обеспечивают людей едой, одеждой, материалом для строительства юрт, для разжигания костра и т.д. Мужчинам в сказках помогают лошади и собаки – помощники во время охоты, рыбалки, а женщинам – коровы («Ак-Сагыш и Кара-Сагыш» и «Хадын-Кыс»), например:

Давным-давно жили два брата: Ак-сагыш и Кара-сагыш. Не было у них ничего, кроме двух коней и двух собак: белый конь и белая собака у Ак-сагыша, черный конь и черная собака у Кара-сагыша....

...Шыяан ам, бедные старик и старуха, выдавая свою дочь, в качестве приданого дали свою безрогую корову....

2. Одной из главных особенностей тувинского народа является кочевой образ жизни, он проявляется в характере традиционного воспитания тувинцев и передается из поколения в поколение, отражается в сказках.

3. В тувинской культуре подарок в виде одежды считался важным, потому что изготовление одежды было очень непростым делом. Например, в сказке «Хадын-кыс» родители жениха просят главную героиню сказки сшить соболиную шапку и обувь из кожи.

4. Характерной чертой тувинской сказки является тройственность образов и явлений, например: *три мудрости, три времени, три поручения, три встречи, три поединка: Переправился через три реки, перешел через три перевала...; Войско Бурен-хана шло, образовав три кольца; Три дня и три ночи он лежал ни жив, ни мертв; После того, как по трем сторонам света три раза ударила молния....* и др. («Оскюс-оол»).

Представим образец работы над тувинской народной сказкой на занятии по РКИ на примере сказки «Балдыр-Бээжек». За основу была взята методика работы над сказкой Н.Ю. Арзамасцевой [Арзамасцева 2019].

I. Предтекстовый этап работы.

1. Что такое сказка? 2. Какие виды тувинских народных сказок вы знаете?
3. Какая структура характерна для сказки?

II. Послетекстовый этап работы.

1. Почему произведение «Балдыр-Бээжек» мы называем сказкой? Какие характерные черты сказки есть в этом произведении? К какому виду можно отнести прочитанную сказку? Аргументируйте свой ответ.

2. Лексико-стилистическое оформление сказки «Балдыр-Бээджек».

Задание 1. Найдите слова лексико-семантической группы «Семья».

Задание 2. Соотнесите слова из сказок с их переводом на русский язык.

1. *Авай.* 2. *Ачай.* 3. *Акый.* 4. *Угбай.* 5. *Кырган-авай.* 6. *Кырган-ачай.*

А. *Бабушка.* Б. *Брат.* В. *Папа.* Г. *Сестра.* Д. *Мама.* Е. *Дедушка.*

Для последующих курсов можно усложнить задания:

Задание 3. Имеются ли в тексте сказки «сказочные» слова и выражения?

Задание 4. Объясните значение словосочетаний *темно-гнедой конь, золотая книга, золотая юрта, светлый мир.* Почему их можно отнести к «сказочным словам»?

Задание 5. Найдите и выпишите из текста «сказочные» выражения.

3. Лексико-грамматические особенности сказки.

Задание 1. Найдите и выпишите «сказочные глагольные конструкции».

4. Этнические особенности тувинской народной сказки «Балдыр-Бээжек».

Задание 1. Каким вы представляете себе главного героя сказки? Опишите его внешность. Какой у него характер? Что можно сказать о характере его братьев? Воспользуйтесь словами для справок: *трудолюбивый, честный, скромный, смелый, непослушный, любящий, доверчивый, ленивый, хитрый, жестокий.*

Задание 2. Найдите слова, связанные с религией тувинцев.

Задание 3. Найдите отрывок, в котором говорится о трех состязаниях за дочь Курбусту-хана, за прекрасную Отакшин-Кара. Какие эти были состязания? Как называются эти состязания в традиционной тувинской культуре?

Задание 4. Чему нас учит тувинская народная сказка «Балдыр-Бээжек»?

Задание 5. Что победило в сказке: добро или зло?

Задание 6. Какой эпизод из сказки вам особенно запомнился? Почему? Кто из героев вам понравился? Чем?

Задание 7. Назовите и напишите имена героев сказки.

Задание 8. Есть ли в вашем родном языке похожая сказка?

5. Мораль сказки.

Задание 1. Обратите внимание на образ Балдыр-Бээжека. Носителем каких идеалов тувинского народа он является?

Задание 2. Как отражена в сказке идея борьбы добра и зла?

Задание 3. Дайте характеристику ключевых не только для сказки «Балдыр-Бээжек», но и для многих других тувинских народных сказок тем миролюбия, бережного отношения к природе, животным, любви к братьям, к родной земле.

При изучении тувинских народных сказок в иностранной аудитории считаем целесообразным руководствоваться следующими принципами.

Задания должны быть направлены на достижение основных целей обучения: практической, образовательной и воспитательной.

Необходимо применять разные упражнения на развитие коммуникативных и творческих способностей обучающегося (придумать историю, найти эквиваленты, представить и описать нереальное событие, составить диалог по прочитанной сказке, объяснить мораль сказки, высказать мнение о прочитанном, написать отзыв, рассказ с опорой на иллюстрации, провести сравнительный анализ сюжетов и персонажей тувинской сказки и фольклорных текстов, относящихся к национальной культуре обучающихся и т.д.), а также задания, формирующие лексические и грамматические навыки (найти синонимы, антонимы, глаголы совершенного и несовершенного вида, заполнить пропуски, поставить слово в правильной форме, ответить на вопросы и т.д.).

В работе целесообразно использовать словесные методы (рассказ, объяснение); наглядные (иллюстрации, рисунки, презентации, демонстрации т.д.); практические (устные и письменные упражнения); сравнительный метод; методы контроля и самоконтроля в обучении (опрос, зачет, тест и др.).

Таким образом, изучение тувинских народных сказок на занятиях по русскому языку как иностранному на продвинутом этапе помогает направить учебный процесс не только на овладение лексикой и грамматикой изучаемого языка, но и на постижение базовых элементов национальной культуры тувинского народа, что позволяет студентам выйти на уровень межкультурного диалога, ориентироваться в различных ситуациях общения, т.е. реализовывать лингвокультурологический подход.

Литература

Арзамасцева Н. Ю. Лингвокультурологический потенциал русской народной сказки в практике преподавания русского языка как иностранного // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского гос. университета. – 2019. – № 4 (52). – С. 171–176.

Мамонтов А.С. Лингвокультурология в аспекте обучения русскому языку как средству межкультурной коммуникации // Русистика. – 2019. – Т. 17. – № 2. – С. 143–156.

Маслова В.А. Роль русского языка в концептуализации мира: лингвокультурный аспект // Русистика. – 2019. – Т. 17. – № 2. – С. 184–197.

Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока [Электронный ресурс] // СО РАН Институт филологии // URL: <https://www.philology.nsc.ru/departments/folklor/books/> (дата обращения: 10.10.2021).

Самдан З.Б. Устное народное творчество тувинцев – художественная основа тувинской литературы // История тувинской литературы. Т. I. Истоки. Литература ТНР (1921–1944). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. – С. 11–51.

Тамонова Д.Н. Процесс обучения РКИ как способ погружения в концептосферу русской ментальности // Филологические открытия. – 2019. – С. 272–275.

ЧИСЛОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ЧИСЕЛ ПЕРВОГО ДЕСЯТКА)

Ма Шихань

Томский государственный педагогический университет

В статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ символики числовой лексики в русских и китайских поговорках. Делаются выводы о глубокой укорененности семантики числа в национальной культуре, о сходстве и отличиях в числовых пристрастиях носителей двух лингвокультур. Показано, в частности, что русские больше любят нечетные числа; в китайском языковом сознании важное место занимают числа *шесть* и *восемь*. Числовая символика в поговорках дает богатое представление о культуре и менталитете народа.

Ключевые слова: русские и китайские поговорки, нумерологическая лексика, концепт числа, языковой менталитет, лингвокультурология.

В актуальных для современной гуманитарной науки лингвокультурологических исследованиях особое внимание уделяется лексическим единицам с повышенной семиотической нагрузкой. К ним, безусловно, относится нумерологическая лексика.

Цель настоящей статьи – сравнить роль числового компонента и семантику конкретных чисел в русских и китайских поговорках, чтобы сделать выводы о культуре и фрагменте языковой картины мира двух народов. Для ее достижения автором исследовано около 100 поговорок на двух языках. Привлечение контекста китайской лингвокультуры представляется интересным и оправданным, так как «магия чисел и числовая символика являются важной составной частью многих оккультных, религиозных и философских учений» [Хежева 2014: 227], в том числе китайских, уходящих в глубокую древность. Как считают и русские ученые, «особенно четко классификационная функция числа выступает в древнекитайской мифопоэтической традиции» [Топоров 1980: электронный ресурс]; «числа в китайском менталитете функционально релевантны, они имеют сакральную, ритуальную и т.д. функцию» [Васильева 2018: 129]. В повседневной жизни носителя китайской лингвокультуры числа тоже играют значительную роль, что нашло отражение в поговорках.

Остановимся на семантике и символике чисел первого десятка в русских и китайских поговорках в сопоставительном аспекте.

Число *один* имеет богатую символику как в русском, так и в китайском языковом сознании. Материал поговорок подчеркивает семантику абсолютности, безусловности, идеала данного числового символа.

Для русских *один* – это единственный, а потому неповторимый, уникальный, самый дорогой. Например: *Одна у человека родная мать, одна у него Родина; Все минется, одна правда останется.* Китайцы тоже наделяют положительной оценкой число *один*, потому что оно является первым в последовательности чисел. Это символ источника всех вещей, совершенное число. Часто для китайцев число *один* символизирует честь и победу. Например, оба значения соединяются в китайской поговорке *一步登天* (*Просто сделайте еще один шаг, чтобы достичь неба*). Похожи на нее такие поговорки: *千里之行始于足下* (*Путь в тысячу ли начинается с первого шага*); *百尺竿头更进一步* (*Пройдя 100 чи, сделай еще один шаг*).

Сходными в двух лингвокультурах являются и некоторые другие значения числа *один*. Например, русская поговорка *Одного поля ягода* имеет китайский эквивалент *一模一样* (*Одного покроя*). *Один* здесь – символ тождества, равенства самому себе, уникальности.

Один еще и символ меньшинства, так как это наименьшее натуральное число. Это значение актуализируется в русской поговорке *Семеро одного не ждут* и китайской поговорке *孤掌难鸣* (*Трудно сделать звук одной рукой*). Единичность противопоставляется множеству. Например: *Одно сегодня лучше двух завтра* (в русском языке) и *一字千金* (*Одно слово стоит тысячи золота*) (в китайском языке).

Имеют место и поговорки с достаточно специфичным для культуры значением. Например, в китайском языке *один* символизирует внимательность и сосредоточенность. Поговорка *一心一意* (*Одно сердце и одна мысль*) имеет

значение 'все силы и помыслы, все внимание', потому что в китайском сознании *один* является началом и концом всего.

В русских пословицах слово *один* часто сопровождается словом *другой*, выражается определенная противопоставленность: *Один рубит, а другой в дудку трубит; Одной рукой поджигает, а другой тушит.*

Число *два* в обеих культурах, прежде всего, противопоставлено единице.

В китайских пословицах это число чаще имеет положительную коннотацию. Число *два* является гармоничным, так как «два» = 1+1. Парность, симметрия, бинарность – закон мироздания. Число *два* может быть символом единства. Например, об этом китайская пословица *二人同心, 其利断金* (Если два человека вместе, они могут резать золото). Об этом и русские пословицы: *Одна голова хорошо – а две лучше; Один и дома горюет, а двое и в поле воют.* В целом, такое значение хорошо понятно носителю русской лингвокультуры. Китайские ценности парности и симметрии коррелируют с русскими ценностями единения, соборности, преодоления эгоцентризма.

Число *два* в китайской культуре может иметь и негативное значение несовместимости. Китайская пословица *二三其德* (Думает о двух и трех одновременно) говорит о том, кто не может сосредоточиться на работе. Нужно уметь сконцентрироваться на чем-то одном. В русском языке число *два* еще чаще выражает несовместимые, противоположные вещи. Примеры таких пословиц: *Два медведя в одной берлоге не улягутся; Два арбуза под мышкой не уместишь; Два сокола поссорятся – вороне корм перепадет; За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь.* Во всех этих пословицах выражены ситуации, когда два стремится к одному.

Интересны и такие русские пословицы, отражающие закономерности жизни и общества: *Дважды молодым не бывать; Двум смертям не бывать, а одной не миновать; За битого двух небитых дают; Два раза послушай, один раз скажи.*

Отметим также, что число *два* может быть символом малого количества, так как оно минимальное из чисел, обозначающих множественность, то есть из

чисел больше единицы. Например, китайская пословица *二话不说* (*Этот человек больше не скажет второе предложение*) обозначает решительного человека. Говоря по-русски, он не станет что-то повторять дважды.

Особое место в русской культуре занимает число *три*. Прежде всего, *три* символизирует священное и целое, что обуславливается учением о троичности Бога. Считается, что «Бог любит троицу».

Есть много русских пословиц, где время измеряется с помощью числа *три*, например: *Не узнавай друга в три дня – узнавай в три года*; *Три года скачи, ни до какого государства не доскачешь*; *В новое место попадешь – три года чужаком прослывешь*; *Чтобы научиться трудолюбию, нужно три года, чтобы научиться лени – три дня* и другие. По мнению Н. В. Соловьевой, «частая встречаемость числа три объясняется использованием сказочного приема ретардации (повторения одного и того же мотива буквально, или с незначительными вариациями, трижды)» [Соловьева 2016: 169].

Китайцам также импонирует число *три* и числа, кратные трем, например, 3, 6, 9, 12... Эти числа символизируют большое количество, то есть имеют значение ‘много’. Так, китайская пословица *三教九流* (*Три религии и девять школ*) говорит о людях самых разных профессий. Значение «много» реализуется также в следующих китайских пословицах с числом *три*: *火冒三丈* (*Огонь на голове этого человека – три метра*) – о человеке в сильном гневе; *三思而后行* (*Действовать после трех мыслей*) – то есть хорошо подумав.

Русские говорят, что *Слезы хлынули в три ручья*, то есть очень сильно.

Многие действия символически выполняются трижды. Пример китайской пословицы: *三令五申* (*Делать напоминания три раза, а потом еще пять раз напоминать*), то есть делать неоднократные напоминания, подчеркивая важность данного вопроса.

Число *четыре* не относится к числу любимых китайцами, потому что оно символизирует несчастье: слово *четыре* на китайском языке звучит приблизительно так же, как слово *смерть*.

Но в китайских пословицах число *четыре* имеет и иные значения. Оно символизирует стабильность, рациональность и равновесие, потому что есть четыре стороны света: север, юг, запад и восток; есть четыре сезона: лето, зима, осень и весна. Есть китайская пословица *四海升平* (*Четыре моря тихие*) со значением ‘стабильность’. В русском языке есть пословицы, которые имеют аналогичные значения, такие как *Четыре страны света на четырех морях положены; Четыре угла дому на строение, четыре времени году на совершение; Без четырех углов изба не рубится.*

В русских пословицах с общим негативным смыслом число *четыре* часто противопоставляется какому-то нарушению: *Конь о четырех ногах и то спотыкается; Четыре полы, а бока голы.*

Число «четыре» в китайском языке может также означать разрозненность и непостоянство. Есть китайская пословица *四分五裂* (*Распасться на четыре-пять частей*).

Е. Г. Гаврилова отмечает следующие значения числа «четыре» в русском сознании: «а) устойчивость сооружения: *без четырех углов изба не рубится; жить в четырех стенах; четыре стены, на четыре стороны*; б) наличие частей, которые должны обеспечивать устойчивость: *пропадай моя телега, все четыре колеса!*; *конь о четырех ногах, да и то спотыкается*; в) стороны света, направления: *в чистом поле четыре воли – хоть туда, хоть сюда, хоть инаково; четыре стороны света на четырех морях положены; у нас по одну сторону море, по другую горе, по третью мох, по четвертую "ох"»* [Гаврилова 2016: 5].

Число *пять* имеет положительную коннотацию в китайской культуре. Число *пять* на китайском языке звучит приблизительно так же, как слова *счастье* и *богатый*. Китайская пословица *学富五车* (*Наукою богат на целых пять возов*) имеет значение ‘обладать обширными знаниями’. Число *пять* считается нейтральным, оно является символом баланса и стабильности. Когда китайцы упоминают число *пять*, они думают о пяти элементах (металл, дерево, огонь, земля, вода) и пяти основных продовольственных культурах (рис, просо, ячмень,

пшеница, бобы). Поэтому есть пословица: *五谷不分* (*Не разбираться в пяти основных продовольственных культурах*) – это о тех, кто не имеет элементарных познаний. О расцвете земледелия и животноводства говорят пословицей *五谷丰登* (*Высокий урожай пяти культур*).

Число *пять* имеет еще одно важное и специфичное значение в Китае: у человека две руки, две ноги и голова. Есть китайская пословица *五体投地* (*Пять частей тела лежат на земле*) – она выражает крайнее восхищение, большое уважение к человеку.

В русских пословицах *пять* часто символизирует пять пальцев: *На руке пять пальцев, а который ни укуси – все больно; В пяти колодчиках сидят пять молодчиков*. Следствием является следующее: «Число пять и все числа, которые делятся на пять, <...> имеют значение «целостности», поскольку употребляются для удобства при счете» [Скомаровская 2010: 65]. Таково значение этого числа в пословице: *Один улей – улей, а пять – пасека*.

Иногда число *пять* символизирует малое количество: *На пятак дружбы не купишь; Кто дает, тому и пять много; кто берет, тому и шесть мало*.

Число *пять* может противопоставляться в русской культуре числу *четыре* как символу устойчивости и завершенности: *Нужен, как телеге пятое колесо*.

Китайцам очень нравится число *шесть*, потому что в китайском сознании оно символизирует удачу и счастье. Есть даже пословица *六六大顺* (*Шесть – очень благополучно*). Китайцы любят покупать товары с цифрой *шесть*, в повседневной жизни предпочитают такой номер дома, номерной знак, шестой этаж и т.п. Символика числа «шесть» также имеет укорененность в религии, прежде всего она связана с буддизмом. Например: *三头六臂* (*Бог с тремя головами и шестью руками*) – о людях, которые имеют очень много знаний. Пословица *六根清淨* (*Шесть органов чувств, и все мирные*) (имеются в виду глаз, ухо, нос, язык, тело, разум) имеет значение ‘тихо и спокойно’.

В России число *шесть* редко нравится людям, потому что символизирует зло в религии: «В случае с числом 666, обозначающим зверя, дьявола, антихриста, властителя ада, подразумевается предостережение от символической духовной смерти» [Зотов 2016: 18–19]. Отсюда пословица: *Живому домок, а помер – шесть досок*. Пословица *Лучше шестерых виноватых простить, чем одного невинного казнить* показывает, что число *шесть* часто ассоциируется с грехом и преступлением.

Число *шесть* также может иметь отрицательную коннотацию и в китайском языке. Например: 六月飞霜 (*В шестом месяце выпал иней*) – о несправедливом обвинении невинного. В то же время в русском языке возможна положительная коннотация, например, значение стабильности: *У кого шесть детей, у того в шести местах богатство*.

Но в целом западная и восточная культуры расходятся в отношении к данному числу, как и к некоторым другим. «К так называемым «счастливым» числам в западных культурах традиционно относят числа «три», «семь», «девять», тогда как, например, в китайской культуре числа «шесть» и «восемь» символизируют успех и благополучие, в коннотативном аспекте значения последнего присутствует признак ‘богатство’» [Федяева 2017: 129].

Число *семь* регулярно и значимо в повседневной жизни; прежде всего, есть семь дней в неделе, отсюда русские пословицы: *У ленивого семь праздников в неделю; У ленивого Емели семь воскресений на неделе*. Семь считается счастливым числом в русской культуре. Оно возникает в пословицах часто: *За семь верст комара искали, а комар на носу; Семь мудрецов дешевле одного опытного человека; Семеро одного не ждут*. Число *семь* «характеризует общую идею вселенной, константу в описании мирового дерева, полный состав пантеона, число сказочных героев – братьев (ср. «Семь братьев», «Семь Симеонов» и сестер и т. п.), число дней недели, число дней праздников, количество цветов спектра, тонов в музыке, основных запахов стереохимической теории, константу, определяющую объем человеческой памяти, и т. п.» [Топоров 1980].

В Китае число *семь* имеет оценочное значение совершенства, но в паремиях встречаются разные значения этого числа. Например, значение большого количества: *七次量衣一次裁* (*Семь раз отмерь, один раз отрежь*) – о необходимости подумать перед действием. Есть и значение чего-то нестабильного: *七上八下* (*Семь раз вверх, восемь раз вниз*) – то есть сердце не на месте, сильное беспокойство; *七嘴八舌* (*Семь губ и восемь языков*) – о том, что есть много людей и все они говорят по-разному. Обратим внимание, что число *семь* часто используется вместе с числом *восемь*. Число *семь* в китайских пословицах вообще часто сопоставляется с другими числами. Есть пословица *七年之病, 求三年之艾* (*Человек болел семь лет, и ему понадобилось три года, чтобы найти лекарство*) – то есть все должно быть подготовлено заранее, иначе будет слишком поздно.

Число *восемь* нечасто встречается в русских устойчивых выражениях, в то время как в Китае оно является символом богатства. «В ряду любимых китайцами чисел «восемь» занимает особо важное место. Три восьмерки – символ процветания. Чем больше восьмерок в номере, тем он почетнее и престижнее» [Васильева 2018: 133]. Мифологическое происхождение имеет китайская пословица *八仙过海* (*Во время переправы через море восемь небожителей показывают каждый свои чудеса и волшебство*) – то есть каждый проявляет свои таланты и способности. Как и число *семь*, *восемь* обозначает нестабильность: *七手八脚* (*Семь рук и восемь футов*) – о суматохе из-за большого количества людей.

В редких русских пословицах число *восемь* обычно обозначает множество и противопоставляется другому числу: *Не режь восемь овец – режь одну, но улитанную*.

Число *девять* не очень часто встречается в китайских и русских пословицах. Но это число, кратное трем (более того, это три раза по три). Русские пословицы говорят: *Уступив однажды – девять раз останешься в выигрыше; Квас молодой, да налит девятой водой; Бык стоит девяносто рублей, спесивый человек и девяти копеек не стоит*.

Чаще всего число девять воспринимается как неполный десяток, большая часть от десятка: *十室九空* (Из десяти домов девять пустуют) – о грустном запусении: многие люди погибли или убежали из-за войны; *十羊九牧* (Девять пастырей на десять баранов) – есть много чиновников и мало простых людей. Так же в русском языке: *У храбреца десять доблестей: одна – отвага, девять – ловкостей*.

Число *десять* является одним из самых частотных в паремиях, так как десять пальцев на руках у человека привели к десятиричной системе исчисления. Обычно это число имеет значение ‘много’, так как это самое большое число из первого десятка. Пример китайской пословицы: *十年寒窗* (Десять лет у холодного окна) – трудолюбивые студенты тратят много времени на учебу. В русских пословицах число *десять* часто контрастирует с числом *один*: *Избавишься от одного порока, вырастут десять добродетелей; Лучше десять виновных простить, чем одного невинного наказать*.

Специфичным является китайское значение числа *десять* как совершенного числа. Пословица *十全十美* (Десять – полный и красивый) имеет значение «совершенный во всех отношениях».

Итак, нумерологическая лексика является очень частотной и значимой как в русских, так и в китайских пословицах. Ее анализ (на примере чисел первого десятка) позволяет уточнить некоторые особенности языкового менталитета.

Литература

Васильева К.К. Онтология ментальных кодов и числовой концептуализации мира // Современные научные исследования и разработки. – 2018. – Т. 1. – № 12 (29). – С. 128–133.

Гаврилова Е.Г. Числовая символика в русских паремиях с компонентами-числительными // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры. – 2016. – № 10. – С. 1–6.

Зотов С.О. Подходы к интерпретации числовых суеверий // Aliter. – 2016. – Т. 1. – № 6. – С. 16–25.

Скомаровская А.А. Нумерологический код культуры в текстах русских народных сказок // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2010. – № 4. – С. 61–66.

Соловьева Н.В. Сопоставительный анализ числовой символики русских и британских народных сказок // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2016. – № 4. – С. 166–172.

Топоров В.Н. Числа [Электронный ресурс] // URL: <http://philologos.narod.ru/myth/numbers.htm> (дата обращения: 07.09.2021).

Федяева Е.В. Роль числового символизма в интерпретации свойств и отношений действительности // Научный диалог. – 2017. – № 5. – С. 126–134.

Хежева М.Р. Этапы изучения и становления числовой символики в гуманитарных науках // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. – № 3 (59). – С. 227–230.

ЭКСПРЕССИВНОСТЬ ПРЕТЕРИТОВ В СЛАВЯНО-РУССКИХ ПРОЛОГАХ XIV–XV ВЕКОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Т.Д. Маркова

Нижегородский государственный лингвистический университет

им. Н.А. Добролюбова

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ

в рамках научного проекта № 20-012-00310

Статья посвящена исследованию эмоционально-оценочной семантики претеритов, используемых в текстах популярных в Древней Руси Прологов. В анализируемом материале актуализируется аксиологическая составляющая значения форм прошедших времен глаголов в связи с нравоучительной и воспитательной функцией Прологов. В контексте Проложного текста вне зависимости от жанра фрагмента (в Прологи включались житийные, учительные и философские повествования) усиливается потенциальный ценностный компонент значения претерита. Благодаря этому внимание читателя концентрируется на оценке поступков, совершенных персонажами, что позволяет формировать в сознании адресата текста модель благочестивой жизни.

Ключевые слова: Пролог, аксиология, семантика, претерит.

Славяно-русские Прологи занимали особое место в культуре Древней Руси, являясь излюбленным нравоучительным семейным чтением. Включая в себя повествовательные и учительные фрагменты на каждый день года, Прологи сопровождали русичей ежедневно, направляя их мысли к высоким целям, настраивая на благое и доброе. При этом стиль Прологов отличался простотой, отсутствием вычурных лексических средств, легкостью и краткостью синтаксических структур. Наибольшую семантическую нагрузку в текстах Прологов брали на себя глагольные формы, в частности претериты, функционировавшие как синкреты.

Наиболее яркой семантической ролью аористой формы, часто употреблявшейся в повествовательных фрагментах Прологов, является **обозначение действия, принесшего тот или иной результат**. В «*Памяти святых Андриана и Наталии*» [Пролог 1429: 717–0239b–240.jpg] формы аориста и перфекта, будучи употребленными в пределах одного повествования, обозначают результативные действия. Однако результативность этих действий, обозначенных аористом, с одной стороны, и перфектом – с другой, абсолютно различна.

Результативность действия, обозначенного аористной формой, всегда модально и эмоционально нейтральна. Напротив, результат действия, обозначенного формой перфекта, аксиологически окрашен и экспрессивно насыщен. Причем **нейтральность аориста особенно заметна на фоне яркой, экспрессивно «заряженной» перфектной формы:** *...она же мнѣши яко отреклься естъ Христа. Убоявсь муки **изиде** от узъ. **Затвори** врата от него; яко **не сподобихся** рече мученикова жена нарецися ... откуда рече прияль еси таковое беславие* (в только что приведенном текстовом примере и далее в статье мы будем использовать не церковно-славянский, а современный русский шрифт). Итак, святой Андриан, будучи заключен в темницу вместе с другими христианами и приговорен вместе с ними же к смертной казни, испросил разрешение у стражи пойти и пригласить свою жену Наталью посмотреть на эту казнь. Наталья же подумала, что Андриан избежал мученичества (*изиде от узъ*). Аорист здесь называет результативное действие **без какой-либо оценки** этого действия. Оценочная характеристика этого действия заключена в перфектной номинации – *отреклься естъ Христа*. Так же и далее: Наталья затворила ворота, не желая пускать в дом своего мужа, так как не сподобилась, как она подумала, называться женой мученика. **Аксиологической составляющей в семантике аористных наименований нет – затвори; не сподобихся.** Перфектная же форма, будучи вербализацией оценочного статуса обозначенных действий Андриана, расставляет по местам все акценты: Наталья считает освобождение Андриана от уз, его мнимое отречение от Христа и свою невозможность называться женой мученика бесславием – *прияль еси таковое беславие*.

Типичный пример функционирования форм аориста в подчеркнуто **нейтральном, конспективно-биографическом** повествовании можно также увидеть в «Слове от патерика» [Пролог 1429: 715–0015.jpg; 715–0016.jpg]: *В лета Никиты Патрикия. В Карфагене Африкийстем. **Бысть** нечто сицево. Въвода некихъ въ претори въ мнозех грех опадашихъ пребываа. Смертоносно уже времени некое ему наставиу. Съ въ умиление **прииде**. **Упразднися** въ некое свое село при граде. Поемь с собою свою жену. Присно же ненавидяи добра*

и покаания человека диавол. **Въверже** тамо въводу въ прелюбодеание съ женою ратаа своего. И по днехъ некихъ **впаде** въ болезнь и тако **скончася**. Монастыр же **бе** ту близь. Въ иже текши жена его. И **умоли** мнихы. И пришедше **взяша** тело его. И **погребоша** въ церкви.

Большой аксиологической нагрузкой отмечены в Прологах формы имперфекта. При помощи имперфективных форм нередко дается **яркая характеристика персонажа**. Так в повествовании «*День преподобного отца нашего Еумения, епископа Гортуньскаго Критьскаго острова*» [Пролог XIV в.: 033–356–36.jpg] каждая форма имперфекта используется для обозначения длительного действия, ставшего привычным состоянием души персонажа, его **характерной чертой, определяющей далее многое в событиях его жизни**, причиной, ведущей к соответствующему, ожидаемому результату. Повествователь дает **подробную характеристику главного персонажа**, в связи с чем использует целый ряд имперфектных форм. Как всегда в подобных случаях, предикативная функция позволяет сделать **каждую характеристику динамически и событийно окрашенной**, чего невозможно было бы добиться при использовании именных атрибутов: *Скорбяше съ скорбящими и плакашеся съ плачущими. Присно же изношаше слезы на лице свое. Имеаше же дело еже не осуждати человека. Но аще услышаше на кого глаголение. Мняше яко самъ то створиль есть*. Обратим внимание и на финальную в приведенном фрагменте форму перфекта в обычном для нее максимально аксиологизированном значении: святой не просто имел дарование не осуждать грешников, но и сотворенные кем-либо грехи искренне считал своими – в ортодоксальной аксиологии это высшая степень неосуждения.

В «*Слове о златом кузнице*» [Пролог 1429: 717–0225b–226.jpg; 717–0226b–227.jpg] читаем: *И се рекшу ему потрясеса место. И подвизася гора. И падоша вси людие ници. Бысть же въплъ много въ граде, **скрушахуся** полаты, и **падаху** ся стены. Изидоша же варваре. И видеша страшное чюдо. Како **идяше** гора от места своего. Къ реце Нилу*. Чудо, произошедшее от молитвы праведного кузнеца и освободившее христиан от варваров, описывается при помощи форм аориста и имперфекта. Оппозиция этих форм воплощает **смысловую иерархию**

событий в пределах контекста: **наиболее невероятные** (движение горы к реке) **и трагичные элементы происходящего** (разрушение и обрушение домов) **обозначены формами имперфекта**. Так в рассматриваемом сюжете **на фоне** динамичных действий, обозначенных аористом, медленно (причем данное замедление явно искусственное, художественно оправданное) рисуются невероятные действия, обозначенные формами имперфекта. Более того, **у форм имперфекта начинает развиваться результативная семантика** – они начинают обозначать действия, ставшие результатом действий, обозначенных аористом (место сотряслось, гора сдвинулась с места своего – и в результате стали сокрушаться дома и падать стены).

В «Памяти святых мученик иже святыя ради иконы Спаса Нашего Иисус Христа Бога Нашего пострадавших в медных вратах» [Пролог 1429: 717–0201b–203.jpg; 717–0202b–203.jpg] описание действий иконоборцев держится на формах имперфекта, что **позволяет зафиксировать внимание читателя** на ужасных и богопротивных поступках противников святых икон (при этом формами аориста обозначены смелые и быстрые действия святых): *Но уже лествицам готовящимся и высокая дрeвеса въсланяхуся. И слугамъ по лествицам вшедшимъ. Делу касахуся. Тогда же достигшеи и доблии сии ... низложителя Стафариа долу низъвергше и смерти предаша и нечестиваго царя клятвами прокляша.*

В финале «Слова от стареческого» [Пролог 1429: 717–0184b–185.jpg; 717–0185b–186.jpg] форма имперфекта, функционируя **в паре с формой перфекта** (подчеркнуто результативно-адмиративного по контекстной семантике), вновь выполняет роль «кинематографической паузы»: главный персонаж фрагмента (некий старец, позавидовавший популярности молодого монаха) идет с намерением поколотить «конкурента». Молодой инок, не зная о настроении старца, выходит к нему навстречу с раскрытыми объятиями, чем очень удивляет старца. Удивление старца передано формами перфекта, а **эффект кульминационной паузы** (замедления сюжетного действия в фокусе события) – формой имперфекта: старец тоже, спрятав дубинку, вынужден был тепло приветствовать

молодого инокa, благодаря чему конфликт был исчерпан: ... *умили старца ... **течаше** на целование его. И целовавы и приведъ его въ келию свою яко ничто же слышавшу. Глагола же старецъ ученику своему. Неси ли рекль ему ничто же от них же глаголахъ тебе.*

Пример использования форм имперфекта в «кинематографической» функции **замедленного действия** наблюдаем и в «Слове от патерика» [Пролог 1429: 715–0015.jpg; 715–0016.jpg]. Умерший, но чудом оживший воевода рассказал о своих посмертных мытарствах. Его душа пережила жуткие испытания. Формы имперфекта позволяют растянуть повествование так, чтобы **дать возможность читателю ощутить то, что испытал персонаж**: *Азь отче егда приидох скончатися. Зрех некия мурины предстоящаа ми. Им же самое то видение всякоа муки лютеишии **бьяше**. Отъ них же некия зряци душа моя **смуцаашесе** и **сбираашесе** къ себе. Да яко ж **предъстоаху** ми страшнии сии **смуцааху** мя.*

Контекстуальное взаимодействие формы имперфекта с формой плюсквамперфекта может неожиданно скорректировать семантику последнего, несмотря на его достаточно стабильные смысловые функции. Так, в «Слове о диаконе Рафаиле» [Пролог 1429: 717–0228b–229.jpg] сюжетная «перекличка» форм имперфекта и плюсквамперфекта поддерживает развитие у формы плюсквамперфекта **смыслового оттенка неизбежности** – неизбежной кончины персонажа, причем немирной, страшной кончины: *Некьи отрокъ приде къ блаженому Епифану глаголя. Господине Епифане другъ твои Рафаилъ болитъ и зоветъ тя да пришедъ посетиши его. ... Да яко се слышавъ кроткьи духомъ, и прослезився абие поиде по отроце. И пришедъ близъ его седе. И разуме яко **приблизилася** бе кончина его.* Если предположить, что форма плюсквамперфекта употреблена здесь в своем обычном значении, то, следовательно, автор говорит нам о том, что Рафаил находился при смерти уже очень давно (точнее, до начала того, о чем повествуется во фрагменте). Данная семантика в рассматриваемом тексте, безусловно, присутствует. Именно эта семантика и обуславливает появление оттенка неизбежности смерти Рафаила. Поддерживается же этот смысловой нюанс формами имперфекта, обозначающими мучения умирающего и настойчивое

кружение злобных духов у его постели. Формы имперфекта, подчеркнуто растягивая описание состояния Рафаила и движения бесов, усиливают настроение отчаяния и неизбежности смерти (причем вновь формы имперфекта обозначают **результативное состояние**, вызванное действием, обозначенным формой аориста): *И разгневался на нь диаволь. Вшедь внутрь в онь. Брань велику и мятежь створи. Да **валяшеса** и **мятяшеса** лежа и нелепа блядыи. ... Сатана же с демоны своими ту **паряше**.*

Особой экспрессивностью и оценочностью обладают формы перфекта, обозначающие, как правило, наиболее значимые и аксиологически актуализированные действия персонажей Пролога. Например, в «Слове о Меркурьи, како створи милость с убогою женою» [Пролог XIV в.: 033–102б–103.jpg] герой рассказывает о том, как он однажды пожалел бедную женщину, собиравшую деньги на выкуп из тюрьмы своего мужа. Пришло время, когда и сам главный персонаж оказался в беде: *Бысть на мя клевета къ царю яко дань **есть погубиль**. И пославъ царь разграби домъ мой...* Проведя долгое время в тюрьме, герой был освобожден благодаря ходатайству той самой женщины, которой когда-то помог. При помощи формы перфекта, единственной в данном повествовании, обозначено **событие** (клевета), перевернувшее жизнь главного персонажа, безнадежно, казалось бы, сломавшее ее, **та точка, с которой начинается новый, очень необычный и напряженный, интересный для читателя виток сюжета.**

В «Слове от жития преподобного Данила» [Пролог 1429: 717–0247б–248.jpg] формы перфекта обнаруживаются дважды в беседе святого Симеона и преподобного Данила. Последний намеревается пойти через Палестину к христианским святыням, несмотря на предупреждение об опасностях в пути, связанных с нападением самаритян. Святой Симеон пытается отговорить Данила от этого рискованного предприятия: *камо идеши любимиче мой. Рече же ему святыи Данил. Къ святымъ местомъ иду аще ест воля Божиа. И отвещавъ святыи Симеонъ иже въ образе старца рече ему. Добро **реклъ еси** аще ест воля Божиа. **Не уведель ли еси** убо иже в Палестине неустроение...* Обе формы перфекта в приведенном отрывке **экспрессивно окрашены** и обозначают

аксиологически маркированные действия: Симеон хвалит Данила за правильные слова (*добро рекль еси*) и при этом подчеркивает важность информации, сообщенной Данилу, но не принятой им во внимание (*не уведель ли еси*). Более того, обе совершенные формы здесь **композиционно значимы**, так как обозначают по существу **главное** для этого текста, **неразрешимое противоречие** в вопросе о том, **в чем же заключается воля Божия** относительно главного персонажа фрагмента.

В «Слове святого Афанасия яко нелепо съгрешивши много и отчаятися своего спасения» [Пролог 1429: 717–0232b–233.jpg; 717–0233b–234.jpg] на формах совершенного держится **ключевая антитеза текста** – человеческие грехи, с одной стороны, а с другой – милосердие и прощение Бога. Некто спросил старца Афанасия, как может быть прощен человек, отрекшийся от Христа и похуливший Святого Духа. Вопрос связан с самыми страшными грехами, страшнее которых только самоубийство, в котором раскаяться невозможно. Наименования этих людских грехов оформлены в виде совершенного – **модально насыщенной формы**, придающей подчеркнутую оценочную окраску обозначенным деяниям: *Въпроси некто отца Афанасиа, иже въ многаа прегрешения впадают, како могут прощение уллучити съгрешениемъ. Или кое покаяние приято будет Имь от нихъ, иже суть Христа отвергълися, и глаголали на Святыи Духъ хулу.* Двум совершенным формам, обозначающим самые страшные грехи против Бога, противостоят два совершенных, которые обозначают действия Бога, свидетельствующие о Его бесконечной милости к самым последним грешникам (причем в этом случае в семантике совершенных форм **актуализируются не только модальные, но и эвиденциальные компоненты**): *И отвеца святыи. Пять крещении даль есть Богъ человеку роду. Очищающе человекьскаа вся прегрешения. Первое крещение водою и Духомъ. Второе крещение покаание еже есть исповедание своихъ грехов. Исповемь на ся грехы моя, и Тъ отпустилъ есть нечестие сердца моего...* Таким образом, **текстовая оппозиция двух пар совершенных форм** структурирует **ключевую антитезу**, содержащую в себе однозначный ответ на вопрос, прозвучавший в зачине: даже если человек отказался от Христа и похулил

Святого Духа (*суть Христа отверглися, и глаголали на Святыи Духъ хулу*), Бог очистит эти грехи либо крещением (водой и Духом), либо покаянием, либо, как повествуется далее, страданиями, слезами и аскезой (*пять крещении даль есть – отпустиль есть нечестие сердца моего*).

В «Слове святаго отца нашего Евагрия о умилении души» [Пролог 1429: 717–0235b–236.jpg] форма перфекта используется один раз, причем в резюмирующей (финальной) части текста: *Горе тебе душе. Колькраты ты Богъ помилова и паки паде. Колькраты ты на день умилиль есть, и паки разленися. Колькраты ты просвети и ты не разуме. Колькраты ты наслади и ты не прилежа. Колькраты ты укрепи, и ты раслабе. Колькраты ты исцели, и паки уязвися. Колькраты ты научи, и ты не пребы в томъ учении*. Весь этот финальный отрывок строится при помощи синтаксического и лексического повтора. Все действия, кроме одного, обозначены формами аориста. И лишь однажды использован перфект, причем, на первый взгляд, совершенно неоправданно. Однако если вспомнить название фрагмента – «*О умилении души*» – то все становится очевидным. Перед нами случай рамочной организации текста-поучения, в котором заголовок (предтекст) перекликается с финалом при помощи однокоренных лексических единиц. И глагол в финале, закольцовывающий собственно поучение, использован в форме перфекта, чем ярко выделяется на фоне целой цепочки аористов. **Перекличка финала и предтекста** имеет место не только на уровне формальной композиции, но и содержательно – в авторской концепции: действие, обозначенное перфектом, является наиболее важным из всех остальных. Причем умиление души – это действие Бога в человеке. Более того, контекстная антонимия позволяет максимально уточнить и семантику данной глагольной единицы в тексте, и смысл однокоренного имени существительного в заголовке: умиление души – это бдение, молитвенное настроение, труд души, без которого нет душевной радости и духовной жизни. Неслучайно поэтому в пределах фразы имеет место антитеза *умилиль есть – разленися*.

В повествовании «*Святыя Дросиды дщере Трояна царя*» [Пролог 1429: 715–0077.jpg; 715–0078.jpg] форма перфекта используется в эмоционально

подчеркнутой реплике (при этом имеет место, как нередко бывает, имитация разговорной речи). Увиденный Трояном во сне пастух гневно обращается к царю: *Виде самъ въ сне пять агницъ неблазньныхъ ходящихъ в раи. И пастыря страшна пасущаго ихъ, и глаголюща къ царю. О безаконныи царю и нечестивыи. Юже ты вмениль еси в бесчестии стояти. Добрыи благыи пастырь от тебе отторгъ положи в месте семь. Иде же хочет и Дросиа нескверная агница и твоя дщи дойти.* Очевидно, что пастух, которого во сне увидел Троян, – это сам Бог, в реплике которого форма перфекта приобретает особую значимость: то, что Троян расценил как преступление, Бог принял как величайшую заслугу пяти мучениц-христианок.

Таким образом, можно сделать вывод о богатом экспрессивно-оценочном потенциале претеритов, используемых в текстах славяно-русских Прологов. Контекст повествований, игравших важную роль в формировании ценностных представлений древних русичей, актуализирует в семантике претеритов аксиологические компоненты. Это, в свою очередь, позволяет донести до читателя понимание важности результата тех или иных действий и событий, мотивов и значения поступков персонажей, глубины и остроты их переживаний – и все это не за счет дополнительных лексических средств, утяжеляющих повествование, а благодаря емкости грамматических форм глаголов. Претериты в славяно-русских Прологах функционируют как синкретичные единицы, в которых реализуются важнейшие грамматические категории – темпоральности, модальности и эвиденциальности.

Литература

Пролог с сентября по декабрь XIV века, 172 листа // [Электронный ресурс] // [Славянские рукописи] // URL: <http://www.stsl.ru/manuscripts/index.php> (дата обращения: 19.08.2021).

Пролог с марта по ноябрь 1429 года, 366 листов // [Электронный ресурс] // [Славянские рукописи] // URL: <http://www.stsl.ru/manuscripts/index.php> (дата обращения: 19.08.2021).

«АННУШКА УЖЕ РАЗЛИЛА МАСЛО...»:

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В ТЕКСТАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Н.А. Сегал, Д.Н. Трунова

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ

в рамках научного проекта № 21-011-31072

Статья посвящена исследованию особенностей реализации прецедентной конструкции *«Аннушка уже купила подсолнечное масло...»* в русскоязычном медиадискурсе. Выявляются ключевые тематические сферы ее реализации и коннотативный потенциал, описываются базовые образы и сценарии, моделируемые посредством данной конструкции.

Ключевые слова: медиадискурс, прецедентный текст, прецедентная конструкция, языковая единица, коннотация, М. А. Булгаков.

Манипулятивный потенциал современного медиадискурса определяет тот факт, что СМИ все чаще апеллируют к широкому спектру образных средств, с помощью которых моделируется современная медиареальность. Одним из таких средств являются прецедентные конструкции, которые «знакомы большинству лингвокультурного сообщества, хранятся в коллективной памяти этого сообщества и регулярно актуализируются в речи» [Гудков 1999: 116]. По мнению Ю. Н. Караулова, прецедентные тексты – это «тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 216]. Целью предлагаемой статьи является установление особенностей реализации прецедентной конструкции *«Аннушка уже разлила масло...»* в русскоязычном медиадискурсе. Для определения первичного значения конструкции и ее контекстного окружения обратимся к тексту романа М. А. Булгакова.

– Прошу и меня извинить, – ответил иностранец, – но это так. Да, мне хотелось бы спросить вас, что вы будете делать сегодня вечером, если это не секрет?

– *Секрета нет. Сейчас я зайду к себе на Садовую, а потом в десять часов вечера в МАССОЛИТе состоится заседание, и я буду на нем председательствовать.*

– *Нет, этого быть никак не может, – твердо возразил иностранец.*

– *Это почему?*

– *Потому, – ответил иностранец и прищуренными глазами поглядел в небо, где, предчувствуя вечернюю прохладу, бесшумно чертили черные птицы, – что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже разлила. Так что заседание не состоится* [Булгаков 2008: 19].

Истинный смысл выражения едва ли можно понять, опираясь только лишь на эксплицитную информацию, заложенную в нем. Так или иначе для понимания его семантики необходимо знать содержание романа М.А. Булгакова. Аннушка уже купила и уже разлила масло, а значит, трагедия неминуема, что-то нехорошее случится в ближайшее время и, немаловажно, то, что должно произойти, обязательно произойдет, вне зависимости от обстоятельств. Таким образом, конструкция предвещает скорую катастрофу для одного конкретного человека или, как мы убедились в процессе представленного исследования медиатекстов, для всего человечества.

Рассмотрим данный тезис на примерах контекстов русскоязычных СМИ.

Информационный ресурс «Эхо Москвы» опубликовал статью *«Аннушка уже разлила масло»* (echo.msk.ru, 04.06.2020). Статья повествует о разливе *«20 тысяч тонн дизельного топлива в Норильске»*, описываются масштабы экологической катастрофы и ущерб, нанесенный как природе, так и местным жителям. На момент публикации статьи разлив топлива еще не был полностью остановлен и можно было только предполагать, насколько ужасными будут его последствия. Таким образом, в контексте статьи прецедентная конструкция *Аннушка уже разлила масло* сохраняет основные компоненты лексической соотнесенности с оригиналом: это катастрофа, а также значительное ухудшение положения в ближайшем будущем. Кроме того, отметим и внешнее сходство подсолнечного масла, разлитого Аннушкой, с дизельным топливом, разлитым в Норильске. Дизельное топливо обладает желтоватым оттенком, характерным также и для подсолнечного масла.

Изложенный выше пример иллюстрирует катастрофу, значимую для определенного региона. В следующем контексте описывается катастрофа, охватившая в 2020 г. все человечество. Речь идет об эпидемии коронавируса. Современное медиапространство насыщено контекстами, апеллирующими к сложившейся ситуации. В частности, одним из ее иллюстраторов является анализируемая нами конструкция из романа М.А. Булгакова.

«Аннушка уже разлила антисептик. Как знаменитые писатели могли отреагировать на коронавирус» (news.tut, 24.04.2020) – статья с таким заголовком была размещена на сайте NEWS.TUT. Важно, что в данной статье предлагается посмотреть на сложившуюся в мире ситуацию в юмористическом ключе. Так, Ф.М. Достоевский в статье как бы размышляет: *«Тварь я дрожащая, или сбегать за хлебом?»*. И.А. Бродский призывает: *«Не выходи из комнаты, там коронавирус!»*. Н.В. Гоголь рассказывает: *«Кто-то чихнул на мою книгу, и я ее сжег»*. С.А. Есенин резюмирует: *«Лицом к лицу лица не увидать, мы в масках и давай на расстоянии»* и т. д. Основная цель статьи – посмеяться над существующими ограничениями и порядками, поднять настроение тем, кто устал от печальных известий в сводке новостей. Прецедентная конструкция, которую мы рассматриваем, реализуется и в заголовке, и в тексте статьи. Несмотря на шутивную составляющую статьи в целом, именно это высказывание заставляет читателя вспомнить о нависшей над всеми нами угрозе. С коронавирусом человечество все еще не справилось, а значит, нам так же, как и Берлиозу, остается лишь гадать, что нас ждет в ближайшем будущем.

Рассмотрим и другую статью, посвященную коронавирусу: *«Аннушка масло уже разлила: как коронавирус похоронит доллар»* (vesti.ru, 24.03.2020). В данной статье рассказывается о проблемах в экономике, спровоцированных эпидемиологической ситуацией во всем мире. Прогнозы весьма печальные, по сути, для всей мировой экономики, не только для доллара. Прецедентная конструкция подчеркивает: механизм уже запущен, и остановить его в скором времени никак не получится. Катастрофа, о которой говорится в этой статье, – всемирный финансовый кризис, он приведет к ряду других проблем. Отметим, что

в анализируемом контексте «маслом» выступает непосредственно вирус, а не что-то хоть сколько-нибудь напоминающее масло по составу (например, дизельное топливо или антисептик).

Обратимся к следующему примеру: «*Город Сергея Собянина, или Аннушка уже разлила масло...*» (moscow-post.su, 25.06.2020). Катастрофой, по мнению автора статьи, является деятельность мэра Москвы Сергея Собянина. Прецедентное выражение используется исключительно в негативном ключе. Покупка масла у Аннушки – это избрание мэром С. Собянина. Пролитое масло – символ нововведений и реформ, направленных на благоустройство города. Эти реформы пришлись не по душе большей части населения, прецедентная конструкция является средством выражения авторского негативного отношения к мэру и его деятельности.

Следующий контекст: «*«Аннушка уже разлила масло»: На Любинском проспекте текут масляные ручьи*» (ewsomsk.ru, 15.05.2020). Статья в действительности повествует о масляных ручьях, текущих на Любинском проспекте. Но течет пальмовое, а не подсолнечное масло. В этом контексте прецедентная конструкция утратила имплицитную информацию о приближающейся катастрофе. Здесь мы наблюдаем эксплицитную информацию в чистом виде.

Таким образом, проведенный анализ позволяет говорить о всё большей значимости прецедентных конструкций, апеллирующих к художественной литературе. Расширение коннотативного фона, связанное с особенностью их реализации, усиливает манипулятивный потенциал текстов СМИ, добавляя в них элементы языковой игры. Перспективой дальнейшего исследования является комплексное изучение творчества М. А. Булгакова как источника прецедентности в русскоязычном медиапространстве.

Литература

Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 478 с.

Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации. – М.: Наука, 1999. – 400 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ АНТРОПОНИМЫ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ ИСТОРИЯ В РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Н.А. Сегал, А.Я. Мартынюк

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ

в рамках научного проекта № 21-011-31072

Статья посвящена выявлению особенностей описания прецедентных антропонимов, апеллирующих к истории России. На примере прецедентного имени *Иван Грозный* определяются специфика научных знаний об известной личности и особенности их языкового моделирования в актуальном медиадискурсе.

Ключевые слова: медиатекст, прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентный антропоним, коннотация.

Лингвистическая теория прецедентности – одно из самых активно развивающихся направлений в современном языкознании второй половины XX – начала XXI в. В современных исследованиях прецедентный текст понимается по-разному. Так, Ю.Н. Караулов рассматривает прецедентный текст как единицу мотивационного уровня языковой личности, которая опосредует познавательную деятельность и актуализируется в ассоциативно-вербальной сети, реализуя скрытую оценочную связь с элементами других уровней языковой личности. При этом отсылка к прецедентному тексту имеет прежде всего «прагматическую направленность» [Караулов 2010: 241]. В. В. Красных выделяет прецедентный текст как ядерный элемент когнитивной базы, общий для представителей лингвокультурного сообщества, который лежит в основе фрейм-структур, когнитивных единиц, представляющих собой узлы относительно предсказуемых «направленных ассоциативных связей» [Красных 1997: 133]. Д.Б. Гудков акцентирует внимание на том, что прецедентный текст – это элемент системы эталонов национальной культуры, который «всегда аксиологически маркирован» и эмоционально «заряжен» [Гудков 2003: 117]. При этом эталоны культуры – это «общепринятые представления... хранящиеся в сознании членов лингвокультурного сообщества, означаемые через язык и актуализирующиеся в речи» [Гудков 2003: 115]. По мнению Ю.А. Сорокина, И.М. Михалевой, прецедентный текст – это

особый вид «интекста», который служит «для создания типологического образа и аксиологической фокусировки смысла художественного текста» [Сорокин, Михалева 1993: 104]. Развивая теорию Ю.Н. Караулова, А.А. Евтюгина указывает, что «прецедентный текст является минимальным культурным знаком, выполняющим специализированную прагматическую функцию, регулирующую отношения данного письменного текста к отсутствующему тексту, культурную память о котором хранит прецедент, попавший в новую текстовую среду» [Евтюгина 1995: 4].

Аккумулируя идеи лингвистов, можно прийти к выводу, что каждый прецедентный текст – это система ассоциаций, берущих начало в сознании носителя языка. Знание и употребление прецедентных текстов делает общение в языковом коллективе полноценным. Использование в речи прецедентных текстов может характеризовать представителя лингвокультурной среды с точки зрения возраста, кругозора, сферы интересов и т.д. и являться показателем уровня языковой личности. Как отмечает Д.Л. Руто, прецедентные тексты «повышают интерес к изучению языка, выступают важным источником информации о жизни и культуре носителей языка, способствуют повышению речевой культуры» [Руто 2009: электронный ресурс]. Полагаем возможным рассматривать прецедентный текст как культурно значимую когнитивную модель, при моделировании которой существенное место занимают прецедентные имена (в частности, прецедентные антропонимы).

В современных масс-медийных политических текстах достаточно часто наблюдаются отсылки к прошлому и его великим деятелям. Рассматривая каждое прецедентное имя, можно выявить некоторые причины появления основывающегося на нем метафорического образа. Это, в частности, какие-либо подвиги, свершения, выдающиеся деяния человека, носившего имя, ныне ставшее нарицательным. Целью данной статьи является рассмотрение образа Ивана IV, более известного как *Иван Грозный*, в современных политических текстах, выявление семантики прецедентного имени *Иван Грозный* посредством разбора контекстов статей политической направленности.

Еще с начала появления текстов публицистического характера авторы газетных и журнальных статей, рекламных слоганов стали понимать, что как адресанту, так и адресату необходим определенный способ донесения и восприятия информации, особенно политического характера. Для достижения этой цели служат различные языковые приемы и образы, в том числе и прецедентные имена.

Из всех государственных управленцев Святорусского государства самым знаменитым и противоречивым является Иван IV Васильевич, нареченный в народе Грозным. Именно он, самый первый русский царь, всегда вызывал, вызывает и будет вызывать множество дискуссий на тему его истинного вклада в развитие России. Двойственность оценки его действий возникла еще при жизни Ивана Васильевича, мнения и взгляды современников на его политику разделились: «В исторической науке деятельность И. IV получила разноречивую оценку. Н.М. Карамзин, М.Н. Погодин, в известной мере В.О. Ключевский, Н.Г. Устрялов, Н.И. Костомаров и др. отрицательно характеризовали И. IV. Советские историки Р.Ю. Виппер, С.В. Бахрушин, И.И. Смирнов, П.А. Садиков усиленно подчеркивали положительные стороны в его деятельности. Глубокое конкретное изучение внутренней и внешней политики И. IV с учетом положительных и отрицательных сторон принадлежит С.Б. Веселовскому, М.Н. Тихомирову, А.А. Зимину, С.О. Шмидту и др.» [БСЭ 1969–1978: 10]. Такая полярность оценок действий Ивана Грозного просматривается и в наше время, особенно в современном медиадискурсе.

В менталитете современного русского человека и, соответственно, в современном медиадискурсе образ Ивана Грозного ассоциируется с такими качествами, как неистовая жестокость, цинизм, кровожадность. Мировоззрение современного носителя русской лингвокультуры, живущего в эпоху отсутствия информационных запретов, корректирует образ Ивана Грозного, включая в него не только биографические сведения, отраженные в энциклопедических источниках, но и иные факты: вклад в развитие русской архитектуры, образования, книгопечатания и литературы. При этом у современного человека складывается образ

кровожадного самодержца, целью которого является создание мощной основы своей власти. Ведь именно этим прославился первый русский царь.

Образ царя, сложенный из стереотипов и наиболее популярных фактов из биографии Ивана Васильевича, образует прецедентный антропоним *Иван Грозный*, который используется в современных медиатекстах. Автор определенного текста с помощью широкого спектра языковых единиц образной системы моделирует такой образ *Ивана Грозного*, который ему необходим для влияния на читателя. Данный факт помогает донести до подсознания целевой аудитории определенный смысл, выгодный для автора и совершенно незаметный для того, кто этот текст читает и воспринимает. Приведенные ниже контексты так или иначе подтверждают обозначенные выше доводы, а также являются материалом, демонстрирующим те или иные оттенки значений прецедентного антропонима *Иван Грозный*.

В медиатекстах можно встретить сравнение современных деятелей политики, культуры и искусства с Иваном IV, что подчеркивает положительную или отрицательную оценку их деятельности. Данный прецедентный антропоним, употребляемый в подобных текстах, используется в зависимости от интенций автора статьи, его желания моделировать конструктивный или деструктивный образ царя и соотнести его с тем или иным лицом. Зачастую цель состоит в том, чтобы подчеркнуть негативные стороны деятельности сравниваемого субъекта с царем. Например: *Но грузинам неспокойно. Через месяц будут президентские выборы, и в этот ответственный момент премьер Иванишвили вздумал оставить политику, по его словам. Он и длинную речь об этом толкнул, и письмо к народу на невообразимых 14-ти страницах написал. Мол, не хочу больше царствовать над вами. Прямо как Иван Грозный или там Борис Годунов* (Комсомольская правда, 12.09.2012).

Помимо приведенного выше значения, также встречается употребление данного прецедентного антропонима в паре с существительным “прозвище”. В «Словаре современного русского языка» под ред. С. И. Ожегова дается такое толкование данного слова: «**Прозвище**, -а, ср. Название, даваемое человеку по

какой-н. характерной его черте, свойству. Обидное п. *Человек по прозвищу Чужак*» [Ожегов, Шведова 1999: 610]. Ядерной семой в интерпретации слова «прозвище» является сема 'обидное', что подчеркивает негативный оттенок значения прецедентного антропонима в сочетании с существительным "прозвище". В масс-медийной статье данная конструкция *по прозвищу Иван Грозный*, применяемая к описываемому персонажу / политическому деятелю / знаменитости, сразу рисует в голове читателя определенный образ, личностные особенности человека, к описанию которого применяется конструкция *по прозвищу Иван Грозный: Немногие выжившие указывали, что пособник фашизма отличался особым зверством, за что и получил прозвище «Иван Грозный»* (Комсомольская правда, 12.10.2010); *Напомним, одним из наиболее известных подобных дел является история Ивана Демьянюка по прозвищу Иван Грозный. Он начинал свое сотрудничество с нацистами тоже в Травниках. Затем был переведен в концлагерь Собибор. В 2009 году Демьянюка депортировали из США в Германию. Он был признан немецким судом виновным в причастности к убийству 28 тысяч человек в Собиборе* (Факты, 22.08.2018); *Через тридцать лет Демьянюк был разоблачен. В 1980-х годах в Израиле на основании показаний свидетелей ему были предъявлены обвинения в том, что он является одним из самых жестоких надзирателей концлагеря Трешлинка по прозвищу Иван Грозный. Но адвокат доказал, что Иван Грозный – это другой человек, и по решению Верховного суда Израиля подсудимый был освобожден* (Петербургский авангард, 23.03.2018).

Как показал анализ, в медиатекстах языковая единица Иван Грозный может быть реализована с мелиоративной коннотацией: *Из Ивана Мильковича получился бы образцовый русский богатырь. Рост за два метра, плотная мускулатура, вьющиеся кудри, да и прозвище под стать – Иван Грозный. Жаль только, что паспорт у этого нападающего сербский* (Советский спорт, 09.09.2009).

Таким образом, в сознании обывателя конца XX – начала XXI в. закрепились определенные характеристики *Ивана Грозного*, сформированные

современниками царя и советской цензурой. Реализуясь в контекстах, языковая единица *Иван Грозный* обрастает коннотациями и ассоциациями, при этом выявляются такие ядерные признаки прецедентного антропонима *Иван Грозный*, как *жестокость, кровожадность, насилие*. Именно эти черты в первую очередь ассоциируются с образом данного персонажа и лежат в основе манипулирования массовым сознанием адресата медиатекста.

Литература

[БСЭ] – Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1969 – 1978. – Т. 10. – 592 с.

Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации.– М.: Гнозис, 2003. – 288 с.

Евтюгина А. А. Прецедентные тексты в поэзии В. Высоцкого: (к проблеме идиостиля): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург: Уральский государственный университет, 1995. – 17 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010. – 264 с.

Красных В. В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) // Язык, сознание, коммуникация. – 1997. – № 1. – С. 128–145.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

Руто Д. Л. Белорусские прецедентные тексты на занятиях по РКИ // Третьи чтения, посвященные памяти профессора В.А. Карпова, Минск, 13–14 марта 2009 г.: сб. матер. / редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и др.] – Минск: РИВШ, 2009. – С. 69–71. [Электронный ресурс] // URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/50236> (дата обращения: 23.09.2021).

Сорокин Ю. А., Михалева И. М. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность / ред. кол.: Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, И.В. Уфимцева. – М.: Наука, Ин-т языкозн., 1993. – С. 98–117.

СПЕЦИФИКА НАЗВАНИЙ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ, РЕКЛАМИРУЮЩИХ РЕМОНТНО-СТРОИТЕЛЬНЫЕ УСЛУГИ

Р.Р. Суфиева

Казанский федеральный университет,

Казанский национальный исследовательский технический университет

им. А.Н. Туполева – КАИ

В статье анализируются гемеронимы, а именно названия газет и журналов, рекламирующих услуги в сфере строительства и ремонта жилых и нежилых помещений. В работе доказано, что ведущей для гемеронимов данной группы является информативная функция. Установлено, что наряду с основной информацией о типе рекламируемой услуги в названиях газет и журналов исследуемой группы могут содержаться данные о классификационной характеристике объекта индивидуального домостроения и его назначении, о предназначенности конкретной целевой аудитории (по месту географического проживания адресата издания, по статусу населенного пункта, в котором он проживает, его материальному достатку) и т.д. Такого рода информация, содержащаяся в названии газеты или журнала, позволяет издателям сегментировать потребителей рекламной информации и добиваться желаемых результатов.

Ключевые слова: гемеронимы, номинация, ономастика, периодические издания, рекламные издания

В связи с увеличением темпов строительства в современной России активно развивается рынок услуг по ремонту и отделке квартир, домов, коттеджей и таунхаусов, офисов и коммерческой недвижимости. Столь же необходимыми оказываются и работы по возведению хозпостроек (гаражей, складов, бань и т.д.), обустройству инженерных коммуникаций и т.п. Высокая востребованность данных услуг, конкуренция в этом сегменте строительного бизнеса приводит к росту количества рекламной продукции, в том числе к увеличению числа газет и журналов, специализирующихся на продвижении рынка строительно-отделочных услуг и товаров.

В связи с вышеизложенным несомненный исследовательский интерес вызывают принципы номинации указанной группы периодических изданий. Как показало проведенное исследование, данная группа имеет как сходные с иными гемеронимами черты, так и свои отличительные особенности.

В названиях газет и журналов, целью которых является реклама строительных, ремонтных и отделочных работ, в первую очередь находит отражение

тематическая направленность издания, ее адресованность потенциальным клиентам, которым нужны сведения о компаниях, работающих в данной сфере (в том числе их возможностях и предоставляемых ими услугах и товарах, их конкурентных преимуществах). Информация о том, что данное издание рекламирует услуги строительно-ремонтных компаний, как правило, выражается словами со значением «возведение зданий, сооружений» («*PRO СТРОИТЕЛЬСТВО*», «*Стройка*» и др.) или / и «приведение в лучшее состояние» («*BLIZKO. Ремонт*», «*Ва-банкъ / Ремонт Казань*», «*Обустройство и ремонт*», «*Домой. Строительство и ремонт*», «*Ремонт и строительство*», «*Модуль. Строительство и ремонт. Орел*» и др.), а также «оформление внутреннего пространства» («*Интерьерный*», «*Интерьер от и до*», «*Дом и интерьер*» и др.).

Не менее значимым для издателей является наличие в гемерониме указания на регион или конкретный город. Во-первых, издатель должен обозначить аудиторию, на которую он работает. Во-вторых, при создании проектов зданий, ремонтных работ и в процессе оказания комплекса строительно-ремонтных услуг необходимо учитывать географические характеристики региона: рельеф местности, климатические особенности и т.п., т.е. клиент, безусловно, ищет те компании, которые имеют опыт работы в данном регионе, данном конкретном городе.

В связи с этим в гемеронимы достаточно активно включаются топонимы или их производные, а также хоронимы: «*Строительство & Интерьер в Бурятии*», «*Строительство в Сибири*», «*Стройка. Сочи*», «*Стройка. Сургутский выпуск*» и мн. др. Такого рода информация может обозначаться и достаточно необычным образом – введением в имя рекламного издания автомобильного кода региона: «*Недвижимость. Строительство и ремонт. 48 регион*».

Обратим внимание еще на одну особенность: в названиях может указываться не конкретная местность, а статус населенного пункта, на жителей которого рассчитана информация рекламодателей, например: «*Новая деревня / Малоэтажное строительство*», «*Мегаполис: строительство – недвижимость – ипотека*». Опять же такого рода информация обусловлена спецификой рекламируемых услуг: как специализацией самих компаний, работающих в этой сфере, так и потребностями потенциальных клиентов.

Сказанное объясняет и введение в состав многокомпонентных гемеронимов исследуемой группы слов *дом* «здание, строение, предназначенное для жилья» [БТС: электронный ресурс], *квартира, дача, коттедж*, т.е. классификационных признаков объектов индивидуального строительства и ремонта, например: «*Про ремонт квартиры и дома*», «*Интерьер. Дом и квартира*», «*Ва-Банкъ. Квартира. Дача. Дом*», «*Удачный выбор: квартира и дом*», «*Ремонт квартиры, дачи, дома*», «*Малоэтажное и коттеджное строительство в Челябинской области*».

Заметим, однако, что если раньше, как пишет А. В. Сергеева, под словом *дом* житель мегаполиса мог подразумевать только квартиру [Сергеева 2007: 42], то сейчас – и объект индивидуального строительства (свой дом, коттедж). А потому в некоторых случаях затруднительно однозначно определить, в каком из значений используется слово *дом* в гемерониме. Так, в названиях «*СтройГигант. Товары для дома, стройки и ремонта*», «*Ремонт в доме*» слово *дом* может быть истолковано и как «строение, предназначенное для жилья», и как «жилое помещение, квартира». Соответственно, невозможно определить и тип постройки, являющийся объектом рекламируемых ремонтно-строительных работ.

Коммуникативно значимым для названий рекламных периодических изданий рассматриваемого типа оказывается и такой признак, как назначение помещения, см., например: «*Дом и офис. Строительство, ремонт, интерьер*», «*Офисный интерьер. Office Interior*».

Как показывает анализ исследовательского материала, немаловажной для издателей рекламных изданий, продвигающих ремонтно-строительные услуги, оказывается и сегментация читательской аудитории по материальному достатку. Речь идет о некоторых газетах и журналах, в названии которых в эксплицитной или имплицитной форме указывается на то, что данное издание предназначено для людей обеспеченных или же для людей с ограниченными материальными средствами.

Широкие возможности выбора слова для номинации жилища человека в русском языке позволяют выделить свою газету и журнал из числа им подобных, расставить необходимые акценты, например, при помощи слов *особняк*,

в значении которого есть сема 'обычно роскошного вида' [БТС: электронный ресурс]: «*Особняк. Строительство и обустройство*», или слова *хоромы* «богатый, большой дом» [БТС: электронный ресурс]: «*Хоромы – XXI век, строительство и отделка класса люкс*». Слово *хоромы* использовалось некогда для обозначения царских боярских палат, ассоциативная связь двух значений («богатый дом» и «царские палаты») является основой коннотативных созначений 'царский', 'для избранных', явно прочитываемых в указанном гемерониме.

Этой же читательской аудитории (соответственно, и потенциальным клиентам ремонтно-строительных компаний) адресованы журналы и газеты, в названиях которых есть англицизмы *luxe* ('люкс'), *elite* ('элитный'), *luxury* ('роскошный'), а также аббревиатура *VIP*. Перечисленные слова в составе гемеронимов сообщают, что издание рекламирует компании, предлагающие своим клиентам услуги премиум-класса: «*LUXE Интерьер*», «*Elite. Территория интерьера*», «*Luxury Interior*», «*VIP интерьер и ремонт*».

Такое же значение может транслироваться и при помощи аффиксоида *евро-*: данный аффиксоид в современном русском языке стал своеобразным показателем «определенного стандарта, всегда очень высокого» [Сергеева 2007: 43]: «*Евроремонт*», «*Школа Евроремонта*», «*Евростроймаркет*», «*Евроинтерьер*».

В гемеронимах «*Частные владения архитектура, строительство, недвижимость*», «*Частные владения. Строительная индустрия. Г. Тольятти*» словосочетание *частные владения*, с одной стороны, указывает на классификационный признак объекта индивидуального строительства и ремонта (дом с прилегающей к нему территорией), во-вторых, на наш взгляд, содержит в имплицитной форме указание на высокий уровень материального достатка того, кому предназначена публикуемая изданием реклама.

Предназначенность рекламируемых периодическим изданием услуг клиентам с более скромными материальными возможностями маркируется в гемеронимах словами *доступный*, *выгода*, фразеологизмом *по карману*: «*Доступный ремонт и строительство*», «*Выгода. Строительство и ремонт*», «*Ремонт по карману*».

Для части гемеронимов данной подгруппы важной оказывается и информация о всеобъемлющем характере информации о рынке рекламируемых товаров и услуг. Строительство и ремонт – многоэтапные, сложно структурированные процессы, и знание информации во всей ее полноте позволяет облегчить задачу покупателя. Для актуализации данного значения в гемеронимы вводятся лексемы *мир* («о совокупности каких-л. явлений, предметов, окружающих человека» [БТС: электронный ресурс]): «*Мир недвижимости и ремонта Марий Эл*», «*Мир ремонта*», «*Мир строительства и ремонта*», азбука («*Азбука интерьера*»), а также фразеологизмы *от А до Я* («*Строительство и ремонт от А до Я*», «*Ремонт от А до Я*», «*Ярмарка от А до Я. Мебель и предметы интерьера*»), *от и до* («*Интерьер от и до*»).

Гемероним «*Что? Где? Когда? Производство и строительство*», содержащий аллюзию на знаменитую интеллектуальную игру «*Что? Где? Когда?*», кроме указания на исчерпывающий характер публикуемой в газете рекламной информации, подчеркивает, что данное издание является экспертом в той области, которая уточняется ключевыми словами гемеронима *производство и строительство*.

Все перечисленные примеры свидетельствуют, что для гемеронимов исследуемой группы информативная функция является ведущей. Причем наряду с базовой информацией о типе рекламируемых услуг и товаров в гемерониме содержатся дополнительные сведения, которые позволяют издателям сегментировать читательскую аудиторию (и, соответственно, потребителей рекламной информации), что в итоге позволяет достичь конечной цели издания – донести нужную информацию до целевой аудитории, а следовательно, увеличить продажи рекламируемых услуг и товаров.

Литература

БТС – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 1998. – 1536 с.

Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 320 с.

КУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ПРИЗМЕ ЕГО ЭТНИЧЕСКОГО СВОЕОБРАЗИЯ

Р.Х. Хайруллина

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

Р.А. Пожидаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ 19-012-00430/21

Этническое своеобразие художественного произведения обусловлено использованием в тексте внешних и глубинных маркеров его национально-культурного своеобразия. В статье описываются глубинные культурные смыслы как отражение особенностей национальной языковой картины мира, менталитета народа, системы мировидения самого автора произведения. Отмечается, что важную роль в создании национального колорита текста играет его концептосфера, метафоричность, средства художественной выразительности и т.д. Доказано, что наряду с универсальными свойствами художественного текста как лингвокультурного феномена текст, написанный на конкретном национальном языке, характеризуется этнической спецификой в отношении как отбора языковых средств, так и формирования глубинной культурной оставляющей.

Ключевые слова: художественный текст, лингвокультура, внешние и глубинные маркеры этничности, языковая картина мира.

Художественный текст содержит в себе культурный смысл, переданный автором с помощью различных языковых приемов и средств. Восприятие этого зашифрованного смысла читателем обусловлено особенностями человеческого сознания и его речемыслительной деятельности. А.Р. Лурия, говоря о расшифровке культурного смысла текста, выделяет две фазы его восприятия: «Первая фаза связана с процессами, обеспечивающими расшифровку воспринимаемых кодов, а вторая – с расшифровкой того глубинного смысла, который таится за воспринимаемым сообщением» [Лурия 1979: 291б –292].

В целях всестороннего лингвокультурологического анализа художественного текста и описания его этнокультурного своеобразия нам видится целесообразным выделение двух видов языковых маркеров, использование которых придает тексту национальный колорит – внешних и глубинных. Если первые заведомо представляют собой языковые единицы с национально-культурной семантикой, то вторые выступают как сложный комплекс языковых единиц,

обладающих функцией быть средством художественной выразительности. Их можно выявить лишь с использованием разных научных подходов – в ходе когнитивного, культурологического, литературоведческого и чисто лингвистического анализа.

К внешним языковым маркерам относятся языковые единицы, обладающие национально-культурной семантикой за счет закрепления в языке наименований реалий и понятий национальной культуры, истории, особенностей национального быта, менталитета, психологии нации. Это может быть выражено на лексико-фразеологическом уровне (слова и фразеологизмы с национально-культурным содержанием), на семантическом уровне (развитие образно-переносных значений слов, отражающих миропонимание народа).

Выявление описанных выше внешних языковых маркеров этнического своеобразия художественного текста в целом не вызывает труда, поскольку они представлены лексическими средствами языка и образуют «верхний» слой лингвокультурного пространства художественного текста.

Глубинные маркеры этнического своеобразия художественного текста требуют комплексного анализа с учетом социокультурных, исторических факторов, с применением разных приемов анализа и с учетом общелитературного процесса и творческого метода писателя.

Этническое своеобразие художественного текста, как известно, тесно связано с включением художественного произведения в национальный литературный процесс, с индивидуальным творчеством писателя, его идейными и ценностными установками, особенностями идиостиля писателя. Однако, являясь продуктом национальной культуры и будучи написанным на национальном языке, художественное произведение передает особенности мировидения автора в результате интерпретации и особой организации лингвокультурного пространства языка писателем. Несмотря на общенациональную когнитивную базу и общее для всех носителей языка культурное пространство, автор художественного текста использует неисчерпаемый потенциал языковых средств, вскрывает глубинные культурные смыслы и особым образом организует языковые средства

в художественном тексте. Как отмечают В.В. Морковкин, А.В. Морковкина, ментально-лингвальный комплекс «представлен тремя ипостасями: мышлением, сознанием и языком» [Морковкин, Морковкина 1997: 19]. Если речемыслительная деятельность и язык в данной триаде выступают универсальными феноменами и объединяют всех носителей языка в этнолингвокультурную общность, то сознание является тем краеугольным камнем, на котором строится творческий процесс. Творческое сознание, воображение и индивидуальность автора художественного текста дает ему возможность передать посредством одного и того же языка (общего для всех) то, что не видно поверхностному взору рядового носителя языка. В этом заключается гениальность творца.

Выявить глубинные маркеры этнического своеобразия художественного текста можно в результате анализа следующих его составляющих:

1. Концептосферы лингвокультурного пространства художественного текста с доминирующей ролью отдельных, актуальных для автора, для раскрытия центральной идеи, темы, сюжета произведения концептов. Концептуальный анализ возможен с использованием приемов когнитивной лингвистики, лингвокультурологического подхода к исследованию языка произведения. Статистический метод также позволяет выявить смысловую нагрузку того или иного концепта.

2. Системы средств художественной выразительности, среди которых важную роль играют метафора, сравнение (компаративы) и символизация.

3. Мифологемы, сквозные образы, закрепившие культурные коды народа, носителя языка.

Совокупность перечисленных выше глубинных языковых явлений как культурно маркированных ментально-лингвальных сигналов создает особый текст, вызывающий у читателя определенные ассоциации. Текст представляет собой «набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, определенные ассоциации», – пишет В. А. Маслова [Маслова 2001: 97]. Эти ассоциации формируют образы мира, содержание которых созвучно авторскому миропониманию.

Рассмотрим некоторые из видов глубинных языковых маркеров этнического своеобразия художественного текста.

Концептосфера – это понятийно-информационная база языкового сознания народа и отдельной личности, выраженная в языке. Культурные концепты – это важнейшие понятия, в которых представитель определенной этнокультурной общности категоризирует мир, в которых он аккумулирует свои знания и представления об универсуме. Такие концепты словно пронизывают все виды творчества народа – литературу, искусство. В ходе культурно-исторического развития народа в его картине мира отдельные концепты получают особое место, они актуализируются в результате их социальной значимости. По меткому выражению А.Д. Шмелева, представитель определенной этнокультурной общности «сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры» [Шмелев 2001: 7], а потому видит мир в призме национального мировосприятия. Многие концепты являются универсальными для всех или почти всех народов, но даже эти универсальные концепты могут получить новое звучание в призме авторской интерпретации.

Г.Д. Гачев отмечает, что национальные своеобразные образы (символы) мира отражают особенности идиоэтнического мировосприятия, они обусловлены психологией народа, его образом жизни, природными условиями проживания, многовековыми национальными традициями [Гачев 1988: 41]. Причем актуализируются в системе образов лишь те символы, которые имеют ценность для конкретного народа. Более того, один и тот же образ, культурный концепт по-разному осмысливается разными народами, что получает закрепление и в языке. Например, формирование концептов на базе наименований животных и птиц является универсальным языковым процессом. В любом языке закрепляются знания и представления о животном мире, но в основу концептуализации ложатся разные характеристики представителей фауны.

Так, в системе культурных концептов-зоонимов можно выделить три группы концептов, получивших закрепление в русском и башкирском языках:

1. Универсальные концепты, обусловленные единством материального мира и логической основой языка как знаковой системы, закрепляющей опыт познания человека. Они имеют место во всех языках, в том числе в русском и башкирском языках.

2. Концепты, присутствующие в русском и башкирском языках, но закрепившие миропонимание каждого из народов, их образ жизни.

3. Концепты, присутствующие лишь в одном из языков и отражающие специфику мировосприятия народа, носителя языка.

Например, образ коня – это культурный символ многих народов (киргизского, казахского, северокавказских, русского и башкирского народов). Однако если в русской культуре *конь* – прежде всего опора в домашнем хозяйстве, в земледельческом труде, тягловая сила (*работать как лошадь, рабочая лошадка, конь не валялся*), то в культуре кочевых народов это неизменный спутник и друг мужчины, средство передвижения, основа и символ материального благополучия. Высокая оценка роли коня в жизни джигита-наездника у башкирского народа находит выражение в интересных языковых фактах. Закрепляется ценностная характеристика коня и в пословицах: *Ирзен юлдашы ла ат, мондашы ла ат* (букв. Для мужчины конь и спутник, и душевный друг), *Аты барзын канаты бар* (букв. У кого есть конь – у того есть крылья) и др.

Образ коня воплощен в фольклорных и художественных произведениях многих народов, но у каждого по-своему. Ср.: *Пегас, Тулпар, Акбузат, Сивка-бурка, Конек-горбунок, Карагез* и др. С каждым из этих наименований коня связана своеобразная культурная коннотация, образное наполнение, свои ассоциации.

Анализ русских и башкирских фразеологизмов с компонентами-зоонимами позволяет сделать вывод о том, что общечеловеческие знания и представления о животных и птицах являются онтологической базой большего количества устойчивых единиц в сравниваемых языках, нежели национально специфическое их восприятие и оценка русским или башкирским народами.

Художественная языковая картина мира писателя или поэта всегда отражает его систему миропонимания, образ мышления, в ней формируются

ключевые для его творчества способы описания объективного мира и человека – лирического героя, персонажей. Как известно, в качестве средств художественной выразительности в тексте произведения, особенно поэтическом, широко представлены метафоры, эпитеты, гиперболы и литоты, сравнения и т.д. Используемые средства не только являются средством создания образности, но и передают присущий автору когнитивный механизм восприятия информации о мире и способ ее вербализации.

Авторский выбор и использование системы средств художественной выразительности также придают художественному тексту своеобразие (как общезычковое, так и национально-культурное). Исследователями отмечается, что символическим и эталонным художественное произведение становится в результате формирования в его лингвокультурном пространстве образно-метафорического значения.

Метафора – это одно из мощнейших средств выражения авторского «Я», так как в ее ментальной основе лежит сравнение, которое отражает творческое видение писателя.

О сущности метафоры как призмы авторского мировосприятия пишет и В.А. Маслова: «Метафорический перенос лежит в основе... особого видения, понимания» [Маслова 1997: 28] мира вещей, отношений между ними.

Сама суть метафоры заключается в том, что она является одним из способов познания мира, структурирования знаний о мире: новое знание об окружающей действительности базируется на старом, новое явление, понятие сравнивается со старым, хорошо знакомым. Любая мотивация новой семантики содержит в себе сравнение как отправную точку когнитивного процесса человека. Именно сравнение, лежащее в основе метафоры как ментального образования и языкового явления, является одним из важнейших механизмов построения и передачи новых знаний.

Основы сравнения, выступающие онтологической базой метафорического переноса в языке, представляют исследователю богатый материал относительно

мироощущений художника, его душевного состояния, взаимоотношений с окружающим миром и людьми.

Так, в поэзии С.А. Есенина метафора выступает излюбленным средством художественной выразительности. Надо отметить изменения содержания метафор в разные периоды его творчества, в разных поэтических циклах. Например, сравнение женских глаз со «златокарим омутом» и «синими брызгами».

Наибольший интерес в поэзии С. Есенина вызывает изучение антропоцентрических метафор, характеризующих восприятие поэтом образа самого себя, любимой женщины, матери, друга или врага, сравнение природы и природных явлений с человеком. Это метафоры, с помощью которых описывается внешность человека – у С. Есенина это глаза, голова, волосы, руки. Например: «Облетел головы моей куст», «Руки моей милой – пара лебедей», «Облетает моя голова, куст волос золотистый вянет», «Мне бы только смотреть на тебя, видеть глаз златокарий омут» и т.д.

Обычно у С. Есенина используется развернутая метафора, что делает образ более выпуклым и зримым. Наиболее частотной метафорой в поэзии С. Есенина является сравнение своей головы, волос с понятиями одного плана – видами растительности (*куст, лист, рожь, клен, сноп*).

Интересные индивидуально-авторские метафоры возникают в поэзии С. Есенина в процессе использования приема олицетворения. «Олицетворение обычно определяется как наделение предметов, растений, животных и явлений природы свойствами людей – такими, как дар речи, способность мыслить, чувствовать, совершать определенные поступки», – такое определение этого приема дает В. П. Москвин [Москвин 2007: 107].

В процессе олицетворения одушевляется все неживое. Для С. Есенина, выросшего в окружении русской природы на Рязанщине, природа была не просто средой обитания, а его поэтической «музой», в его стихах оживали деревья и травы, птицы и животные, предметы русского образа жизни. Олицетворение традиционно рассматривают как разновидность метафоры.

Глубинные культурные смыслы также передает использование в художественном тексте мифологем и сквозных образов, отражающих культурные коды народа, носителя языка.

В.А. Маслова относит мифы к «способам накопления, хранения и передачи культурных ценностей» [Маслова 2007: 192]. Мифологическое мышление было первым опытом осмысления и объяснения тайн окружающего мира человеком. Оно лежит в основе исходной картины мира человека – мифологической. Художественная картина мира – тоже особый тип картины мира, не научной, а образной, часто иносказательной, когда автор художественного произведения раскрывает проблему через систему прообразов (архетипов), символов, ключевых концептов.

Поскольку язык выступает выразителем, хранилищем и транслятором человеческой культуры, духовного мира человека, то мифы и культурные символы также находят отражение в языке. Мифологические мотивы и персонажи нашли отражение в произведениях выдающихся русских поэтов и писателей, например, в произведениях Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, в баснях И.А. Крылова, в прозе Н.В. Гоголя, К.Д. Бальмонта, М. Булгакова, а также в произведениях современных писателей – В. Пелевина, А. Солженицына, В. Маканина и других.

Таким образом, можно отметить, что глубинные языковые маркеры этнического своеобразия художественного текста придают художественному тексту, наряду с национально-культурными коннотациями, авторскую индивидуальность, определяют «почерк» мастера.

В ходе лингвокультурологического анализа внешние и глубинные языковые маркеры этнического своеобразия художественного текста разделяются исследователем условно, поскольку языковая ткань произведения функционирует как сложный лингво-ментальный и художественно-эстетический комплекс, в котором каждая языковая единица, каждое средство художественной выразительности отвечает творческому замыслу писателя.

Литература

Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Общие вопросы. – М.: Советский писатель, 1988. – 447 с.

Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – Воронеж: Истоки, 2001. – 219 с.

Лурия А.Р. Язык и сознание / под ред. Е. Д. Хомской. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.

Маслова В.А. Homo lingualis в языке и культуре. – М.: Флинта, 2007. – 318 с.

Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию: Учебное пособие. – М.: Наследие, 1997. – 207 с.

Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) / Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М., 1997. – 414 с.

Москвин В.П. Русская метафора. Очерк семиотической теории. – М.: URSS, 2007. – 194 с.

РАССУЖДЕНИЯ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

В. К. Харченко

*Белгородский государственный национальный исследовательский
университет*

В статье рассматриваются рассуждения-высказывания в разговорной речи носителей русского языка. Отмечаются три особенности таких высказываний: их оригинальность, склонность к цитации и позитивность. Подчеркивается их связь с книжным стилем речи.

Ключевые слова: рассуждение, разговорная речь, оригинальность, цитация, позитивность.

Картина мира – явление динамичное, и на ее формирование существенное влияние оказывают различные современные события, но вместе с тем также надолго сохраняются и особенности прошлых лет.

В научной литературе есть достаточно много данных по рассуждениям [Дементьев 2001, Касавин 2013, Колесов 2002, Кротков 2013, Седов 2007, Сошников 2013]. «Обычно под рассуждением, – пишет Е.А. Кротков, – имеют в виду умозаключение, или логический вывод. Между тем рассуждать (здраво) – значит формулировать вопрос и искать ответ: объяснять какое-либо непонятное явление, аргументировать свою точку зрения, строить прогноз на будущее *etc.* Ничего из названных когнитивных фигур в умозаключениях самих по себе нет» [Кротков 2013: 170]. Завершается статья следующим тезисом: «В реальном дискурсе (повседневном и научном) фигурируют, как правило, содержательные умозаключения, в которых логическая связь между посылками и заключением специально не отслеживается» [Кротков 2013: 179].

Ставя проблему «Генерирование или трансфер знаний: что важнее?», И.Т. Касавин подчеркивает, что «чистого перцептивного», концептуально стерильного знания не существует вообще [Касавин 2013: 51]. Степень авторства реплик-откровений бывает весьма условной, но ценно как раз то, что собеседник выступает:

во-первых, популяризатором удачно сформулированных, но не широко используемых умозаключений;

во-вторых, рупором собственных аутолозунгов по принципу: помогло мне – поможет и близкому мне человеку (а подчас и совсем незнакомому!); здесь мы сталкиваемся с феноменом «гносеологической робинзонады» [Мамардашвили 1968: 11–12], то есть права на индивидуальное знание;

в-третьих (а это уже следствие первого и второго), еще и корректором «коллективного бессознательного», что немаловажно, однако незаметно и скрыто.

Итак, мы отдаем себе отчет в значительной доле субъективизма, однако даже, например, в области лексикографии учеными признается возможность отражения субъективных воззрений. О дефиците в отечественной лексикографии субъективных словарей писали и в XIX, и в XX веках.

Так, Джонатан Грин полагает, что словарный источник во многом отражает его собственные вкусы и предпочтения. Словарь может восприниматься как инструмент для понимания другого текста и как самостоятельный текст, продукт своего автора. Отбор материала словаря – неизбежно субъективный процесс [A Dictionary of Contemporary Quotations 1982].

Польский лингвист Р. Стыпула, рецензируя словарь «Новые слова и значения» (1971), высказывает мысль о возможности включения в словари потенциально возможных слов в интересах верного формирования языковой политики. «До сих пор лингвисты только фиксировали то, что в языке уже существовало. Нужно подумать, не стоит ли забегать вперед. Я думаю, что составители словарей-справочников могут не только фиксировать, но и предлагать читателям потенциально необходимые слова, чтобы избежать искусственных неологизмов-уродов...» [Стыпула 1972].

Рассмотрим, как реализуется в обычной, живой речи ее рассужденческий потенциал. Здесь при анализе фактического материала, собранного на протяжении тридцати последних лет, выявляются следующие черты.

Первой такой чертой становится оригинальность, неожиданность высказываемой мысли.

[Попутчица-строитель, 66 л.:] Я, когда ремонт делала, меня все эти бежевые тона стали раздражать. Я захожу – меня тошнит. У меня белые обои, а цветы – металлик. Начала искать – на кухне сделала шахматную плитку черно-белую, да еще сама плитка неровная, под змеиную кожу, текстура такая. Купила ободок этот – у всех ободки, а я не могу, как у всех! И я по вертикали сделала! – *Как Вы мне хорошо посоветовали: серо-стальные полы!* – Чем светлее – тем лучше! Потому что на черном очень пыль видна! У меня мебель темная, я это замечаю! Мне нравится черно-белый. И мне до сих пор не надоело! (19.11.2014).

[Попутчица-менеджер, 59 л.:] Мне говорят: главное – ребенка накормить! Нет, ребята! Главное – чтоб мать была сыта. Потому что сытая мать всегда ребенка накормит! (22.11.2014).

[Попутчица-строитель, 66 л.:] Мне, наверное, самое интересное – вот говорят «Увидеть Париж – и умереть!» – я не умерла. А вот Рим! И ты понимаешь, что вся культура пошла от римлян. Они научили мыться французов, у них термы были. Те лили на себя духи, а их научили мыться... (19.11.2014).

[Профессор, член совета об оппоненте:] 3-ва, конечно, глуповата, но она жена богатого мужа. Это сейчас новое явление в науке – жена богатого мужа. Они защитились, подкупив, а потом разъезжают по диссоветам, как по модным показам (28.11.2014).

[По дороге в Ереванский университет декан, психолог коллегам:] Чем сложнее объект, тем больше точек в мозгу активизируется. Мы не фотографируем! (а структурируем увиденное) (09.12.2014).

[Во время командировки в Армению профессор, 52 г., и декан, психолог:] Я в фотографиях разочаровался. Я с коллегами пообщался, по городу прошелся – а что фотографии – это только маковки (впечатлений)! – Самое главное: мы сошли со своей орбиты на другую и нервная система успокоилась! (12.12.2014).

[Декан, психолог:] У нас читал лекции профессор Гниденко в МГУ по математике. Это сказка! Это песня! Он все объяснял на реальных примерах из жизни. И такой простой! Чем человек величественнее, тем проще! (12.12.2014).

[На занятии со студентами 1 курса] Андрюш, это Вы про художественные или? – И там, и там, однозначно есть оттенок переводчика. Это порядок слов, это... Переводчик может сделать все, что хочет, он знает это, и он является проводником одной страны в другую страну, одной культуры в другую культуру. Вот этот вот синтез, он очень зависит исключительно от того, как ты делаешь перевод. Первый перевод я сделал, получается, в 2009-м году, уже первая моя работа была, это был перевод конспектов по математике из Оксфорда... (18.11.2014).

[Писатель, г. Белгород, выступает в Литературном музее:] Меня умиляет умение в людях сохранять мелочи, а из них вырастает легенда. Обронил монету, наклонился – и стал нумизматом! (01.01.2004).

[Психолог, 64 г., отвечает знакомой:] А как Вы находите такие шляпки? – Если вы ищете вещь, она к вам придет! Я сказала: я пересплю с этой мыслью! Так я не просто переспала – я достала все свое хламье! (19.11.2013).

[Вахтер и комендант общежития:] Такое сало вкусное! Я, наверное, Вам подарю! – Вера Тихоновна! Ну нельзя ему сало! – Татьяна Васильевна! Можно всего немножко! – Но «немножко» у нас не понимают! (28.12.2013).

Вторым свойством рассужденческого потенциала разговорной речи является склонность к цитированию. Цитация чрезвычайно свойственна русскому человеку, и это ее свойство необходимо учитывать при анализе русскоязычной картины мира. На первый взгляд, цитация далека от рассуждений с их оригинальностью, но само обилие цитат говорит о другом – об их участии в выражении своего мнения.

Какой дивный образ беспорядка в квартире в передаче женщины-инженера, 57 лет: *Ко мне прийти? Ой, нет. У меня дома черти денежку искали!* (24.09.2021). Та же женщина через несколько дней говорит: *Так что я как та девочка, что золотой талер искала!* (30.09.2012).

[Доцент, 62 г.:] У меня в памяти пассивный и несгораемый запас! – Как хорошо сказала! – А это не я! Это Дмитрий Петров на канале «Культура»! Активная часть языка, она минимальна во всех языках, а все остальное – в нашей пассивной памяти, но это наш несгораемый запас! (10.02.2015).

[Доцент, 57 л., о своей семье:] Вчера В. заходит, а я не успела попсу выключить. Он говорит «Элегия Массне здесь явно не звучит!» (аллюзия из фильма «Любовь и голуби») (05.10.2012).

[Папа, лет 28, годовалой дочке в троллейбусе, держит ее, сонную, на руках:] Алиса? Алиса? Не спать! «Спать пора, уснул ежик, легши на колючий бок!» (14.04.2015).

[Муж жене на перроне:] Держись за меня. [Жена, лет 55:] Бабка за дедку, дедка за бабку – выкинули репку! (23.04.2012).

[Председатель дис. совета о недавно защитившемся докторе наук:] Он теперь очень популярный человек. Уже два человека к нему (в докторанты) просятся. «К нему не зарастет народная тропа...» (23.05.2012).

[О хлопотах по открытию диссертационных советов. Ректор:] Нужны волшебные слова? Будем их разучивать! (убеждать Москву. Аллюзия с известным рассказом В. А. Осеевой «Волшебное слово»). (07.06.2012).

[Две свахи:] Я срочно делала эту работу, не могла с вами поболтать. – Конечно! «Первым делом – самолеты...» (13.12.2012).

[Профессор, 59 л., на кафедре вспоминает:] Я заказывала портрет на Арбате, а он такую неземную красавицу нарисовал! А маме очень понравилось: «Ты здесь не похожа, но такая красивая!» – А он говорит: «Да это Вы! Вы просто себя не видите!». «Свежо предание, но верится с трудом...» (19.04.2013).

[Интеллигентная женщина, лет 45, родственникам на вокзале:] Я планов строю громадьё, а потом... – Да это жизнь такая... (27.05.2013).

[Профессор, 57 л.:] Она ко мне пришла и опять говорит про структуру университета! «Блажен, кто верует, тепло ему на свете!» (03.07.2013).

[О бывшей аспирантке, теперь начальнице:] Я ей говорю: «Забвенья не дал бог!». Как мне десять лет ваковского (доцента) не давали... – Как-как? – Это лермонтовское, я с юности запомнила: «Забвенья не дал бог!» (03.07.2013).

[Преподаватель коллеге о декане:] Главное – вашего мальчика сняли, как его? «Не буду завтракать без фрака!» – Такое есть выражение? – А это о том, кто претендует на аристократизм какой-то... (13.10.2013).

[Доцент вспоминает:] Папа проверял, читала ли я «Пионерскую правду». Я ее никогда не читала. Я придумывала! Вот, папа, на картинке пионеры. Они взяли шефство... Ну и дальше сочиняла! Я рассказывать любила! Но я им эту «Пионерскую правду» рассказывала ежедневно, не повторяясь. И я понимала, что, если я расскажу «Шершавым языком плаката», мне никто не поверит! (13.10.2013).

[Профессор вспоминает события 30-летней давности:] И еще Славик защитился из Тувы. Четвертый день после защиты, а мы все празднуем. Что называется: «Четвертые сутки пылают станицы!». Полинка пишет свой дневник, а у нас такой гудеж! (06.11.2013).

[Тверь. Защита докторской. Официальный оппонент из Краснодара:] Я в детстве часто ловил на заре рыбку. Но, когда прочитал: «Выткался на озере алый цвет зари», понял, что так бы не смог! (12.11.2013).

[Профессор, 61 г., иронично, разбираясь в шкафах на кафедре:] Учебники, конечно, времен очаковских и покоренья Крыма! (15.04.2015).

Разнообразие цитат восхищает. Здесь есть и прямая отсылка к автору цитаты, и аллюзия с детскими сказками, и упование на музыкальное произведение

(элегия Массне), и песня, и воспоминание о стихотворении Есенина, и... Цитата создает еще один уровень восприятия ситуации, почему она и применяется в рассуждениях, делая их более выигрышными.

Позитивность, третий признак рассужденческого потенциала, проиллюстрировать несколько сложнее, и мы не сразу его выделили, но, тем не менее, примеры находятся, и их немало. Вот характерный пример, снимающий конфликтную ситуацию и весьма успокаивающий собеседницу: *Муж в таких случаях говорит: Часы отсчитают любую ситуацию!*

[Тверь. Женщина инженер, 64 г.:] Люди вокруг себя перестали видеть красоту. Они смотрят на картинки! Нарисованные! Если ребенок не видит, что ствол у дерева не просто коричневый, а морщинистый, серый, как у слона (кожа), зеленый, если мох, а они этого не видят! Это все нарисовано другими людьми. И дети бедные поэтому, бедное восприятие. И надо возвращать детей к мысли, что вокруг все хорошо (14.12.2014).

[Хозяйка компьютерной фирмы, 64 г., гостье:] Сейчас есть такая манера – у девушки, что все должен муж, на него навешивать – и пусть везет, как хочет. Нет, в семье надо вдвоем, и нельзя, чтобы в семье один будет себя грузить, а другой будет благоденствовать! Вдвоем все! Димка, в Америке, говорит, девушки сначала карьеру делают, а у нас: муж должен! А что муж? Муж-то не железный! И получается, жена недовольна, и получается, что нет такого понятия, что жизнь хороша, что должны быть периоды какого-то счастья, а это можно только вдвоем! <...> Разные ситуации бывают, но все равно женщина должна мочь себя обеспечить! (14.12.2014).

[О начале деятельности фирмы:] Конфискат. Он там покупал, а потом нам продавал. Он имел с этого какую-то маржу. Коля Сенкевич. Он нам показывал компьютеры, он вез нас в Химки. Если четыре компьютера, мы их связывали – это называлось «сделать этажерку»! И на электричку! И мы не теряли силы духа, и не было представления, что нам очень плохо! А уж когда мы на машине стали (ездить), я все Москву смотрела, в метро-то все только локальные участки! А Москва тогда строилась, и я находила во всем этом удовольствие! (14.12.2014).

[Студент 1 курса рассуждает:] Дочь? Дочь – это принцесса моя! У принцессы должна быть грация, осанка. Будет музыка с хореографией. Хореография для того, чтобы была хорошая, статная фигура, осанка, походка целиком и полностью. И музыка, потому что для девушки, для любого человека музыка она тебя расслабляет. Не придется, скажем так, искать музыку в Интернете, где-то ее пытаться слушать. В обязательном порядке. Все должны

гордиться, что у меня такая дочь! За меня гордиться. Вот. Тут я не приложил никаких усилий, самородок такой получился. Никто не должен видеть в дочери моей заслуги, все должны видеть в моей дочери мою дочь. Принцессу. Мой цветок. И моя задача – я в этом плане как земля какая-то, даже не земля, я солнце, которое светит, а это растет. Все! Здесь я играю минимальную роль, но развитие ее будет, то, если я выхожу с ребенком своим: сын, дочь – все должны смотреть: вот этот отец, вот это дочь. И это то, что всегда было, и это идеально. И вот это видно сразу, что вот это воспитание. То есть независимо от моего финансового положения дочь у меня будет выглядеть как королева. Или как принцесса изначально (18.11.2014).

[Студент 1 курса из Луганска на занятии рассуждает:] А сын обязательно должен быть защитником. Защитником и мужчиной. Меня отец с 11 лет научил, что в жизни ты ничего не получишь просто так. Ты все должен заработать. Ты хочешь дорогой себе телефон? Тебе нужны деньги, иди работай. Я пошел к отцу, и у меня было представление, что я за один день себе заработаю на этот телефон. Я заработал 20 гривен, это было 9 лет назад, двадцать гривен за один день – это 60 рублей. И я понимал: мне надо в 10 раз больше. Он говорит: вот видишь: тебе это надо, но ты это не получил, то, что тебе нужно, и то, что ты хочешь, это разные вещи, и ты должен всегда соизмерять «нужно» со своим «хочешь». И если у тебя не будет этого баланса, то из тебя мужчина не получится. Все! (18.11.2014).

[Доцент-психолог на пенсии по телефону:] Без всяких проблем прожить год! А проблемы пусть будут, они нам как двигатели! (07.01.2015).

[Защита диссертации:] Вы нас поддержали... – Потому что только поддержка позволяет достичь чего-то положительного, а борьба – она всегда ослабляет (25.02.2010).

[Доцент о московском юбиляре, вернувшись в Белгород:] Девяносто лет! Делал доклад на целый час. Стоял! Прекрасно выглядит! Сам приходит, сам уходит, никто его не держит за ручку! Вот что значит голову держать в порядке! (02.12.2014).

[Профессор, женщина 75 л., по телефону о подготовке статьи:] Я поспала, во сне идея пришла. Я счастлива. Я дорвалась до работы, это счастье! Так что нет никакой горести, что работаю. Я жадная. Мы даже с Петровой дрались, какой кусок кто будет писать! (06.09.2016).

Положительность, позитивность весьма востребована в условиях постоянной тревоги, и нередко рассуждения становятся средством выработки позитивного решения в ситуациях, на первый взгляд не допускающих «плюсовой» трактовки.

Таким образом, мы выделили три характеристики рассужденческого потенциала в русскоязычной речи: оригинальность суждений, широкое использование цитат и позитивность. Они характеризуют языковую картину мира

носителей русского языка, но выделять их бывает непросто. Рассужденческий потенциал личности, как показывают наши наблюдения, помогает носителям языка справляться с быстрой сменой жизненных обстоятельств.

Литература

Дементьев В.В. Основы теории непрямой коммуникации: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2001. – 42 с.

Касавин И.Т. Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии // Вопросы философии. – 2013. – № 6. – С. 46–57.

Колесов В.В. Философия русского слова. – Спб.: ЮНА, 2002. – 448 с.

Кротков Е.А. О рассуждении как методе познания // Вопросы философии. – 2013. – № 6. – С. 170–180.

Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления (К критике гегелевского учения о формах познания). – М.: Высшая школа, 1968. – 191 с.

Седов К.Ф. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – 320 с.

Сошников А.О. Специфика структурно-семантической организации спонтанных текстов повествования и рассуждения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2013. – 22 с.

Стыпула Р. Рецензия на кн.: Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов, М., 1971 // Biuletyn leksykograficzny. – Warszawa, 1972.

A Dictionary of Contemporary Quotations. Compiled by Jonathon Green. – Pan Macmillan; Reprint edition. January 1, 1982. – 454 p.

ИЗУЧЕНИЕ СЛОВ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ ЗНАЧЕНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

А.Э. Шаповалова

*Белгородский государственный национальный исследовательский
университет*

В статье рассматриваются слова с национально-культурным компонентом значения, описывается сложность их изучения обучающимися. Для наиболее легкого усвоения данного класса слов мы предлагаем использовать инновационные технологии, например QR-код.

Ключевые слова: слова с национально-культурным компонентом значения, QR-код, лингвокультурология.

В настоящее время лингвистика активно развивает курс, в котором язык анализируется с точки зрения культурного кода нации, а не просто средства коммуникации. Основы данного направления были заложены исследованиями В. фон Гумбольдта, А. Потебни. В. Гумбольдт утверждал: «Границы языка моей нации означают границы моего мировоззрения» [Гумбольдт 1984: 123–134].

В данной работе язык будет рассматриваться не только с точки зрения коммуникации, но и с точки зрения культурной составляющей, в этом нам поможет лингвокультурология – раздел науки о языке, изучающий слово с точки зрения культурного фона. По словам В. В. Воробьева, лингвокультурология – «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания...» [Воробьев 1997: 59].

Известно, что с самого рождения человек, рожденный на определенной территории, усваивает язык народа, его культуру и традиции, а как быть с иностранцами? Ведь даже русскоговорящие люди, проживающие на разных территориях России, не всегда понимают значение слов с национально-культурным компонентом (далее – НКК) значения, свойственные определенному народу. Изучение языковых единиц в качестве «кода культуры» – это задача всего

образования, так как в образовательном процессе повышается интерес к культурному фону в образовании, к реализации культурологического подхода. В процессе обучения учащемуся необходимо осваивать ценности, накопленные человечеством ранее. Реализовать такую идею можно с помощью языка, так как именно он передает важнейшие критерии и реалии прошлой жизни. Такую идею формируют В.А. Доманский, А.Д. Дейкина, Л.А. Ходякова и другие современные методисты. Проблема языка и культуры рассматривается Н.Ф. Алефиренко, Е.М. Верещагиным, А.А. Залевской, В.А. Масловой, Т.Ф. Новиковой, В.Г. Костомаровым, С.А. Кошарной, А.Т. Хроленко, Н.М. Шанским и другими лингвистами.

ФГОС второго поколения говорит нам о необходимости культууроориентированного подхода в обучении русскому языку. Но в методике преподавания русского языка такой подход изучен главным образом в теоретическом плане, а вот практической составляющей мало. В связи с этим нужно вырабатывать новейшую методическую систему, которая сможет помочь достичь культурологических целей эффективными методами и средствами. Изучение слов с НКК значения может быть ключом в решении данной задачи.

Актуальность нашей работы видится в востребованности подхода к анализу и исследованию русского языка как хранилища национальных ценностей. Рассмотрение на занятиях лексики с НКК помогает осознать культуру народа, обратиться к мировоззренческим проблемам. Работа с такими словами позволяет добиваться не только предметных, но и метапредметных результатов, о которых говорится в ФГОСе. Такая лексика помогает решить и воспитательные задачи, потому что обладает, безусловно, духовно-нравственным и ценностным потенциалом.

Т. Ф. Новикова предлагает лексические единицы языка, именуемые «словами с национально-культурным компонентом значения», классифицировать следующим образом:

- безэквивалентные слова и устойчивые выражения – слова, у которых нет точных наименований в других субкодах этого же языка, которые не могут быть переведены на другой язык;

- диалектные слова – слова, используемые на определенной территории;
- этнографизмы – не имеющие синонимов в литературном языке названия предметов быта и хозяйства данной местности;
- локализмы (слова, транслирующие скрытые ценности, связанные с существованием в большом обществе вечевое и соборное идеалов, они характеризуются абсолютизацией роли и власти локальных сообществ), топонимы (имена собственные, обозначающие тот или иной географический объект), микротопонимы (названия небольших местных физико-географических и т.п. объектов);
- историзмы – слова или устойчивые выражения, называющие предметы, которые существовали ранее;
 - антропонимы – имена людей;
 - мифонимы – имена героев сказок, преданий, мифов и т.д.;
 - термины родства;
 - слова, репрезентирующие концепты русской и мировой культуры;
 - фразеологизмы, образные выражения, поговорки и пословицы;
 - элементы и формулы русского речевого этикета [Новикова 2007: 68].

В современный век инноваций школьные учителя и вузовские преподаватели обязаны поставить себе цель – использовать инновационные технологии на своих уроках, лекциях, практических занятиях, так как именно благодаря им усвоение знаний происходит эффективнее. Инновации в образовании – это новшества в педагогике, которые способствуют повышению уровня обучения, воспитания и нацелены на совершенствование технологий обучения.

Данными инновационными технологиями мы считаем следующие программы (рядом с каждым описанием программы дается ее QR-код, его можно считать при помощи смартфона, на который установлено специальное приложение):

1. QR-код. Вмещает в себя небольшую информацию (половина листа А4) или же гиперссылку, которую можно

запрограммировать с помощью генератора QR-кода [Калиева 2013, электронный ресурс]. Этот код считывается на уроке, у обучающегося сразу же появляется необходимая информация или задание, которое можно выполнить.

2. Plicers. Данная программа поможет преподавателю быстро провести опрос обучающихся в тестовой форме. Приложение устанавливается на смартфон и компьютер учителя, а обучающимся выдается персональный QR-код с буквами (A, B, C, D) с четырех сторон. На экране проектор высвечивает вопрос теста, учащиеся в это время переворачивают карточку нужной стороной, а учитель сканирует ее, при этом учитель сразу видит правильный / неправильный ответ каждого ребенка. Так как ответ высвечивается на экране, каждый обучающийся видит свою фамилию и результат своей работы.

3. Learning through open data. Программа поможет разнообразить урок, провести его в игровой форме. Главное: здесь есть база заданий по каждой теме, но учитель может легко создать свою. Например, задание, подготовленное к уроку «Стилистика» для 5 класса: обратить внимание на задание, цель которого – соотнести слово и его значение. Последнее задание уместно как на уроках развития речи (написание сочинения, подготовка к ОГЭ, в частности, отработка задания 9 ОГЭ), так и для задания 8 ОГЭ, где необходимо найти слово с определенным значением или подобрать к указанному слову синонимы или антонимы.

Проиллюстрируем, как с помощью QR-технологии можно легко научиться работать со «Словарем живого великорусского языка» В.И. Даля. Начинать изучение словаря необходимо с выделения тех групп слов, которые мы будем искать в словаре (в их числе и слова с НКК):

1. Слова, указывающие на родство людей: *тесть, сват, родельница, родиха, бабуша, дед, дедя, жена, тетка, муж, свекор, сноха, бабуня, бабушенька, родительница* и др.

2. Слова, называющие предметы быта: *ложка, тарелка, пекарня, видка, балбера* и др.

3. Слова, обозначающие профессии людей: *водонос, возжак, волонтер, баглай, герунок* и др.

4. Слова, обозначающие животных и насекомых: *дичь, еврашка, жаба, жаворонок, ястребок, жужель*.

Данный список можно продолжить, но на данном этапе остановимся на этих. Некоторые из перечисленных слов понятны носителю русского языка, а некоторые не семантизируются. Задача преподавателя – сделать понятными и запоминающимися слова с НКК, так как именно они нередко вызывают трудности.

Для решения указанной задачи мы стали использовать QR-код. Применение QR-кода снимает некоторые сложности: многотомные словари не столь удобны в использовании, на всех учащихся их, как правило, не хватает, а поработать с ними хочет и должен каждый ребенок.

Далее представлен алгоритм, который мы используем при создании QR-кода для освоения лексики обучающимися:

1. Находим искомое слово в толковом словаре, которое будет соответствовать теме нашего урока.

2. Копируем ссылку на это слово в поисковой строке.

3. Открываем приложение для создания QR-кодов (<http://qrcoder.ru/>).

4. Вставляем ссылку в окно для создания QR-кода.

5. Нажимаем кнопку «Создать код».

6. В правом нижнем углу высвечивается готовый QR-код, можно выбрать его размер. Наша задача – скопировать его и вставить в word, затем мы распечатываем столько кодов, сколько нам необходимо для урока (по количеству детей или групп).

7. Затем мы делаем то же самое с картинкой, обозначающей данное понятие, – это необходимо для лучшего усвоения материала обучающимися.

Приведем два примера использования QR-кода на уроках русского языка.

1. Нами были созданы коды для считывания материалов словарной статьи В.И. Даля *жужель*:

жужель – жучок из семьи или разряда бегунов, скороходов, *Carabus*. Жу-желицы тонконоги, бегают быстро (щелкуны прыгают, упираясь грудным щитком или шипами его; жуки, толстые, горбатые; козявки, мягкокрылые жучки; так свои приметы и у букашек, тараканов, собств. жуков и пр.). | Жужелица также пена, сок, гарь, шлак при плавке металлов, и гарь при перекалке и ковке, блестя, окалина; гарь, скипевшаяся в горну. Жужга ж. или жужг м. перм. вят. хлебный червь, насекомое с клопа, поедающее в засуху хлеб под корень [Даль 2006: 4, 65].

Работать с такого рода материалом можно по-разному. Если это дети младшего возраста, можно, например, попросить их прочитать определение, а потом изобразить его. Затем познакомить их еще и с описанием данного насекомого в учебнике биологии.

2. Применение QR-кода на уроках развития речи, знакомство со словами с НКК. По картине Б. Кустодиева «Пасхальный обряд. Христосование» можно провести урок по описанию внешности человека, используя приложение *Learning through open data*. Обучающимся (в виде пазла) предлагается соотнести слова описания внешности и, например, качества характера. При правильном соотнесении у учеников откроется картина, которую необходимо описать. Затем необходимо спросить: знает ли кто-то название этой картины, ее автора или нет? Затем работаем с названием картины, спрашиваем, что такое *христосование*? Если обучающиеся не поняли, что это троекратный обмен поцелуем в честь Пасхи, то раздаем QR-код с зашифрованным определением:

Таким образом, рассмотренная нами инновационная технология позволяет в увлекательной и интересной форме помочь учащимся усвоить слова с НКК значения. Цель образования – формирование личности, быстро ориентирующейся и подстраивающейся под изменения окружающего мира. Использование новых технологий позволит заинтересовать учащихся в достижении результатов обучения, и в итоге повысить качество образования.

Литература

Воробьев В.В. О понятии лингвокультурологии и ее компонентах // Язык и культура: Сборник докладов 2-й междунар. конф. – Киев, 1993. – С. 42–48.

Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и влияния на духовное развитие человечества (1830–1835) // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 123–134.

Колесникова Т.А., Колокольникова З.У., Лобанова О.Б. Применение инновационных технологий в образовательном процессе современной школы // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2017. – № 2. – С. 261–269.

Новикова Т.Ф. Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования: монография. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2007. – 296 с.

Новикова Т.Ф. Дидактические траектории в работе со словом // Русский язык в школе. – М., 2011. – № 11. – С. 3–10.

Новикова Т.Ф. Культуроориентированные приемы работы с текстом и со словом в тексте // Русский язык в школе. – М., 2011. – № 12. – С. 3–9.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: РИПОЛ классик, 2006. / Т. 4. – 672 с. / Т. 5 –127 с.

ВОСТОЧНЫЙ МИР В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЛЬСКОГО ПОЭТА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ ЯНА КОХАНОВСКОГО

Виктор Шетэля

Московский педагогический государственный университет

Статья посвящена особенностям творчества великого национального поэта Польши эпохи Возрождения Яна Кохановского (Jan Kochanowski, 1530–1584). Поэт одним из первых создавал свои произведения на родном (польском) языке в период, когда в литературе и других областях доминировал латинский язык. Новаторские языковые средства поэтического выражения Яна Кохановского отражают картину мира, сложившуюся в родном языке, а вместе с тем дают представление о глубине знаний об этом мире у носителей языка описываемого исторического периода. Описание слов, с помощью которых представлен реальный мир Востока в текстах произведений поэта, является основной темой настоящей статьи.

Ключевые слова: антропоним, восточные слова, новаторские средства поэтического выражения, носитель языка, регионализм

В разделе «Тексты поэзии Яна Кохановского как средство отражения картины мира эпохи польского Возрождения» в нашем учебном пособии «Страноведческий компонент в обучении польскому языку» [Шетэля 2021: 9–102] представлены примеры единиц, называющих региональные понятия внешнего мира – непольского мира – эпохи Ренессанса (XV–XVI вв.).

При анализе употребляемых великим национальным поэтом Польши Яном Кохановским (Jan Kochanowski, 1530–1584) лексических единиц можно выявить не только красочность его поэтических текстов, но и то, насколько ему как представителю просвещенной прослойки общества был известен окружающий мир и мировая история.

Отметим, что в стихотворных строках Яна Кохановского мы можем найти классические для того периода примеры использования имен героев самых древних мифов: *Ulisses, Menelaus, Parys, Aleksander, Priamus, Kasandra*; названий городов и стран: *Troja, Iliryja, Kroacyja* [Kochanowski 1953, 3: 105, 238]; народов: *Bulgarowie, Serbi, Slowacy* [Kochanowski 1953, 3: 237–238]; морей: *Morze Weneckie* (*Венетское море*, имеется в виду *Балтика*) [Kochanowski 1953, 3: 238], *Morze Chwaleńskie* (*Хваленьское море*, имеется в виду *Каспийское море*),

Zmarzłe Morze (*Замерзшее море, Студеное море – Белое*); рек: *Dźwina* i *Wolhwa* (*Двина* и *Волга*) [Kochanowski 1953, 3: 167].

«Словарь польского языка XVI века» в своем иллюстративном материале из разных источников того времени отмечает гидроним в той же форме, что и у Кохановского – **Wolhwa** [Słownik 1978: 90].

Подобное несовпадение (современное польское название *Wolga* и название XVI века *Wolhwa*) находим и в других случаях, как, например, в названии полуострова **Балканы** – **Bałchany** [Kochanowski 1953, 3: 38], ср.: современное польское **Balkany**.

Ян Кохановский в своих поэтических строках упоминает и Кавказ со странами и народами, там проживающими. Эти знания почерпнуты им у географов и историков. Об этом он пишет так (перевод в этом и следующих случаях наш. – *В.Ш.*): «Прокоп Цезаринский, известный историк, о Кавказе и о границах иберских говорил: “Здесь (говорит) между другими проживают алани и абазы, и цекки, которых также сабери называют”» [Kochanowski 1953, 3: 239]. В комментариях к этому тексту имеется пояснение, что прилагательное *iberskich* происходит от названия страны *Iberia*, т.е. *Guzja – Иберия-Грузия*. Имя *cekki* это, скорее всего, *черкесы, сабери* – это *гунны*, а этнонимы *alani* и *abazgi* являются собирательными названиями для обозначения ряда других народов Кавказа [Kochanowski 1953, 3: 315].

Таким образом, великому польскому поэту, а вместе с тем реформатору языка, создателю языка польской поэзии и религии, носителю польского языка эпохи Возрождения, был хорошо известен внешний мир, что отразилось в его творчестве.

Лексико-терминологическая система польского языка включает в себя единицы восточного происхождения, которыми язык обогащался в течение своей длительной истории. Таковыми у Кохановского являются, например, термины персидского происхождения *szachy* (см. поэму под этим названием „*Szachy*”), *szach* [Kochanowski 1953, 1: 114], *szachownica* [Kochanowski 1953, 1: 120]. В польский язык из восточных языков часто через посредство русского языка

заимствовались слова, например, слово *bohater* – `heros` [Brückner 1998: 34] – `герой`, неоднократно употребленное Яном Кохановским (в стихе-фрашке «О любви»: „Użyte serce dajesz bohaterom mocnym” («Сердца добавляешь героям крепким»)) [Kochanowski 1953, 1: 222] и другие.

Ян Кохановский употребляет и другие наименования, связанные с восточным регионом, а следовательно, обладающие соответствующим региональным оттенком, поскольку они называют этот мир, в частности, мир арабский, турецкий и татарский, с народами, там проживающими.

В 1578 г. выходит в свет переведенная Кохановским с латинского языка на польский «Давыдова псалтырь» („Psałterz Dawydów”), посвященная пану Петру Мышковскому, в которой было употреблено название страны *Ливан* – *Liban*: „I teraz ci z Libanu niosę Dawidowe Złote gęśli a przy nich polskie pieśni nowe” – «И теперь тебе из Ливана несусь Давыдовы Золотые гусли, а при них польские песни новые» [Kochanowski 1953, 1: 7]. В комментарии к этим строкам и к слову *Ливан* – *Liban* дается пояснение о том, что *Ливан* представляет собой горную цепь в Сирии. О ней часто говорится в священных писаниях в связи с известными «ливанскими кедрами», здесь растущими, из которых построен был храм Соломона [Kochanowski 1953, 1: 353]. Название *Ливан*, а также «ливанский кедр» в поэтической строке могло много сказать представителю просвещенного общества того времени, получившему образование на латинском языке в братских и иезуитских коллегиях.

Кроме того, арабский мир упомянут был поэтом в «Псалме 29», в котором говорится о «силе гласа Господня», который «ломает кедры» и приводит в дрожь «арабскую пустынь» [Kochanowski 1953, 1: 66].

Поэт употребляет и такие турецкие по происхождению слова, как *janczar* (от названия турецкого войска, созданного в 1329 г. и ликвидированного в 1826 г., от тур. *jeni (jany) czeri* – „новое войско”) [Brückner 1998: 198]. Отметим, что употребление этого слова не всегда связано с восточной тематикой и тематикой Османской империи (скажем, слово *янчарь* употреблено в «Песне IV» в связи с описанием мифической истории о Данае). При этом созданный

поэтический текст на польском языке *среднепольского* периода его развития, с начала XVI до середины XVIII вв., по периодизации Н. Е. Ананьевой [Ананьева 2009: 26–27], довольно труден для передачи его смыслов и *дословного* его переложения на современный польский язык, не говоря уже о переводе его на другие языки, например на русский. Здесь, вероятно, необходима передача смыслов и образов совсем не теми же эквивалентными единицами, какие можно было бы ожидать. Необходимо учитывать, что мы имеем дело с поэтическим текстом прошлого, полного переносных значений, скрытых в высказываниях более понятных носителю польского языка того времени. Поэт опирался на эти знания, в его творчестве отражена авторская личность описываемой эпохи.

Ян Кохановский использовал единицы восточного происхождения в своем поэтическом творчестве, что может говорить о многом. Само употребление, например, слова *янчарь* в таком контексте может свидетельствовать, во-первых, об одобрении автором именуемого, а во-вторых, о полной адаптации единицы в польском языке, но все же с некоторыми стилистически негативными оттенками. Автор не нашел соответствующего польского, достаточно отрицательного, названия для наемников, которые бы решили вопрос освобождения героини. См.: „Złoto śródkiem janczarów zbrojnych pójdzie snadnie, A przez twardą opokę gwałtowniej przypadnie Niżli raz piorunowy” («Золото как средство для вооруженных янчарь более надежно, И твердь [крепость, в которой держат Данай] сразу разрушится подобно удару молний») [Kochanowski 1953, 1: 66].

Сто лет спустя слово *janczary* было употреблено с теми же отрицательными оттенками значения в прозаических воспоминаниях шляхтича Я.-Х. Пасека (годы жизни: 1636 – 1701). См.: „Oni tylko Tatarami i brańcami wojują, których z inszych narodów biorą cyniąc z nich [j]janczarów i sipahierów” («Они только татарами и похищенными воюют, которых из других народов берут, делая из них янчаров и сипагеров») [Pasek 2007: 124].

Есть и другие примеры употребления единиц аналогичного происхождения. Так, в списке слов, употребленных Яном Кохановским [Kochanowski 1953, 3: 322–358], отмечено слово *bachmat* – `rasa koni tatarskich` (`порода татарских

коней` [Kochanowski 1953, 1: 322]. Теми же словами (`koń tatarski`) обозначено значение этого слова в этимологическом словаре А. Брюкнера, который отметил русское посредничество в его заимствовании польским языком [Brückner 1998: 198].

В словаре к воспоминаниям Я.-Х. Пасека слово *bachmat* в том же значении: `Bachmat – silny, krępy koń tatarski o krótkich nogach` (`сильный, коренастый конь татарский о коротких ногах`) [Słownik Paska 1965, 1: 27].

В текстах Яна Кохановского значение слово *sajdak* можно воспринимать как `вместилище для стрел`, см., строку из поэмы «Муза» в обращении к Ахиллу: „Wyniszczyłeś do czysta sajdak pełnostrzały” [Kochanowski 1953, 1: 139] – «До чистоты истребил ты полный стрел сайдак», а также: „Tatarzyn nie odniósł w sajdaku twej strzały” [Kochanowski 1953, 3: 151] – «Татарин не нашел в сайдаке твоей стрелы». Полна переносных значений следующая строка: „Z Łuków nie strzela, sajdak mu i strzały Ogniem króla polskiego wszystkie wygorzały” [Kochanowski 1953, 3: 162–163] – «Луки не стреляют, сайдак его и стрелы старанием (огнем) польского короля все сгорели». В данном случае речь идет о падшем русском городе Великие Луки. ??? с чего?

Подобное значение у рассматриваемого слова отмечено в этимологическом словаре А. Брюкнера, см.: “*Sajdak*, i *sahaidak*, `kołczan na strzały` (polska nazwa rodzima: *tuł*, gdy *lubie* łuk pokrywa; obie postaci w 17. wieku przyszły do nas przez Ruś ukraińną z tur. *sagdak*, *sajdak*, `tuł`”) [Brückner 1998: 479]. Как видим, словарь отмечает, что в польском языке для выражения значения `колчан` имеются два слова: «тул» для хранения стрел и «лубие» для вместилища лука. Турецкие слова пришли в польский язык в XVII в. через посредство русского языка.

Словарь к текстам Кохановского поясняет: *Sajdak* – `łuk z sięciwą i kołczan dla strzał` [Kochanowski 1953, 1: 346], что соответствует действительности, но это пояснение не от поэта, а от составителей тома.

Таким образом, создатель польского поэтического языка Ян Кохановский в качестве своеобразных средств выражения использует термины восточного происхождения.

Слова из языков восточных народов свидетельствуют об интересе представителей просвещенного общества к восточной цивилизации, о проводимых в этой области научных исследованиях в век так называемой «золотой польской культуры». Новаторские языковые средства в поэзии Яна Кохановского отражают языковую картину мира описываемого исторического периода и вместе с тем дают представление о глубине знаний о мире у носителей языка этой эпохи.

Литература

Ананьева Н.Е. История и диалектология польского языка: учебник. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 301 с.

Шетэля В. Страноведческий компонент в обучении польскому языку: учебное пособие. – М.: Прометей, 2021. – 146 с.

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Wyd. 8. – Warszawa: “Wiedza Powszechna”, 1998. – 805 s.

Kochanowski J. Dzieła polskie. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1953. – Т. I–III.

Pasek J.- Ch. Pamiętniki (Wybór): Lektura z opracowaniem Maciosa T. – Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa, 2007. – 176 s.

Słownik języka Jana Chryzostoma Paska. – Wrocław – Warszawa – Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1965 – 1973. – Т. 1–2.

Słownik polszczyzny XVI wieku. – Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1978. – Т. XI. – 634 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ашрапова Алсу Халиловна – кандидат филол. наук, доцент, заведующий кафедрой языковой и межкультурной коммуникации Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

Гилязова Ризаля Рамилевна – студент Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

Демичева Вера Владимировна – кандидат филол. наук, доцент кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Дугина Людмила Петровна – аспирант кафедры современного русского языка Астраханского государственного университета.

Еременко Ольга Ивановна – кандидат филол. наук, доцент кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Ермолаева Юлия Александровна – кандидат филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Уфимского государственного нефтяного технического университета.

Константинова Светлана Кимовна – кандидат филол. наук, доцент кафедры русского языка Курского государственного университета.

Курьянович Анна Владимировна – доктор филол. наук, доцент, заведующий кафедрой теории языка и методики обучения русскому языку историко-филологического факультета Томского государственного педагогического университета.

Лопаткина Светлана Викторовна – кандидат филол. наук, доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова.

Ма Шихань – магистрант историко-филологического факультета Томского государственного педагогического университета.

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филол. наук, доцент, профессор кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

Мартынюк Анна Ярославовна – старший преподаватель кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского»

Пожидаев Руслан Анатольевич – кандидат филол. наук, специалист отдела аспирантуры и докторантуры Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Сегал Наталья Александровна – доктор филол. наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Института филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.

Серебренникова Елена Александровна – аспирант кафедры теории языка и методики обучения русскому языку историко-филологического факультета Томского государственного педагогического университета.

Суфиева Роза Рустамовна – преподаватель отделения среднего профессионального образования Института авиации, наземного транспорта и энергетики Казанского национального исследовательского технического университета им. А. Н. Туполева – КАИ; соискатель кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Казанского федерального университета.

Трунова Диана Николаевна – студент Института филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.

Фефелова Галина Геннадьевна – кандидат пед. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Уфимского государственного нефтяного технического университета.

Хайруллина Райса Ханифовна – доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

Харченко Вера Константиновна – доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Шаповалова Алёна Эдуардовна – учитель русского языка и литературы МБОУ «Борисовская СОШ №2», аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Шетэля (Szetela) Виктор – канд. филол. наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета.

Яковлева Татьяна Викторовна – кандидат пед. наук, доцент кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства Белгородского государственного национального исследовательского университета.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Гилязова Р.Р., Ашрапова А.Х.</i> Интерактивный подход при обучении иностранному языку детей дошкольного и младшего школьного возраста	3
<i>Дугина Л.П.</i> Репрезентация региональных образов через сравнения в текстах астраханского писателя Ю. Селенского	9
<i>Еременко О.И., Демичева В.В., Яковлева Т.В.</i> Региональная микропонимия: особенности номинации	15
<i>Ермолаева Ю.А., Фефелова Г.Г.</i> Наименование печеных изделий из муки в русских говорах Республики Башкортостан (на материале «Словаря русских говоров Башкирии»)	24
<i>Константинова С.К.</i> А.А. Фет и И.Ф. Анненский – переводчики Горация (сопоставительный анализ на примере одной оды)	32
<i>Курьянович А.В., Серебренникова Е.А.</i> Концептосфера регионального учебного текста по русскому языку как иностранному в аспекте анализа общих и вариантных смыслов	42
<i>Лопаткина С.В.</i> Тувинские сказки как способ погружения в концептосферу региональной культуры при обучении русскому языку как иностранному на продвинутом уровне	52
<i>Шихань Ма.</i> Числовая концептуализация мира в русских и китайских поговорках (на примере чисел первого десятка)	61
<i>Маркова Т.Д.</i> Экспрессивность претеритов в славяно-русских прологах XIV–XV веков как отражение ценностных представлений Древней Руси	71
<i>Сегал Н.А., Трунова Д.Н.</i> «Аннушка уже разлила масло...»: художественная литература как источник прецедентности в текстах русскоязычных СМИ	80
<i>Сегал Н.А., Мартынюк А.Я.</i> Прецедентные антропонимы со сферой-источником <i>история</i> в русскоязычном медиадискурсе	84
<i>Суфиева Р.Р.</i> Специфика названий газет и журналов, рекламирующих ремонтно-строительные услуги	90
<i>Хайруллина Р.Х., Пожидаев Р.А.</i> Культурные маркеры художественного текста в призме его этнического своеобразия	95
<i>Харченко В.К.</i> Рассуждения в разговорной речи носителей русского языка	104
<i>Шаповалова А.Э.</i> Изучение слов с национально-культурным компонентом значения посредством использования инновационных технологий	112
<i>Шетэля В.</i> Восточный мир в творчестве польского поэта эпохи Возрождения Яна Кохановского	119
Сведения об авторах	125

Научное издание

**РЕГИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА
В ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ**

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И УНИКАЛЬНОЕ

Сборник статей

Подписано в печать 28.11.2021
Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 7,44
Тираж 100 экз. Заказ 193/9.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 233-73-28